

11-80
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

136

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ,
СИБИРИ И ПОВОЛЖЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

136

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ,
СИБИРИ И ПОВОЛЖЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1973

17-76667

Писать разборчиво

17-86

шифр

Археология

Сибирь и Поволжье

I. СТАТЬИ

З. А. АБРАМОВА, В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ

ТИПОЛОГИЯ И ФУНКЦИИ ОСТРОКОНЕЧНЫХ ОРУДИЙ
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КОКОРЕВО I
НА ЕНИСЕЕ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина,

А. В. Кольцов (ответственный секретарь),

И. Т. Крузликowa (ответственный редактор),

К. Х. Кушнарева, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,

П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),

В. В. Седов, Д. Б. Шелов, А. Я. Якобсон

176667

Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

Во время раскопок многослойной палеолитической стоянки Кокорево I, проводившихся Палеолитическим отрядом Красноярской археологической экспедиции в 1961—1966 гг., на широкой площади была обнаружена серия своеобразных остроконечных орудий, ранее почти не встречавшихся в палеолите Енисея. Еще П. П. Ефименко отмечал, что наиболее характерными палеолитическими орудиями этого района являются массивные скребла различных форм. Он писал: «... орудия, которые напоминают остроконечник, в енисейских находках встречаются значительно реже и имеют случайный характер»¹. Следует добавить, что если скребла в большинстве своем имеют мустьерский облик, ставивший в тупик первых исследователей палеолита Енисея, то единичные остроконечники такими чертами не обладали. Не обладает ими и группа орудий из стоянки Кокорево I. В эту группу включены орудия, имеющие характерный общий признак — наличие заостренного или слегка затупленного конца, образованного двумя ретушированными краями. Эти орудия более или менее симметричной формы с нижней плоскостью, лишенной обработки, за исключением редких случаев снятия ударного бугорка. Они достаточно разнообразны, и их трудно классифицировать по типам. Всего найдено 13 целых и 7 обломков таких орудий: во 2-м слое — 2 обломка, в 3-м — 4 целых и 3 обломка, в 4-м — 2 целых и 1 орудие с обломанным основанием, в 4-а слое — 5 целых и 1 обломок, в 5-м — 2 целых орудия.

По тип-листу Д. Сонвиль-Борд и Ж. Перро этому типу орудия ближе всего соответствует № 69 — «изделие листовидное, симметричное или асимметричное с заостренным концом или затупленным плоской ретушью, обычно солютрейского типа, покрывающей всю или часть верхнего фаса, в особенности основание, острие и один из краев; имеющие иногда на нижнем фаса, называемом «плоским», ретушь у оснований и у острия»².

Изделия из Кокорево I, сохраняющие ряд черт этой дефиниции, отличаются более крупными размерами заготовки, не имеют сплошной ретуши на верхнем фаса и не ретушированы у острия на нижнем фаса.

Целые орудия по основным признакам можно классифицировать. По ха-

¹ П. П. Ефименко. Первообытное общество. Киев, 1953, стр. 531.

² D. de Sonneville-Bordes, J. Perrot. Lexique typologique du Paléolithique supérieur. Outil-
lage lithique. «Bulletin de la Société préhistorique française», 1954, vol. 51, p. 334.

рактору заготовки: из длинных узких пластин изготовлено 5 орудий, из длинных массивных пластин — 2, из укороченных листовидных пластин — 3, из массивных отщепов — 3. Симметричная форма наблюдается у 9 орудий, асимметричная — у 4. Поперечное сечение может быть треугольным — 8 орудий, высокой формы — 2, плоским — 3 орудия. Изогнутость нижнего фаса в продольном сечении имеют 10 орудий и плоский нижний фас — 3. Приостренным концом обладают 10 орудий, стрельчатым — 3. Параллельные продольные края имеют 7 орудий, выпуклые — 6, причем максимальную ширину выпуклого края у основания имеет 1 орудие, в нижней трети — 2, в средней части — 3 орудия. Край в виде плавной линии наблюдается у 12 орудий, в виде ломаной — у одного. По форме основания: обработанное стрельчатое — у одного орудия, обработанное поперечно — у 6 орудий, без следов обработки основания обнаружено 6 орудий. Подтеску основания имеют 2 орудия, подтеску продольного края с нижнего фаса — 1, утолщенное основание — 2 орудия. По распределению ретуши: ретушью обработаны оба продольных края по всей длине у 9 орудий, один продольный край и верхняя часть второго — у 3 и ретушь только у острия — у 1 орудия. Ретушь крутую (свыше 30°) имеют 9 орудий, ретушь плоскую (до 30°) — 1 орудие, ретушь далеко заходящую — 3.

Рассмотрим следы изнашивания на орудиях, возникшие от использования их в работе.

Остроконечник из крупной пластины зеленого кремнистого сланца со слегка закругленным концом и тщательной обработкой краев (рис. 1, 5). Орудие сильно изношено от работы. Хорошо выделяются два типа изнашивания. Признаки первого прослеживаются на лезвии орудия: интенсивная заполировка лезвия в виде узкой полоски вдоль кромки со стороны верхнего и нижнего фаса орудия, причем на ребрах и углах фасеток (верхний фас) полоска заполировки несколько шире; границы заполированных участков четкие; кромка лезвия закруглена (если рассматривать в сечении); профиль ее выровнен истиранием; на особенно сильно заполированных участках кромки обнаруживаются четкие линейные следы в виде тонких царапин, ориентированных почти под прямым углом к линии кромки. Отмеченные признаки свойственны изношенным скребкам для обработки нежестких материалов (шкур животных)³. У описываемого орудия рабочей частью скребка служило ретушированное лезвие по всему периметру. Ко второму типу относятся признаки изнашивания на основании орудия: очень сильная шлифовка торцевой части (ударная площадка пластины) и прилегающих участков основания со стороны верхнего и нижнего фаса орудия; причем на нижнем фаса участок шлифовки особенно широк (около 1 см); углы и ребра фасеток стертые, закруглены; поверхности шлифовки шероховатые, матовые по цвету; на поверхностях шлифовки хорошо видны многочисленные линейные следы в виде резких длинных царапин, ориентированных в одном направлении — вдоль длинной оси орудия и под небольшим углом к ней (рис. 2, 1, 2). Следы возникли от трения по весьма твердому или загрязненному материалу при использовании орудия, по-видимому, в качестве лощила или, что более вероятно, разглаживателя швов сшитых кожаных изделий.

Остроконечник из уплощенной пластины зеленой яшмовидной породы со слегка закругленным концом и обработанными ретушью краями. Сломан в древности на три части. Из средней части изготовлен угловой резец, сохранивший следы изнашивания. В целом виде орудие долго использовалось в работе: узкая полоска заполировки прослеживается почти по всему периметру лезвия со стороны верхнего и нижнего фаса орудия. Участок без следов изнашивания срезан резцовым сколом при последую-

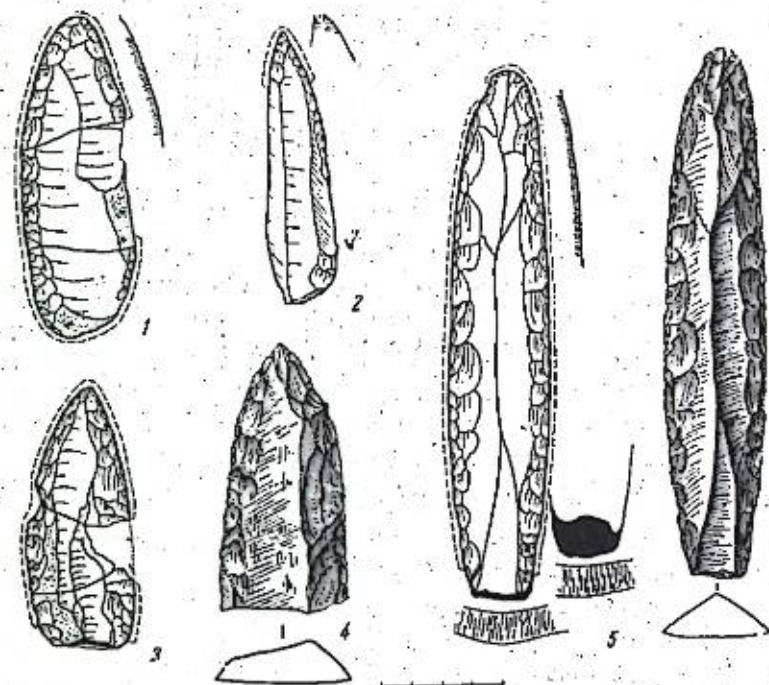

Рис. 1. Орудия палеолитической стоянки Кокореево I

- 1 — оваловый нож, вторично использованный в качестве скребка;
 2 — скребок;
 3 — двулезвийный остроконечный нож, вторично использованный для разглаживания швов;
 4 — кварцевый двулезвийный остроконечный нож;

- 5 — оваловый нож, вторично использованный в качестве скребка и для разглаживания швов. Прерывистой линией отмечены границы следов изнашивания на рабочих лезвиях орудий. Залиты черным участки, несущие следы изнашивания от использования орудий в качестве разглаживателей швов сшитых изделий.

щем использовании обломков. Границы заполированных участков четкие. Кромка лезвия закруглена; микрорубчатость, свойственная неизношенным орудиям, сглажена истиранием. На кромке прослеживаются тонкие поперечные царапины. Следы свидетельствуют об использовании орудия в качестве скребка для обработки шкур животных (рис. 1, 1).

Остроконечник из листовидной пластины асимметричной формы голубовато-серого кремнистого сланца. Оба края обработаны ретушью и сходятся на притупленное острие. Основание скошенное, сохраняет галечную поверхность и имеет лишь легкую подправку мелкой ретушью с нижнего фаса (рис. 3, 3). На орудии обнаруживаются два типа изнашивания. Один из них образует следы, сохранившиеся на лезвии по всему периметру (кроме острия и основания). По характеру они аналогичны следам изнашивания на двух предыдущих орудиях и являются следами использования орудия в качестве скребка для обработки шкур. Правда, в данном случае степень износа скребка меньше. Второй тип образуют признаки изнашивания на закругленном острие и основании орудия: заполировка прослеживается преимущественно на одной стороне лезвия (на нижнем фаса) и охватывает здесь широкий участок (до 0,7 см на острие и до 0,3 см на основании). На противоположной стороне заполировка в основном не выходит за пределы кромки. Последняя острая, в целом сохраняет микрорубчатость. Линейные следы четкие, длинные. Они концентрируются в прикромочной части заполированных участков лезвий и ориентированы под небольшим углом к длинной оси орудия. На острие линейные следы видны особенно хорошо. Признаки изнашивания возникли при

³ С. А. Семенов. Первобытная техника. М.-Л., 1957, стр. 108—111.

Рис. 2. Микрофотографии линейных следов изнашивания орудий при разглаживании швов

1 — основание орудия, изображенного на рис. 1, 5 (верхний фас); 2 — основание орудия, изображенного на рис. 1, 5 (нижний фас); 3 — основание орудия, изображенного на рис. 1, 3

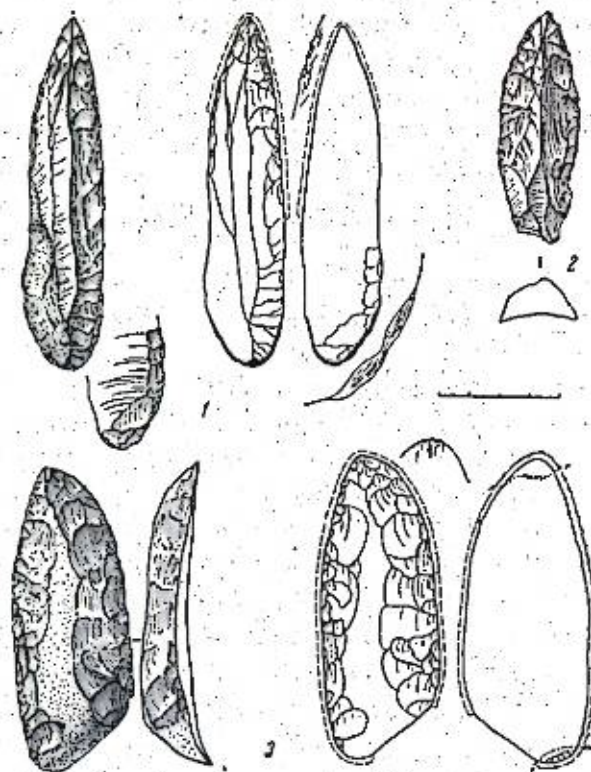
Рис. 3. Орудия палеолитической стоянки Кокорево I

- 1 — двулезвийный остроконечный нож, вторично использованный для разглаживания швов;
2 — остроконечник с выветренной поверхностью;
3 — овальный нож, вторично использованный в качестве скребка и стамески.

Прерывистой линией отмечены границы следов изнашивания на рабочих лезвиях орудий.

Землет черным участок, несущий следы изнашивания от использования орудия в качестве разглаживателя швов шпигных шкур.

Пунктиром отмечены участки со следами использования орудия в качестве стамески

использовании орудия, по-видимому, в качестве стамески при обработке дерева или кости.

Остроконечник из удлиненной пластины темно-зеленого ладита с ретушью по продольным краям: по одному — на всем протяжении, по второму — только у острия; основание подправлено с нижнего фаса (рис. 3, 1). На орудии обнаруживаются следы изнашивания от работы. Они образуют два типа и связаны с самостоятельными участками орудия: лезвиями, сходящимися к острию и основанием. На лезвиях изнашивание характеризуется следующими признаками: заполировка легкая, двусторонняя, хорошо заметная на прикромочных участках (шириной 1—2 мм), постепенно исчезает ближе к продольной оси орудия; в 0,5—1,0 см от кромки заполировка прослеживается только на гребнях неровностей микрорельефа и ребрах фасеток ретуши. Кромка лезвия имеет микрозубчатый профиль, лишь отдельные выступы ее с закругленным сечением. Лезвие с нижнего фаса имеет многочисленные мельчайшие фасетки выкрошенности; линейные следы редки, они в виде тончайших царапин прослеживаются только на участках, выровненных истиранием, и ориентированы параллельно и под углом к линии кромки лезвия, местами царапки замещаются линейной направленностью истирания той же ориентации. Следы изнашивания резко отличаются от следов изнашивания на скребках. Они возникли при использовании орудия в качестве ножа для разделки мягких животных и растительных материалов⁴. На основании орудия признаки изнашивания носят другой характер: сильная забитость ребер и углов мелкими короткими и неровными фасетками; истирание весьма сильное в виде шероховатой пришлифовки, видимой невооруженным глазом. Она располагается (часто поверх забитости) на ребрах и углах фасеток с обеих сторон близ

⁴ С. А. Семенов. Первобытная техника. М.—Л., 1957.

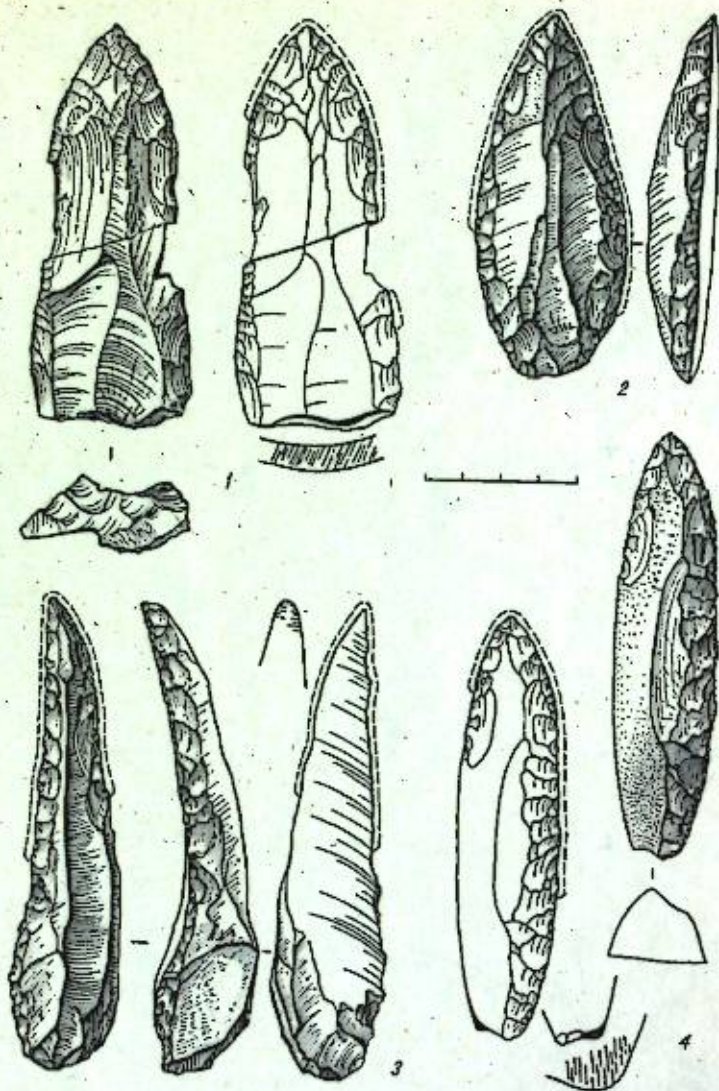

Рис. 4. Орудия палеолитической стоянки Кокорево I

- 1, 4 — двулезвийные остроконечные ножи, вторично использованные для разглаживания швов;
2 — двулезвийный остроконечный нож;
3 — провертка

Прерывистой линией отмечены границы следов изнашивания на рабочих лезвиях орудий. Залитым черным участки, несущие следы изнашивания от использования орудий в качестве разглаживателя швов шитых шкур

кромки лезвия и особенно на самой кромке; линейные следы резкие в виде длинных, тесно прижатых друг к другу царапин, направление их совпадает с очертанием лезвия. Следы возникли от интенсивного трения при использовании орудия, по-видимому, в качестве разглаживателя швов кожаных изделий.

Остроконечник из продольного скола темного кремнистого сланца. Скол имеет симметричную форму и трехгранное сечение. Один край обработан по всей длине, второй — лишь на одну треть длины у острия, остальная поверхность сохраняет галечную корку. Слегка вогнутый нижний фас оставлен без обработки (рис. 4, 4). Орудие было использовано в работе и имеет следы изнашивания, аналогичные описанным выше (рис. 3, 1). Лезвия, образующие острие, несут слабый износ со всеми признаками использования орудия в качестве ножа для разделки мягких материалов.

Основание орудия служило рабочей частью разглаживателя швов. Использовался угол орудия, линейные следы изнашивания располагаются в плоскости нижнего фаса и ориентированы под углом $45-50^\circ$ к длинной оси орудия.

Остроконечник из крупной пластины темного кремнистого сланца. Сломан пополам в древности, обломки превращены в угловые резцы, сохранившие отчетливые следы изнашивания. Ударная площадка заготовки тщательно обработана на нуклеусе (рис. 4, 1). По характеру следов изнашивания орудие аналогично описанным выше (рис. 3, 1; 4, 4): лезвия служили рабочей частью ножа, верхнее ребро ударной площадки заготовки было использовано как рабочая часть разглаживателя швов. Сохранившиеся здесь отчетливые линейные следы изнашивания ориентированы несколько под углом к длинной оси орудия.

Остроконечник из пластины темно-зеленого кремнистого сланца. Разломан в древности на три части. Края тщательно обработаны. Орудие изношено от работы. Следы изнашивания двух типов: на лезвиях и острие — с признаками применения его в качестве ножа для мягкого материала; на основании с признаками разглаживателя швов (рис. 1, 3; 2, 3).

Остроконечник из листовидной пластины правильной симметричной формы, треугольный в сечении. Материал — серо-зеленый кремнистый сланец. Края тщательно ретушированы по всей длине. Ударный бугорок снят, основание уплощено. Орудие слабо изношено по краям и на острие, использовалось в качестве ножа (рис. 4, 2).

Остроконечник из узкой длинной пластинки темно-фиолетового кремнистого сланца, трапециевидный в сечении. Конец сильно приострен, один край обработан ретушью наполовину, второй — лишь у самого острия. Орудие обнаруживает сильный износ. Он локализуется на острие и прилегающих участках лезвий. Истирание на лезвиях носит характер легкой двусторонней заполировки, которая расширяется к острию и охватывает его целиком. Вершина острия пришлифована и закруглена. Линейные следы тонкие, хорошо заметны и ориентированы вдоль длинной оси орудия, поперек кромки (на лезвиях) и слегка дугообразно изогнуты на пришлифованной вершине острия. Следы изнашивания возникли от использования орудия в качестве провертки для обработки сравнительно нетвердых материалов (дерево, кость) (рис. 1, 2).

Остроконечник из узкой длинной треугольной в сечении пластины темно-зеленой яшмовидной породы с сильно утолщенным основанием. Один край обработан ретушью по всей длине, второй — лишь наполовину у острия. Основание подтесано сколами. Орудие изношено от работы и использовалось, как и предыдущее, в качестве провертки. Следы изнашивания связаны с продольными краями и острием, причем особенно заметны на вершине острия (рис. 4, 3).

В изучаемой серии орудий три остроконечника изготовлены из крупнозернистых пород (кварцит) и не поддаются анализу. Форма одного из них позволяет отнести его к ножам (рис. 1, 4). Один остроконечник, форма которого наиболее близка соответствующим европейским (рис. 3, 2), имеет выветренную поверхность и также не может быть проанализирован по следам изнашивания. Этот остроконечник изготовлен из пластины овальных очертаний коричневой яшмы с обработанными ретушью краями. Основание орудия подправлено в плоскости откола несколькими фасетками.

Среди обломков остроконечников следы изнашивания обнаруживаются на трех: один из них — острие ножа, второй — острие орудия, использованного в качестве скребка, третий — острие провертки.

Неустойчивость морфологических признаков различных, хотя в целом типологически единых, орудий не позволяет дать более дробную классификацию этих своеобразных изделий, необходимость в которой очевидна. Следы изнашивания от работы являются дополнительным классификаци-

онным признаком и, как видно из описания, согласуются в ряде случаев с морфологией орудий, связывают воедино ее отдельные элементы. Нам представляется возможным в связи с этим наряду с описательной номенклатурой дать орудиям и функциональные названия. Орудия находили различное применение в производственной деятельности палеолитического человека. Проведенный трасеологический анализ подтверждает вывод, сделанный исследователями о многофункциональности каменных орудий⁵.

Выделяются две морфологически выраженные группы орудий: ножи и провертки. Ножи стоянки Кокорево I широко использовались, в частности, в качестве своеобразных разглаживателей швов, скорее всего, при сшивании кожаных изделий. Они могли использоваться и для других целей, например как наконечники копий. Большой интерес представляют остроконечники со следами изнашивания, как на скребках (рис. 1, 1, 5; 3, 3). Таким образом, можно предполагать, что следы изнашивания на этих орудиях свидетельствуют о вторичном использовании ножей с незначительным переформлением для новых целей или без него. Эти ножи можно назвать «овальными» в отличие от дулезвийных остроконечных.

Л. П. ХЛОБЫСТИН

О ДРЕВНЕМ ЗАСЕЛЕНИИ АРКТИКИ

Мощные пульсации климата в плейстоцене давали возможность палеолитическим обитателям приледниковых зон и побережий северных морей в периоды интерстадиалов проникать далеко на север. Открытие в Печорском Приполярье ряда стоянок мустьерского и верхнепалеолитического возраста¹ позволяет сделать предположение, что еще в эпоху палеолита коллективы древних охотников при движении на север могли неоднократно пересекать Полярный Круг и основывать свои поселения в Арктике. Последующие похолодания заставляли этих охотников покидать приполярные районы, поэтому говорить о непосредственном формировании населения Европейского Заполярья из числа палеолитических охотников не приходится. Несколько иначе проходило заселение американской Арктики. Накопившиеся за последнее десятилетие материалы свидетельствуют о заселении Америки через арктические и субарктические районы Берингии и Аляски несколькими миграционными волнами выходцев с северо-востока Азии, причем время первоначального их проникновения на Американский континент определяется по крайней мере XX тысячелетием до н. э.²

В плейстоцене сплошного покровного оледенения Аляски не было. Здесь существовали свободные ото льда пространства, сохранявшие растительность и животный мир. Их заселяли потомки переселенцев из Азии. В заполярной части Арктики (хребет Брукса) и близ арктического побережья Канады обнаружены поселения с каменным инвентарем, характерным для традиции Бригшиш Маунтен, унаследовавшей некоторые черты сибирского палеолита. Ее возникновение относят примерно к XVI тысячелетию до н. э.³

Сейчас трудно говорить о возможности генетической преемственности между носителями бритиш-маунтской и других культурных традиций, последовательную смену которых прослеживают на севере Аляски и Канады американские и канадские исследователи, ибо эти смены могут объясняться как приходом нового населения, так и возникновением в среде аборигенов или восприятием ими извне новых хозяйственных и промышленных навыков. Возможно, палеолитическое население американского Запо-

¹ Е. М. Тимофеев. О влиянии четвертичных трансгрессий на развитие палеолитического человека и фауны позвоночных в северной части Восточной Европы «Кайнозойская история Полярного бассейна». Л., 1968; О. Н. Бадер. Полевой семинар по стратиграфии антропогена и палеолиту Печорского Приполярья в 1968 г. СА. 1969, № 4.

² A. Kreiger. The Earliest Cultures in the Western United States. «American Antiquity», 1961, vol. 28, 2; И. П. Ларичева. Древнейшие памятники культуры Северной Америки. «Древняя Сибирь», вып. 2. Новосибирск, 1966.

³ R. S. Mac Neish. Investigations in Southwestern Yukon. «Archaeological excavations, comparisons and speculations», 1964, vol. 62, N 2; Н. А. Береговая. Древнейшие культурные традиции американской Арктики и их связи с северо-востоком Сибири (по раскопкам 1955—1964 гг.). «Труды СВКНИИ», вып. 17. М., 1967.

⁵ С. А. Семенов. Первобытная техника. М.-Л., 1957, стр. 128—130. Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л., 1969.

лярья вошло в качестве субстрата в состав последующих обитателей этого края, передав ему свой генетический фонд и культурные навыки.

В Старом Свете постоянное население Заполярья сформировалось в эпоху мезолита. Его появление на огромных арктических просторах Евразии связывается с потеплением климата, начавшимся в раннем голоцене. Потепление продолжалось в бореальный период (8—6 тыс. лет до н. э.), а к атлантическому периоду (6—3 тыс. лет до н. э.) относится максимум климатического оптимума. В течение оптимума существенно сократился ледяной покров океана. Произошло смещение растительных зон: граница леса проходила на 400—500 км севернее современной, вдоль арктического побережья тянулась кустарниковая тундра. Изменение экологических условий вызвало передвижение жизненно зависевших от них охотничьих коллективов. Они начинают основывать свои поселения в более высоких широтах. Следует, по-видимому, считать, что во время климатического оптимума были освоены почти все земли Арктики. Последующие ухудшения климата не были столь тяжкими, чтобы заставить арктических охотников полностью покинуть освоенные территории, а уровень культуры позволял им в большей мере, чем их палеолитическим предкам, приспосабливаться к изменениям климата. Таким образом, людей, появившихся в евразийском Заполярье в бореальное и атлантическое время, можно считать аборигенным населением Арктики. В дальнейшей истории освоения Арктики оно участвовало как важный компонент в сложении культур и в генезисе последующих обитателей Заполярья, в конечном итоге, его современных народов.

Одними из наиболее ранних поселенцев в европейской Арктике следует считать носителей культуры Комса, или, иначе, «арктического палеолита», чьи многочисленные стоянки на северном побережье Норвегии и Кольского полуострова датируются по расположению на древних высоких террасах VII—VI тысячелетиями до н. э.⁴

На остальной территории евразийской Арктики, протянувшейся на тысячи километров от Белого до Чукотского морей, памятники, свидетельствующие о ее заселении в эпоху мезолита, представляют большую редкость. К этой эпохе можно относить кремневые комплексы стоянок Сандибей-ю I в Большеземельской тундре и Тимир-Билир в междуречье Анабара и Оленёка⁵. В инвентаре этих стоянок абсолютно преобладают ножевидные пластинки и сделанные из них орудия: наконечники стрел с выделенным черешком, концевые скребки, угловые резцы, проколки и пластинки с ретушью по краю, употреблявшиеся как вкладыши. Отщепы и сколы использовались только для изготовления массивных скребков. Комплексы Сандибей-ю I и Тимир-Билир хорошо сопоставляются с мезолитическими и раннеолитическими материалами Верхней Волги — для первой из указанных стоянок и бассейна Лены — для второй, что позволяет датировать их VI—V тысячелетиями до н. э.

В низовьях р. Индигирки имеется еще одна стоянка, отнесенная ее исследователями к VI—V тысячелетиям до н. э. Однако присутствие в инвентаре стоянки треугольных наконечников стрел с прямыми и асимметрично вогнутыми основаниями заставляет с осторожностью относиться (до уточнения стратиграфии стоянки) к предполагаемому определению ее возраста⁶.

Открытие в 1967 г. на Таймыре хорошо стратиграфированной мезолитической стоянки Тагенар VI, сделанное Заполярным отрядом под руко-

⁴ Б. Ф. Земляков. Арктический палеолит на севере СССР. СА, V, 1940.

⁵ Л. П. Хлобыстин. Крайний северо-восток европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы. «Этнические общности на территории европейской части СССР в эпоху неолита», Л., 1973. Он же. Новые памятники бассейна рек Анабара и Оленёка. «Древняя Сибирь», вып. 3. Новосибирск, 1970.

⁶ Н. А. Березовая. Указ. соч., стр. 87, 88.

водством автора настоящей статьи, существенно расширяет наши сведения о древнейшем заселении Заполярья. Стоянка Тагенар VI находится на левом берегу р. Тагенар, в 5 км от ее впадения в Волочанку, входящую в бассейн Хеты — Хатанги. По Тагенару и Волочанке проходит наиболее удобный путь, связывающий приенисейскую часть Северо-Сибирской низменности с низовьями Лены. Расположена стоянка на большом песчаном бугре первой надпойменной террасы, возвышающейся над межениным уровнем Тагенара на 5—7 м.

Раскоп (39 кв. м), заложенный на вершине бугра по краю обширного выдува, частично нарушившего культурные напластования, установил следующую стратиграфию. Под слабовыраженным дерновым покровом (0—0,02 м) лежит серо-желтый песок (0,02—0,34 м), в котором заметны тонкие коричневые гумусные прослойки. Он переходит в песчаный в своей основе слой (0,34—0,47 м), пронизанный темно-коричневыми гумусными прослойками, более частыми и насыщенными в его основании. Нижняя граница этого слоя в отличие от верхней четкая. От нее начинаются мерзлотные клинья, зарождающиеся в виде небольших неравнобедренных углов, от острия которых иногда спускаются вниз тонкие трещинки. Встречен большой клин, на 0,8—1 м углубляющийся в нижележащие напластования коричневатого слабослонистого песка (0,47—1,32 м) с 8—9 гумусно-углистыми прослойками толщиной от 0,5 до 2 см, иногда сливающимися или исчезающими. К прослойкам приурочены кострища, куски обгоревшего дерева и коры.

На глубине 1,20—1,32 м от поверхности горизонтально лежит гумусно-углистая прослойка (1—3 см) с красными и черными пятнами кострищ, небольшими камнями и вкраплениями малиновой охры, местами интенсивно окрашивающей прослойку, с которой связаны изделия из камня. Подстилается культурный слой желтыми, местами серыми, крупнозернистыми песками, напоминающими русловой аллювий.

Насыщенность культурного слоя находками неравномерная. Они сосредоточены в основном около большого кострища, в котором найдено много углей, мелких обгоревших камней и костей животных и птиц. Кости, найденные в слое, плохой сохранности; определяются только зубы северного оленя.

Основную массу находок составляют тонкие призматические пластинки — 215 экземпляров, включая и обработанные. Отщепов, большей частью очень мелких, найдено всего лишь 62 экземпляра. Ножевидные пластинки скалывались с призматических нуклеусов плиточного кремня, сочетавшего серые, розовые и бежевые оттенки. При раскопках было найдено три таких нуклеуса (рис. 5, 24—26).

О первоначальных размерах нуклеусов дают примерное представление скодотые с них пластинки, достигающие длины 77 мм (рис. 5, 23). Призматические пластинки в основном употреблялись как лезвия ножей и в большинстве несут следы именно такого использования. На пластинках часто встречаются краевая ретушь, мелкая, небрежно нанесенная (рис. 5, 14—19). В этом случае они могли употребляться как вкладыши комбинированных орудий. Эти орудия достигали, судя по микровкладышам, высокого совершенства. Найдено два микровкладыша с притупленной спинкой, оструганной крутой, очень тщательной мелкой ретушью. Их длина 10 и 13 мм, ширина, соответственно, 2,5 и 3 мм. Граверные работы, столь нужные для изготовления комбинированных орудий, могли выполняться как обычными угловыми резцами (их найдено 3 штуки: рис. 5, 1—3), так и угловыми и клювовидными резчиками. Угловые резчики представляют собой усеченные пластинки с мельчайшей ретушью, образующей подобие резцового скола (рис. 5, 4, 5). Свообразными являются резчики другого типа, у которых выделяется клювовидное острие, сделанное каревой выемкой около усеченной части пластинки (рис. 5, 6, 7). Одна пла-

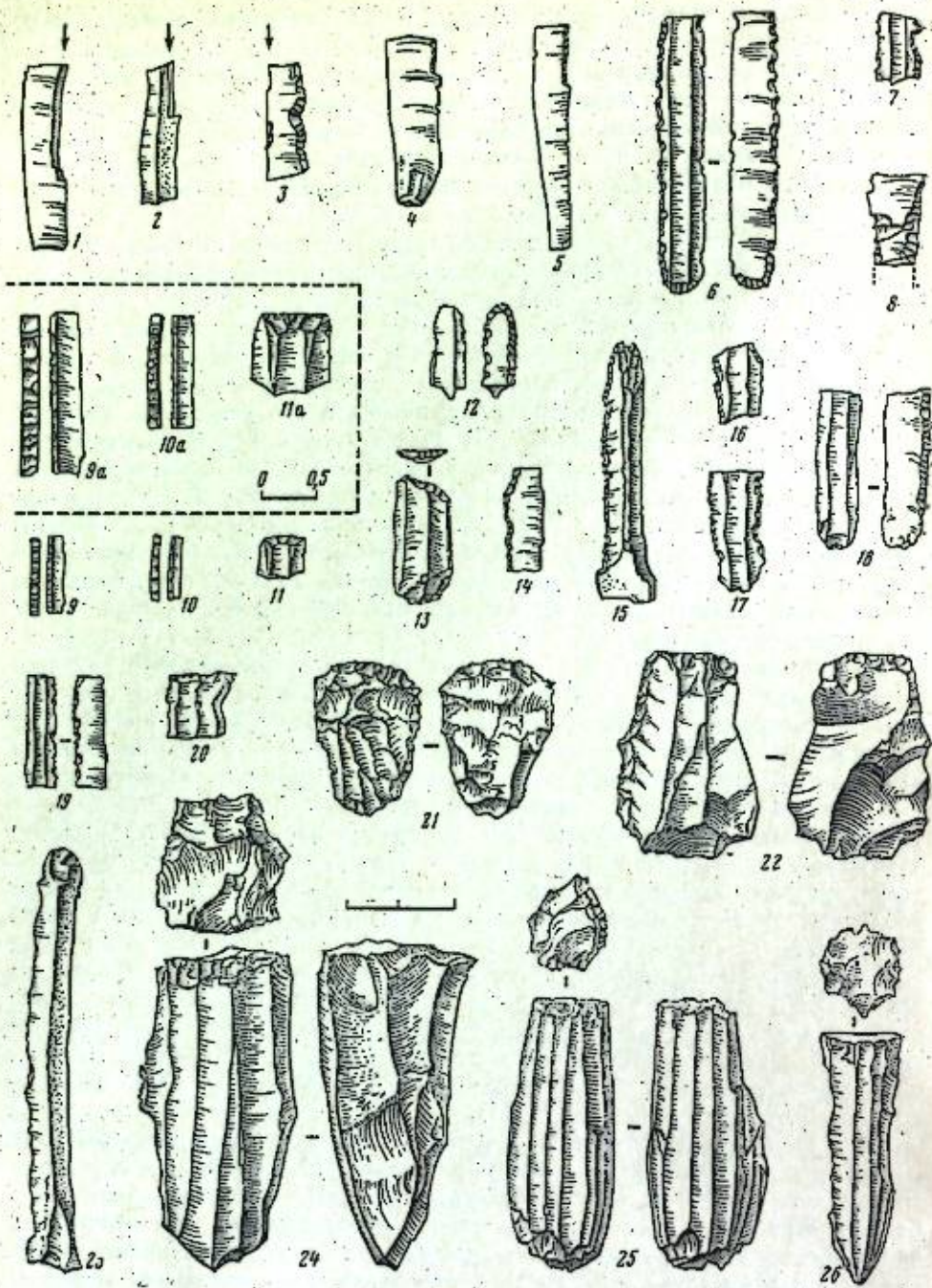

Рис. 5. Изделия со стоянки Таганар VI

стинка имеет пологую ретушь на брюшке и, по-видимому, является обломком прокола или наконечника стрелы (рис. 5, 8).

Миниатюрность и скупость обработки, характерная для рассматриваемого комплекса, проявляется и в оформлении скребков: снимая несколько мелких чешуек обломанного конца ножевидной пластинки, получали скребки концевой типа (рис. 5, 11, 13, 20). Пластинка, более тщательно обработанная крутой ретушью по краю и скругленному концу, сочетала в себе сразу два типа скребков — концевой и бокового (рис. 5, 15), Единствен-

ным орудием, сделанным из отщепы, является скребок овальной формы. Его спинка и брюшко обработаны длинными сколами стелющейся ретуши; невысокий край сильно (до заполированности) сработан, вероятно при выделке кож (рис. 5, 21). Массивный скол с призматического нуклеуса был использован для изготовления долотовидного орудия (рис. 5, 22). Изогнутый рабочий край его оформлен с брюшка несколькими сколами, а спинка сохраняет поверхность скалывания нуклеуса. О том, что обитатели стоянки Таганар VI использовали и шлифованные изделия, говорят отщепы кремнистого сланца, на которых остались участки шлифованной поверхности.

Таганарский комплекс выделяется сочетанием типичных для позднего мезолита — раннего неолита форм орудий и в достаточной мере арханчностью их обработки. Он может быть сопоставлен с сибирскими материалами названных культурно-хронологических периодов.

Изделия со стоянки Таганар VI очень близки материалам памятников хиньского этапа — заключительного этапа развития докерамических культур Восточной Сибири. Несмотря на различия в терминологическом определении этого периода в древней истории восточносибирских народов — его называли и финальным мезолитом, и докерамическим неолитом, и даже голоценовым палеолитом, — все исследователи единодушны в определении характера материальной культуры относимых к нему памятников. Для них типичен расцвет техники ножевидных пластин, скалываемых с призматических и клиновидных нуклеусов и служивших основой для изготовления резцов, резчиков, проколов, острий, вкладышей, концевых и боковых скребков. Изготавливались скребки, тесловидные орудия из расколотых галек, долотовидные орудия, резцы — «дрильи». Расположение стоянок и находки на них грузил из галек свидетельствуют о развитии рыболовства. Имеются и некоторые различия в инвентаре, которые позволяют выделить три основных локальных группы в распространении памятников хиньского этапа: ангарскую, забайкальскую и приленскую; промежуточное положение между ними занимают памятники, обнаруженные на побережье Байкала⁷. На памятниках Ангары и Байкала встречаются изделия из шлифованного сланца, рыболовные крючки, гарпуны, полностью ретушированные кремневые орудия, а также наконечники стрел, что и отличает их от стоянок Лены и Алдана. Черты каменного инвентаря памятников хиньского этапа наследуются памятниками, на которых появляется первая керамическая посуда — почти единственный явственный признак, позволяющий отличить памятники финального мезолита Восточной Сибири от ранне-неолитических.

Сопоставление комплекса Таганар VI с провинциями восточносибирского мезолита показывает его несомненную близость к инвентарю стоянок сумнагинской культуры, представляющей мезолит Средней Лены. Наибольшее сходство прослеживается между ними и изделиями, найденными в X—IX слоях стоянки Белькачи I на р. Алдане. Особенностью таганарского комплекса, отличающей его от сумнагинского кремневого инвентаря, является своеобразный способ обработки микровкладышей крутой ретушью. Для X—IX слоев Белькачи I получены радиоуглеродные даты, укладывающиеся в период 6770 ± 50 (ЛЕ — 650) — 5900 ± 70 (ЛЕ — 676) лет. Радиоуглеродные определения возраста стоянки Таганар VI дали две даты. Одна из них, сделанная на основе анализа угля, собранного на периферии культурного слоя, где возможна примесь из вышележащей гумусно-углистой прослойки, — 5160 ± 60 (ЛЕ — 789). Вторая определена по образцам угля, взятого из кострища, вокруг которого сосредото-

⁷ А. П. Хлобыстин. Древнейшие памятники Байкала. МИА, № 131, 1965; Ю. А. Мочанов. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969; Г. И. Медведев. Мезолит Верхнего Приангарья. Автореф. канд. дисс. М., 1968.

чены культурные остатки. Возраст этих образцов — 6020 ± 100 лет (ЛЕ — 884).

Хронологическое и типологическое совпадение материалов, добытых на стоянках Таймыра и Алдана, свидетельствует о единстве этнических и культурных процессов, происходивших в эпоху мезолита в этих отделенных несколькими тысячами километров, но входящих в одну этнокультурную общность краев. Следует предполагать, что дальнейшие исследования установят признаки, которые позволят уточнить культурные различия между ними, связанные с экологией и хозяйством. Однако первоначальное заселение Таймырского Заполярья из бассейна Лены в эпоху мезолита является благодаря находкам на Тагенаре уже доказанным фактом. Как показал палинологический анализ образцов со стоянки Тагенар VI, проведенный Г. М. Левковской, в подстилающих культурный слой песках пыльца древесных пород отсутствует, но уже в период существования стоянки в ее окрестностях были леса. Климат и растительность этого периода отличались от современных географических условий. Сейчас по берегам Тагенара тянутся предтундровые лиственничные редколесья, в атлантический же период обитателей стоянки Тагенар VI окружали леса северотаяжского типа. Господствовали древесные и кустарниковые виды березы и ольхи, меньшее место занимали хвойные: лиственница, ель и сосна. Это говорит о том, что среднегодовые температуры были значительно выше современных. Климат был теплый и влажный. По-видимому, на месте тундр, окружающих возвышенность, на которой обнаружена стоянка, было больше озер и болот.

Во влажный атлантический период север Западно-Сибирской изменности, который и сейчас сильно заболочен, был практически труднопроходимым. Учитывая возможность раннего заселения Таймыра из таежных районов бассейна Енисея, мы можем сейчас констатировать, что Таймырский полуостров заселялся с востока из бассейна Лены, откуда пришли первые обитатели этого края.

Миграции охотничьих коллективов Средней Лены на Север были облегчены удобством оро- и гидрографической обстановки для передвижений на территориях, простершихся между Восточно-Сибирской Арктикой и средним течением Лены, а также приспособленностью этих людей к суровым континентальным условиям. Эти факторы сохраняли свое значение и в последующие эпохи, судя по обнаруженным на Таймыре культурам неолита и бронзы, генетически близким культурам ленского бассейна. В последние годы в разных районах Таймыра были найдены отдельные изделия, близкие по облику к орудиям восточносибирского палеолита. К ним относятся скребло, поднятое на галечнике енисейского берега близ г. Дудинки, и находка С. А. Троицкого чопперовидного орудия у пос. Жданиха. Являются ли эти изделия действительно палеолитическими или только сохраняют палеолитические традиции обработки — покажут дальнейшие исследования.

В. И. САРИАНИДИ

ВОСТОЧНОХОРАСАНСКАЯ КУЛЬТУРА РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ АФГАНИСТАНА

В 1969 г. Советско-Афганская экспедиция открыла и частично исследовала поселение Тилля-тепе: был заложен раскоп и шурфы № 1 и 2. В 1970 г. памятник почти полностью оказался разрушенным дорожными работами так, что сохранился лишь останец в центральной части бывшего поселения.

В 1971 г. с целью установления сквозной стратиграфии экспедиция провела дополнительные раскопки, заложив два шурфа (№№ 3, 4), доведенные до материка.

Шурф 3 размером 8×3 м был заложен у основания центрального останца, высота которого от верха подошвы разрушенного слоя достигает 4 м, что соответствует I—VIII ярусам. Таким образом, шурф 3 раскапывался начиная с IX яруса (каждый ярус 0,5 м). Добавим, что шурф 1, заложенный наверху холма еще в 1969 г., частично совпал с новым, причем дно его соответствует X ярусу у шурфа 3. В результате четырехметровой толща останца, не затронутая шурфом 3, оказалась выявленной шурфом 1: оба шурфа как бы сомкнулись, дав сквозную стратиграфию памятника от его наивысшей точки до конца культурных слоев.

Кроме того, до начала раскопок шурфа 3 нами была зачищена прилегающая плоскость останца, где удалось выявить прекрасной сохранности стену (высота ее 4 м, толщина 0,5 м) с четко выраженным полом, состоящим из глиняных промазок. Сразу отметим, что это второй строительный горизонт из двух основных, выявленных на Тилля-тепе.

Первый строительный горизонт соответствует IX—XIII ярусам. Здесь сохранились остатки кирпичной стены (размеры кирпича $42 \times 30 \times 7$ см) и отходящего от нее пола, на котором устроена квадратная «тумба» размером 1×1 м и высотой 0,5 м. Добавим, что на границе X—XI ярусов отмечен второй, более поздний пол, свидетельствующий о нескольких этапах в истории существования второго основного строительного комплекса. Особенно интересны здесь мощная стена и соответствующая ей «тумба», устроенная в центре помещения. Если учесть, что на этом уровне площадью 24 кв. м не обнаружено никаких других стен, то станет очевидным, что перед нами обширное помещение типа зала от монументального сооружения. Действительно, вся нижележащая шестиметровая толща шурфа 3 представляет собой сплошную платформу, сложенную регулярной кладкой сырцового кирпича. Основание платформы покоится на глинистых прослоях с единичными включениями мелких угольков, но без единого фрагмента керамики. Еще ниже идет уплотненный материковый песок, образующий небольшое естественное всхолмление.

Полученные данные говорят о том, что на естественном, видимо, аллювиальном происхождении, бугре была устроена шестиметровая кирпичная платформа, послужившая основанием для возведения на ней архитектурного комплекса (первый строительный горизонт), по всей вероятности,

резиденции местного провинциального правителя. После определенного периода существования здания пришли в запустение, помещения оказались забутованными строительным завалом и на этих руинах возвели следующий и последний по времени строительный комплекс (ярусы I—VIII). Представленная общая линия существования центральной части Тилля-тепе находит подтверждение и в общей керамической последовательности. Так, если керамический комплекс первого строительного горизонта включает только два основных типа посуды — лепную, в том числе расписную, и ничем не украшенную гончарную, то из второго вышележащего горизонта происходит небольшая, но весьма показательная и выразительная группа чернополированной керамики. Больше того, если лепная расписная керамика обоих горизонтов практически представлена единым комплексом орнаментальных мотивов, то гончарная при сохранении основных форм дает и некоторые отличия, проявляющиеся в первую очередь в широком распространении керамики, украшенной рельефной кольцевой полосой по плечикам сосудов второго строительного горизонта. Налицо достаточно четкие хронологические различия в единой керамической последовательности поселения Тилля-тепе.

Раскопки платформы не дали сколько-нибудь выразительного материала, поэтому на северной окраине памятника был заложен шурф 4 размером 6×3 м. И на этом участке верхний культурный слой оказался разрушенным дорожными работами так, что выемка земли началась на глубине 35 см X яруса (относительно стратиграфической колонки центрального шурфа 3). Начиная с X и вплоть до конца XIII яруса шурф прорезал часть строительного комплекса, от которого сохранились две стены и общий пол. Здесь встречен большой керамический материал. Остальная часть заполнена строительным завалом.

Ниже пола, начиная с XIV яруса и вплоть до материка (XXV ярус), каких-либо остатков зданий встречено не было. На всю эту глубину культурный слой состоит из мощных зольно-мусорных линз вперемежку со строительным завалом. Не исключено, что в ранний период существования памятника здесь находилась окраина поселка, где преимущественно скапливались мусорные остатки. Отметим лишь, что в конце XXIII яруса обнажилась кладка из рваного камня, возможно, фундамент несохранившегося строения. Ниже культурного слоя идет материк, состоящий из уплотненного песка, слегка повышающегося в южную сторону по направлению к центру поселения.

Шурф 4 выявил большой керамический материал, который с самого нижнего слоя и до XIV яруса включает две основные группы посуды: лепную, в том числе расписную, и гончарную. Сразу же отметим, что в строительном горизонте X—XIII ярусов к этим двум группам добавляется чернополированная керамика. Аналогичная картина четко прослеживается во всех шурфах памятника (рис. 6). Это дает право на взаимную синхронизацию строительных комплексов, несмотря на их разные абсолютные уровни, что объясняется в первую очередь наличием высокой платформы в центре памятника.

Переходя к общей характеристике керамического материала, укажем, что лепная, в том числе расписная, керамика изготовлена из глины с большой растительной примесью, как правило, с обеих сторон нанесен ангоб светлых тонов, поверх которого располагаются орнаментальные фризы. Роспись монохромная, в орнаментальных мотивах широко используются различные геометрические фигуры, реже — их комбинации. Хотя расписная керамика присутствует в самых нижних слоях, орнаментальные узоры не обнаруживают видимых стилистических различий на протяжении всей многометровой толщи культурных напластований Тилля-тепе. В этом отношении показательна редкая форма расписной «салатницы», фрагменты которой встречены от нижних до верхних слоев памятника.

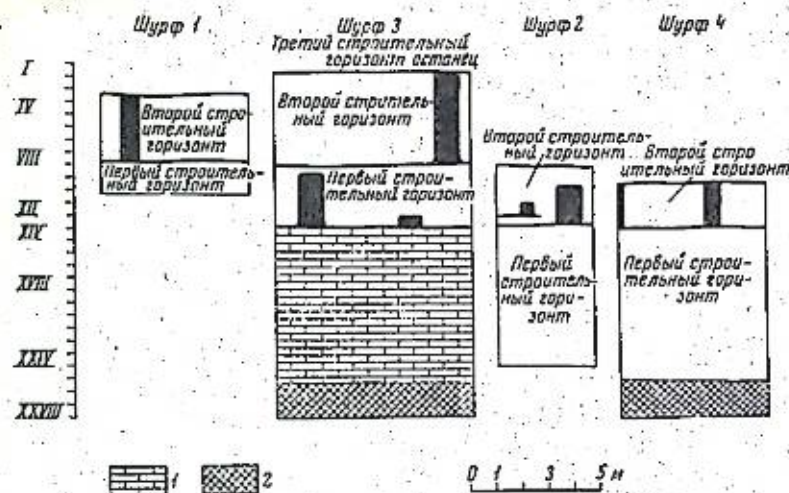

Рис. 6. Схема соотношения строительных комплексов поселения Тиллятепе
1 — платформа; 2 — материк

Наряду с расписной с самых нижних слоев прослеживается гончарная керамика, изготовленная из глины прекрасного качества. Черепок, как правило, плотный, красного цвета, без видимых примесей; ангоб чаще всего нанесен по внешней поверхности черепка, реже — с обеих сторон. В единичных случаях отмечен светло-зеленый ангоб.

Будучи в целом единым комплексом, гончарная посуда имеет определенные различия в технике выполнения. Так, гончарная керамика, встречающаяся во всех строительных горизонтах, имеет по преимуществу подтреугольные в разрезе венчики, причем часто по плечикам нанесены глубокие кольцевые полосы. В противоположность этому гончарная посуда второго строительного комплекса в массе своей имеет округлые в разрезе венчики и рельефные концентрические валики по плечикам. Не исключено, что эти приемы в изготовлении гончарной посуды находятся в прямой связи с появлением в то же время чернополированной посуды, для которой характерны округлые венчики и рельефные валики.

В свою очередь вопрос о происхождении чернополированной керамики до сих пор остается открытым; ясно лишь, что в пределы Северного Афганистана она была привнесена извне, возможно, из соседнего Ирана.

Кроме керамики в шурфах встречены в большом количестве каменные зернотерки, пестики, единичные бронзовые и каменные изделия, сердоликовая бусина.

До работ 1971 г. Тилля-тепе было единственным из известных памятников расписной культуры Северного Афганистана, что, разумеется, не исключает наличие аналогичных, но пока не обнаруженных поселений в Шиберганском оазисе. Вместе с тем маршрутное обследование привело к открытию другой группы памятников этой же культуры, расположенной между г. Мазар-и-Шериф и Ташкурган. Здесь около сел Наибабад между автодорогой и первой песчаной грядой выявлено четыре сильно разветвленных поселения, культурный слой которых не превышает 1 м. На поверхности встречены фрагменты лепной керамики, в том числе расписной, гончарной посуды и много кремневых изделий. Последние представлены крупными ножевидными пластинами, иногда с ретушью, изготовленными из кремня хорошего качества. Об их местном производстве свидетельствуют нуклеусы, найденные здесь же. Еще больше кремневых орудий встречено на разветвленных стоянках в песках в непосредственной близости от найбабадских поселений.

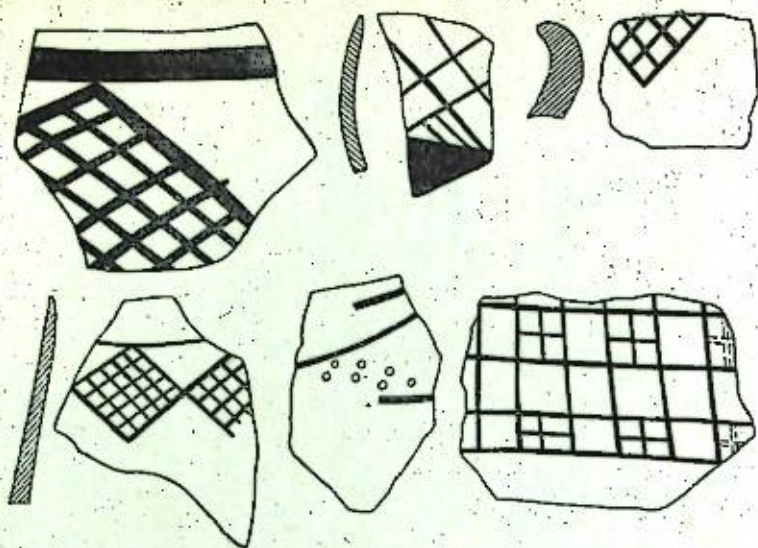

Рис. 7. Расписная керамика с поселения Набабад

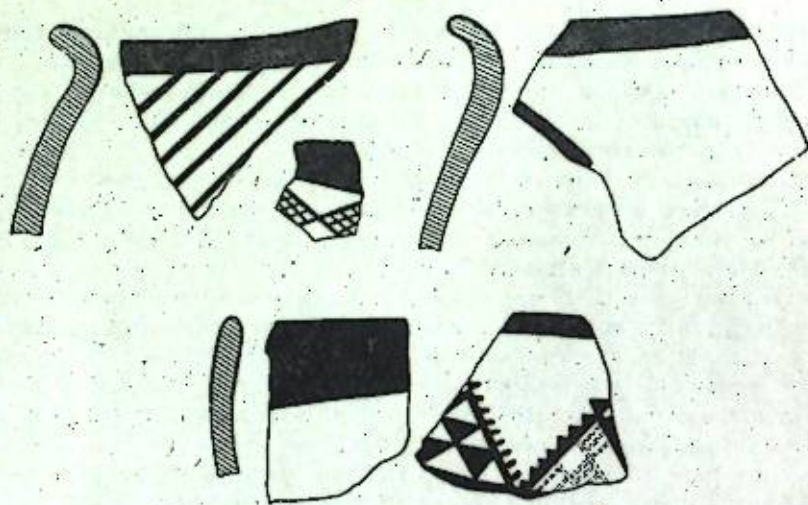

Рис. 8. Расписная керамика с поселения Набабад

Лепная расписная керамика набабадских памятников украшена геометрическими орнаментами и полностью соответствует аналогичному комплексу с Тилля-тепе (рис. 7,8). Достаточно широко представлены крышки и крупные котлы с широкими вертикально поставленными ручками, более характерные для позднего этапа существования рассматриваемой культуры. На это же указывает и техника изготовления гончарной посуды и в особенности наличие концентрических валиков, расположенных непосредственно ниже венчиков. В единичных случаях отмечены банкообразные сосуды с подкошенной придонной частью.

Кроме керамики, на поверхности поселений встречены каменные ядра яйцевидной формы, единичные обломки бронзовых и железных поделок, мелкие кусочки лазурита. Обращают на себя внимание крупные зернотерки ладьевидной формы, массивные, с глубоким резервуаром каменные ступки, пестики, которых здесь очень много.

Два разведочных шурфа, заложенных на центральном поселении Набабад I, выявили культурный слой мощностью в 50—70 см, состоящий

из продуктов разрушения и зольных линз. Керамический материал немногочислен и наряду с гончарной посудой включает лепную расписную.

В целом набабадская группа поселений относится к поздней фазе существования расписной культуры и была принесена выходцами из более западных районов. При этом жизнь на поселениях не прекращалась и в последующее время, а происходило лишь перемещение освоенных земель, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные поселения следующего периода к юго-западу от набабадских памятников. На поверхности их отсутствует лепная расписная посуда, зато широко представлена гончарная керамика «ахеменидского» времени.

Как видно, в Северном Афганистане в настоящее время известны два крайних пункта распространения памятников рассматриваемой культуры: Тилля-тепе на западе и Набабадский оазис на востоке, расстояние между которыми по прямой достигает около 200 км. Вместе с тем есть веские основания предполагать существование других памятников и даже групп памятников. Так, по данным советского специалиста И. Н. Григорьева, расписная керамика была отмечена им на полпути между г. Мазар-и-Шерифом и сел. Набабад, в контактной зоне песков и такыров по дороге во вновь строящийся порт Хайратон.

В фондах французской археологической миссии в Афганистане имеются фрагменты расписной керамики, происходящие из окрестности г. Ташкур-гана¹, что еще больше расширяет восточный ареал распространения рассматриваемой культуры.

Таким образом, есть все основания предполагать, что дальнейшие более детальные маршрутные обследования выявят новые памятники рассматриваемой культуры на территории между городами Ташкурган и Шиберган, где расположено поселение Тилля-тепе. Кстати отметим, что это поселение, видимо, не является единственным в Шиберганском базисе, о чем красноречиво свидетельствуют единичные черепки расписной керамики, найденные на поверхности памятников, перекрытых многометровыми средневековыми наслоениями, как, например, по дороге на Сари Пуль.

Выявление подобных памятников усложняется еще и тем, что в конкретных географических условиях Шиберганского оазиса процессы аккумуляции носят столь интенсивный характер, что из 12-метровой толщи Тилля-тепе, 8 м культурных наслоений уходят под современный уровень окружающей поверхности. Очевидно, что и предполагаемые более ранние поселения рассматриваемого оазиса могут находиться в основании перекрытых их средневековых городов, ниже современной поверхности.

Как бы то ни было, мы имеем в пределах Северного Афганистана четко очерченную территорию с единообразными памятниками, принадлежащими к одной археологической культуре. Ее основные признаки: оседло-земледельческие поселения, организующим ядром которых являлись своеобразные цитадели, вознесенные на кирпичные платформы. Вокруг цитаделей располагались жилища рядовых общинников. С гончарной керамикой широко представлена и лепная расписная посуда. На поздних этапах существования этой культуры распространяются железные изделия, хотя первое появление их, возможно, относится к более раннему времени. Характерным признаком является также полное отсутствие погребений в пределах самих поселений, а также предметов прикладного искусства и в первую очередь — терракотовой пластики.

Время существования культуры падает на первые века I тысячелетия до н. э. с вполне вероятным заглублением в конец II тысячелетия до н. э. Естественно, встает вопрос об истоках рассматриваемой культуры и ареале ее распространения за пределами собственно Афганистана. Наиболее близ-

¹ Приношу благодарность сотруднику миссии Ф. Гуэну, ознакомившему меня с этой коллекцией.

кие, бесспорно генетические связи обнаруживаются в южных областях Средней Азии в памятниках типа Яз депе I и Кучук-тепе. Особенно показательны соответствия с памятниками типа Яз депе в Южном Туркменистане, когда круг аналогий не ограничивается однотипной керамикой, сходными изделиями из камня и металла, но прослеживается и в структуре поселений, в частности в наличии цитаделей на высоких кирпичных платформах.

Более сложен вопрос о происхождении рассматриваемой культуры: ни в Средней Азии, ни в Северном Афганистане, несмотря на специальные исследования, истоки этой культуры до сих пор неизвестны, и, видимо, их там нет вообще. С другой стороны, в Северо-Восточном Иране, неподалеку от современного города Кучан, располагается группа поселений, на поверхности которых имеется лепная расписная посуда, чрезвычайно близкая к вышеописанной. В верхних слоях кучанских поселений имеется «ахеменидская» керамика типа банок с подкюшенной придонной частью, аналогичная той, что выявлена и на Тилле-тепе и особенно на набабадских поселениях. Последнее обстоятельство синхронизирует верхние слои североиранских и североафганских памятников так, что расписная керамика кучанских памятников стратиграфически должна предшествовать слою с «ахеменидским» комплексом.

К сожалению, раскопки кучанских памятников не производились и остается неизвестной культурно-историческая последовательность лепной расписной посуды, однако есть основания предполагать, что районы Восточного Хорасана являлись тем местом, где наиболее вероятны истоки рассматриваемой культуры. Косвенное подтверждение тому дает и вышеупомянутая чернополированная керамика также пока известная лишь на территории древнего Ирана. Если дальнейшие исследования подтвердят эти предположения, то можно представить следующую картину расселения данной культуры. В конце II тысячелетия до н. э. носители восточнохорасанской культуры попадают в пограничные пределы Северного Афганистана хотя на промежуточной территории от Кучана до Шиббергана нам неизвестны сходные памятники. Дело в том, что на всем этом пути, исключая Гератский оазис, тянутся горные цепи, малоприспособленные для земледельческого ведения хозяйства. Гератский оазис является объектом специального обследования Советско-Афганской экспедиции, однако каких-либо памятников более древних, чем античные, здесь пока обнаружить не удалось. По-видимому, в древности, как и в настоящее время, основная водная магистраль Гератского оазиса, бурная река Герируд часто меняла свое русло. Это вряд ли способствовало основанию здесь древнеземледельческих поселений. Впрочем если такие поселения и существовали, остатки их безвозвратно размыты водами реки.

Как бы то ни было, попав в Северный Афганистан, племена восточнохорасанской культуры прочно обосновались на новом месте, свидетельством чего являются многометровые слои памятников типа Тилля-тепе. Есть основания предполагать несколько волн подобных расселений, когда в один из поздних периодов часть восточнохорасанских племен попадает на территорию Южного Туркменистана. Во всяком случае, один из этапов расселения четко фиксирует вышеупомянутая чернополированная керамика, бесспорно появляющаяся здесь в более позднее время сравнительно с первыми поселенцами.

Не исключено, что именно в Шибберганском оазисе мы находим наиболее раннее ядро колонистов, в то время как памятники типа набабадской группы отмечают дальнейшие по времени этапы расселения в пределах Северного Афганистана. Во всяком случае материалы Кучук-тепе из Южного Узбекистана ближе соответствуют набабадским материалам, чем комплексу Тилля-тепе, демонстрируя дальнейшие пути расселения восточнохорасанской культуры расписной керамикой на самых поздних этапах ее существования.

Г. А. КОШЕЛЕНКО

К ОЦЕНКЕ ДОСТОВЕРНОСТИ АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ
ОБ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ
НА ВОСТОКЕ

(на примере Мидии, Гиркании, Парфии)

Целый ряд новых археологических и эпиграфических открытий вновь поставил вопрос о судьбах эллинизма на Востоке. Не касаясь здесь историографии вопроса, отметим только, что, начиная с Дройзена, вырисовываются две основные противоборствующие линии в разработке этой проблемы. Согласно одной из них — завоевание Александра Македонского и последующая греческая колонизация были поворотным пунктом в истории Азии, оказавшим решительное воздействие на весь последующий ход развития¹. Согласно второй — эти явления не сказались сколько-нибудь серьезно на характере развития районов к востоку от Евфрата².

Решение указанной проблемы затруднялось в течение долгого времени слабостью фактологической базы. Однако открытия последних десятилетий (главным образом советских археологов) и более глубокое изучение письменных источников открыли новые горизонты в решении данной проблемы. Прежде всего стала ясной полная несостоятельность первой из теорий в двух основных пунктах: 1) было выяснено, что греческие города, основывавшиеся Александром Македонским и Селевкидами, не представляли собой единственный урбанистический элемент, ранее практически не существовавший в районах к востоку от Месопотамии; наличие городских центров, порожденных спонтанным ходом социально-экономического развития общества Ирана и Средней Азии, на несколько столетий предшествующих греко-македонскому завоеванию, являвшихся центрами местной городской культуры, ныне прекрасно доказано и уже не вызывает сомнения³; 2) подорвано ранее столь прочно укоренившееся представление о греческих городах как «благодетелях азиатского крестьянства»; идея о том, что местное сельское население, приписанное к греческим городам, меняло свой правовой статус и постепенно из состояния «феодалной зависимости» переходило к состоянию «свободы», оказалась насквозь ложной. Приписка к греческому городу в действительности приводила только к смене эксплуататора и отчасти к изменению форм эксплуатации⁴.

Таким образом, в двух основных пунктах первая система взглядов

¹ См. например: *W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951*; *В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1946*; *С. И. Ковалев. Александр Македонский. Л., 1937*.

² См. например: *Н. В. Пизулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956*.

³ См., например: *История таджикского народа, т. I. Л., 1963*; *В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана, т. I. М., 1964*.

⁴ *А. Б. Рэнгович. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950*.

оказалась развенчанной. Но это отнюдь не означало, что полностью оказались правы сторонники второй точки зрения. Новые открытия показали, что греческие города на Востоке вовсе не были мифом⁵. В результате старая проблема приобрела новую сложность, потребовала иного подхода на базе накопленного в последние годы нового фактического материала.

Как известно, античные авторы утверждали, что Александром Македонским было построено на Востоке 70 городов; о 70 городах, основанных Селевкидами, упоминает Аппиан. Во всякого рода сочинениях античных авторов содержатся различной ценности сообщения относительно тех или иных греческих городов на Востоке. Безусловно, оценка достоверности этой информации должна предшествовать всем иным исследованиям в области истории эллинистического Востока.

В данной работе сделана попытка подойти к решению этого вопроса на примере одного региона, охватывающего территорию Мидии, Гиркании, Парфии. Подобный подход объясняется несколькими обстоятельствами. В целом исследовать имеющиеся данные обо всем эллинистическом Востоке в сравнительно небольшой работе невозможно, рассмотрение же одной только области резко увеличивает элемент случайности. Поэтому мы предпочли последовать примеру В. Чериковера⁶ и взять для изучения несколько областей, близких друг другу территориально, этнически, а также по уровню социально-экономического развития и общности исторических судеб. Выбор же региона Мидия — Гиркания — Парфия объясняется тем, что он тесно связан со Средней Азией и занимает часть ее территории, что позволяет лучше понять и историю Средней Азии в античную эпоху.

Прежде всего необходимо отметить, что в античной традиции прочно сохранилось представление о Мидии как области, чрезвычайно насыщенной греческими городами (Diod., XVII; Pelyb., III, 6; X, 27; Amm. Marcell., XXIII, 6, 31). Однако более показательные результаты могут быть получены при изучении данных по отдельным городам. Античная письменная традиция сообщает о существовании в этих трех областях 12 греческих городов (Геркалея, Апамея, Лаодикея, Хоракс, Раги, Экбатаны, Гекатомпил, Сирикс, Каллиопа, Сотерия, Харита, Александрополь). На основании внутренних данных самой традиции можно полагать, что три города существовали исторически очень короткий срок. Мы имеем в виду Сотерию и Хариту, относительно которых известно только сообщение об их основании (App. Syt., 57), а дальнейшая судьба никак не отражена, а также Сирикс (см. ниже). Относительно же остальных городов в письменной традиции сохранились сведения, позволяющие предполагать длительное существование их. Нашей задачей является сравнение этих данных с иными — независимыми от античной исторической традиции, что, как мы полагаем, позволит решить проблему ее достоверности.

1. Геркалея. Краткий очерк истории этого города дает Плиний (Nat. Hist., VI, 48): «Город Геркалея, основанный Александром, его после разрушения восстановил Антиох, назвав Ахандой»⁷. Упоминается также Страбон (XI, 9, 1), Птолемеем (VI, 2, 16) и Аммианом Марцеллином (XXIII, 6, 39).

2. Апамея. Говоря о греческих городах, основанных македонянами в Мидии, Страбон упоминает Апамею (XI, 13, 6). Известен этот город также Плинию (Nat. Hist., VI, 43), называющему ее Рагианской (Aramea Ragiana cognominata), и Исидору Харакскому, который, однако, помещает ее к востоку от Каспийских ворот (Isid. Char., Mans. Parth., 8).

⁵ См., например: M. Wheeler. *Flames over Persepolis*. New York, 1968.

⁶ V. Tschirikover. *Die hellenistische Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf Römerzeit*. Leipzig, 1927 («Philologus». Supplement, Bd. XIX, Heft 1).

⁷ Последнее указание заставляет думать, что город Ахел, упомянутый Аппианом (Syt., 57), идентичен данному.

3. Лаодикея. В упомянутом выше сообщении Страбона фигурирует также и данный город. Упоминает ее Плиний (Nat. Hist., VI, 115) и Стефан Византийский (Steph. Byzant., s. v. Λαοδικεία), а также некоторые другие поздние авторы⁸.

Блестящим подтверждением факту существования данного греческого города было обнаружение двух греческих надписей в Нехавенде⁹, который благодаря этому твердо идентифицируется с Лаодикеей¹⁰.

Надписи свидетельствуют о наличии обычного греческого полиса с обычным строем его жизни, магистратами, храмами, системой государственного контроля — одним словом, полиса, ничем в принципе не отличающегося от других, лучше известных эллинистических городов. Особенно показательным то обстоятельство, что судя по другой, почти идентичной надписи (но происходящей из Фригии), для селевкидской администрации не существовало разницы между греческими полисами Малой Азии и Ирана¹¹. В связи с этим необходимо учитывать тот факт, что из Нехавенды происходит целый ряд архитектурных деталей и скульптур (среди последних встречаются изображения Зевса, Афины, Аполлона, Деметры), выполненных в чисто греческом духе¹² и, по всей вероятности, происходящих из того ἐπιφανέστατος τῶν ἐν τῇ πόλει ἱερῶν, о котором упоминается в первом из документов, найденных в городе.

4. Харакс. В восточной части Мидии находился город Харакс, известный по свидетельствам Исидора Харакского (Mans. Parth., 7), Птолемея V, 2 и Аммиана Марцеллина (XXIII, 6, 43)¹³.

5. Раги. Этот город упоминается Страбон (XI, 13, 6), дающим о нем следующую справку: τὸ τοῦ Νικητοῦ κτισμὰ, ὃ ἐκείνος μὲν Ἐὐρωπὸν ὠνόμασε, Παρθοὶ δὲ Ἀρακίαν. У Аммиана Марцеллина (XXIII, 6, 39), однако, города Арсакия и Европ различаются. В то же время в византийской традиции город Ῥάγα одновременно носит название и Ἀρακίη¹⁴. Раги обычно локализуется в Рейе¹⁵, хотя существует предположение о его локализации в Тегеране¹⁶. Недавно был выявлен мо-

⁸ См.: V. Tschirikover. Указ. соч., стр. 97, 100; И. Дройзен. История эллинизма, т. III. М., 1893, стр. 419. Ранее считалось, что существовали две Лаодикей: одна — в Мидии, другая — в Персии. Однако недавние открытия и исследования показали, что античные авторы знали только одну Лаодицею, расположенную в Южной Мидии, вблизи границ с Персией, вследствие чего этот город относился то к одной, то к другой области (L. Robert. *Inscriptions Séleucides de Phrygie et d'Iran*. «Hellenica», vol. VII, 1949, p. 16).

⁹ См.: L. Robert. *Inscriptions Séleucides...*; Addenda au tome VII. «Hellenica», vol. VIII, 1950; J. Robert, L. Robert. *Bulletin Epigraphique*. REG, t. 63, 1950, p. 210—211; J. Robert, L. Robert. *Bulletin Epigraphique*. REG, t. 68, 1951, p. 278; A. Aymard. *Du nouveau sur Antiochus III d'après une inscription grecque d'Iran*. REA, vol. LI, 1949, p. 327—345; M. Clairmont. Ein Edikt Antiochus III. «Museum Helveticum», 1949, S. 218—226.

¹⁰ О некоторых прежних локализациях см.: W. Tarr. Ptolemy III and Arabia. «Journal of Egyptian Archaeology», vol. XV, 1—2, p. 11.

¹¹ Относительно надписи из Фригии см. P. Paris, M. Holleaux. *Inscriptions de Carie*. BCH, vol. IX, 1885, p. 324—330; M. Holleaux. ΠΤΟΛΕΜΑΤΟΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ BCH, vol. XXVIII, 10—12, 1904, p. 416. L. Robert. *Nouvelles remarques sur l'édit d'Eriza* BCH, vol. LIV, N 2, 1930, p. 245—264; C. B. Welles. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period*. New Haven, 1934, N 36—37.

¹² R. Chirshman. *Arte Persiana*. Parti e Sassanidi. Milano, 1962, p. 18—19; L. Van den Berghe. *L. archéologie de l'Iran ancien* Leiden, 1959, p. 90—91.

¹³ По мнению В. В. Бартольда (В. В. Бартольд. *Историко-географический обзор Ирана*. СПб., 1903, стр. 84), Харакс располагался на месте средневекового города Арази.

¹⁴ См.: G. Le Rider. *Suse sous les Séleucides et les Parthes*. Paris, 1965, p. 415; Дройзен (указ. соч., стр. 100) и Чериковер (указ. соч., стр. 419) предпочитают традицию Аммиана Марцеллина, отвергая свидетельство Страбона, но, видимо, напрасно.

¹⁵ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 84.

¹⁶ P. Pédech. *Deux campagnes d'Antiochus III chez Polybe*. REA, vol. LX, N 1—2, 1958, p. 72. Однако первое мнение более предпочтительно, поскольку небольшие раскопки,

нетный чекан города¹⁷, что по аналогии с Селевкией на Тигре и Су-
зами¹⁸ заставляет думать о наличии полисного самоуправления в городе
в парфянский период.

6. Экбатаны. Страбон (XI, 13, 5) сообщает краткий очерк истории
города: «Экбатаны были зимней столицей персидских царей, равно как и
македонян, которые после подчинения персов владели Сирией, и еще в наше
время город этот представляет парфянским царям те же удобства и безо-
пасность». Восхищенное описание города оставил Полибий (X, 27). Пли-
ний (Nat. Hist., VI, 43) решительно утверждает: «Esbatana caput Mediae Se-
leucus rex condidit». Однако существует мнение, основывающееся на
свидетельствах Стефана. Византийского и 2-й книги Маккавеев
(II Макк., XI, 3) о том, что город получил права полиса только при
Антиохе IV²⁰. В селевкидское время в Экбатанах располагался важней-
ший монетный двор государства для территорий к востоку от Тигра²¹.
Учитывая наблюдения Ньюэлла о том, что в эпоху ранних Селевкидов
государственные монетные дворы располагались только в городах, имев-
ших значительное греческое население²², можно смело утверждать, что
если даже Экбатаны и не имели статуса полиса, то все же среди их
жителей было много греков. Этот вывод подтверждается также и тем
фактом, что селевкидский сатрап Мидии обычно выполнял функции и
правителя «верхних сатрапий», т. е. наместника всех территорий госу-
дарства к востоку от Мидии. В таком случае здесь явно должно было
находиться помимо рядового греческого городского населения большое
число македонян и греков в составе административного аппарата намест-
ника, в гарнизоне и т. д. Хотя в Экбатанах и не проводились архео-
логические раскопки, целый ряд случайных находок явно имеет чисто гре-
ческий характер²³.

7. Гекатомпиа. Город существовал еще до похода Александра (Diod.,
XVII, 75, 1). Об основании здесь греческого полиса сообщает Курций
Руф (VI, 2, 15 — condita a graecis). Аппиан (Syr., 57) уточняет время
основания, относя его ко времени Селевка Никатора. Упоминают его
также Плиний (Nat. Hist., VI, 44), Аммиан Марцеллин (XXIII, 6, 43)
и Стефан Византийский (Steph. Byzant., s. v. *Ἡκκατόμπολις*). Данные
античных авторов подтверждаются восточной (зороастрийской) тради-
цией, согласно которой Гекатомпиа был построен Аджидахаком, под име-
нем которого традиция скрывает царей Селевкидской династии²⁴. В Ге-
катомпии находился важный селевкидский монетный двор²⁵, что, как мы
отмечали выше, предполагает наличие значительного греческого населения.

проведенные в Рейне, вскрыли остатки храма, относящегося к раннепарфянскому и,
возможно, селевкидскому времени.

¹⁷ G. Le Rider. Указ. соч., стр. 412.

¹⁸ Г. А. Кошеленко. Монетное дело Парфии при Митридате I, НЭ, вып. X, 1972.

¹⁹ Steph. Byzant., s. v. *Ἀρβάτινα*, где говорится, что другое название города было Эпи-
фания.

²⁰ V. Tschirikover. Указ. соч., стр. 100.

²¹ E. T. Newell. The Coinage of Eastern Seleucid Mints (from Seleucus I to Antiochus III).
New York, 1938, p. 162—227; он же. The Coinage of Western Seleucid Mints (from
Seleucus I to Antiochus III). New York, 1941, p. 26—31; G. Jenkins. Notes on Seleucid
Coins NC, vol. XI, N 41, 1941, p. 1—21; G. Le Rider. Указ. соч., стр. 190—192,
324—340.

²² E. T. Newell. The Coinage of Western Seleucid Mints..., p. 39.

²³ J. de Morgan. Mission en Perse et dans le Luristan, JA, t. 19, 1892, p. 197; он же.
Mission Scientifique en Perse, t. IV, p. 1. Paris, 1896, p. 255; L. Van den Berghe.
L'archéologie..., p. 110.

²⁴ J. Markwart. A catalogue of the provincial capitals of Eranshahr. Roma, 1931 (Analecta
Orientalia, 3), § 18, p. 12, 55.

²⁵ E. T. Newell. The Coinage of Eastern, 250—259; он же. The Coinage of Western...,
p. 33—35; Г. А. Кошеленко. Некоторые вопросы ранней истории Парфии, ВДИ,
1968, № 1, стр. 53; он же. Монетное дело Парфии..., стр. 81.

Местоположение города в течение долгого времени было предметом
острых дискуссий. Только недавние раскопки позволили его точно лока-
лизовать. Авторы раскопок показали, что материал раскопок (пока еще,
правда, немногочисленный) позволяет думать о наличии на этом месте
греческого населения еще с конца IV в. до н. э.²⁶, что хорошо согла-
суется с данными письменной традиции.

8. Сирикс. В описании похода Антиоха III на Восток упоминается
у Полибия и осада Сирикса. Полибий сообщает (XI, 11), что в ходе
осады города (в котором укрепились парфяне) селевкидскими войска-
ми «варвары пришли в отчаяние и, перерезавши эллинов, какие были
в городе, расхитивши наиболее ценное имущество их, ночью очистили
город». По всей видимости, данное сообщение Полибия верно, в таком
случае в городе должно быть значительное количество греков²⁷. Локали-
зация Сирикса остается неопределенной²⁸. Поскольку город упоминается
только у Полибия, можно полагать, что после этих событий он не опра-
вился.

9. Каллиопа. Упоминается в Парфии Плинием (Nat. Hist., VI, 44),
Аппианом (Syr., 57), Стефаном Византийским со ссылкой на десятую кни-
гу Полибия (Steph. Byzant., s. v. *Καλλιόπη*).

10. Александрополь в Нисее. Плиний (Nat. Hist., VI, 113) сообщает:
«Прекрасный район Парфии Нисая, где город Александрополь, на-
званный по своему основателю». Представляется вполне вероятным пред-
положение об идентичности Александрополя с городом Парфавниса²⁹,
о котором сообщает Исидор Харакский³⁰ и который локализуется на
городище Новая Ниса³¹. Хотя на этом городище археологические работы
и не вскрыли слоев, относящихся к селевкидскому времени (ввиду чрез-
вычайной мощности культурных напластований), все же отдельные находки,
сделанные на нем и на соседнем городище (Старой Нисе), могут
свидетельствовать о наличии некоторого числа греков в этом районе³².

Однако помимо данных, связанных с засвидетельствованными антич-
ной традицией греческими городами, имеется еще целый ряд других ма-
териалов, которые, не будучи приурочены к этим городам, тем не менее
бесспорно должны быть рассмотрены при решении данной проблемы, по-
скольку они также говорят о наличии в этом регионе греческого насе-
ления.

Необходимо, в частности, отметить уже давно известную греческую
надпись из Западной Мидии (горы Керэфто)³³, свидетельствующую о су-
ществовании здесь греческого храма, посвященного Гераклу.

²⁶ J. Hansman, D. Stronach. Excavations at Shahri-Qumis 1967, JRAS, 1970, N 1, p. 29—
62; J. Hansman. The Problem of Qumis, JRAS, 1968, N 1, p. 111—116.

²⁷ Данное сообщение в современной науке признается заслуживающим полного доверия,
и ему придается большое значение с точки зрения истории взаимоотношения греков
и парфян на Востоке. См.: А. Г. Бокщанин. Парфия и Рим, ч. I. М., 1960, стр. 203;
W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951, p. 21.

²⁸ Если даже не принимать старую, абсолютно фантастическую локализацию на месте
Серакса, остаются два предложенных варианта местоположения города: 1) возле
Сари (J. Markwart. Untersuchungen zur Geschichte von Iran, Heft 2. Leipzig, 1905,
S. 62) и 2) на Тюренг-дере возле Астрабада (B. Dorn. Caspia, über die empfall der Alten
Russen in Tabaristan. St. Pétersbourg, 1875, S. 134; P. Pédech. Deux campagnes..., p. 81).

²⁹ V. Tschirikover. Указ. соч., стр. 101.

³⁰ Isid. Char. Mans. Parth., 12 (παρθασινα τ πόλις... Ἑλληνας δὲ Νισαίαν λέγουσι)

³¹ М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение «Труды ЮТАКЭ»,
т. I. Ашхабад, 1949, стр. 36—37; «История Туркменской ССР», т. I. Ашхабад,
1955, стр. 68.

³² М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Оттиски парфянских печатей из Нисы, ВДИ,
1954, № 4; Г. А. Кошеленко. Греческая надпись на парфянском ритоне. ВДИ, 1967,
№ 2; он же. Культура Парфии в современной зарубежной литературе, ВДИ, 1962,
№ 3.

³³ Опубликована впервые Кер Портером (R. Ker Porter. Travels in Georgia, Persia, Ar-

Из района Бисутуна происходят три греческие надписи. Особенно интересна одна из них, сопровождающая рельеф отдыхающего Геракла³⁴. Л. Робер, исследовавший надпись, показал, что типично македонские имена, встречающиеся в ней, — свидетельство наличия македонских поселений в этом районе. Две другие надписи — уже парфянского времени. Они сопровождают рельефы парфянских царей Митридата II и Готарза³⁵.

Данные надписи интересны прежде всего тем, что и в парфяское время в Мидии имелось значительное число греков, к которым нужно было обращаться на этом языке.

Крайне важна надпись из Керманшаха (Южная Мидия)³⁶ — почти точная копия уже известного декрета Антиоха III, найденного в Нехавенде. На этот раз, однако, он обращен не к городу. Текст царского декрета приказано выставить в наиболее известном храме *φολκική*. Данный термин, как показал Л. Робер, означает систему военных поселений, охраняющих участок царской дороги из Селевкии на Тигре в Экбатаны. Видимо, из одного из этих поселений происходит греческая надгробная надпись, открытая еще в 1857 г.: *Εὐμένης Δημητρίου Σχυαρίτης χαίρει*, ниже следовал сейчас уже нечитаемый текст из пяти строк, представлявший, видимо, эпиграмму³⁷.

С этими документами в известной мере перекликаются авроманские папирусы³⁸, интересные во многих отношениях. Для нас же важны следующие обстоятельства: в мидийской деревне I в. до н. э. (видимо, в военном поселении, как считает ряд исследователей) в качестве официального языка используется греческий, хотя все упоминающиеся в документах люди носят местные имена. Нормы права, согласно которым заключаются сделки, — греческие. Можно полностью согласиться с исследователями, которые подчеркивают, что первостепенное значение этих документов заключается в том, что они свидетельствуют о весьма глубоком проникновении греческого языка, письменности и норм права в парфянский быт.³⁹

Наконец, необходимо отметить, что наличие значительного греческого или эллинизированного населения в Мидии подтверждается и другими материалами. В Кенгаваре находятся остатки огромного греческого по своей архитектуре храма⁴⁰, а в Денавере обнаружено большое число произведений греческой пластики⁴¹.

menia, vol. II. London, 1822, p. 542; CIG, N 4673; C. Chapot. Les destinées de l'hellénisme au delà de l'Euphrate. Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France, t. 63, 1904, p. 247, N 3; W. Tarn. A Greek inscription from Kurdistan. «The Classical Review», vol. XLIII, N 2, 1929, p. 53—55. Чтение и толкование надписи вызывали большие трудности. Особенно фантастическим было толкование В. Тарна. Однако благодаря наблюдениям Вильгельма (см.: W. Tarn. A Greek inscription from Kurdistan. Postscript. The Classical Review, vol. XLIII, N 4, 1929, p. 125) чтение ее стало абсолютно ясным — она оказалась принадлежащей хорошо известному классу греческих надписей (см.: M. A. Stein. Old Routes of Western Iran. London, 1940, p. 337—339).

³⁴ L. Robert. Gnomon, 35, 1963, p. 76.

³⁵ OGIS, 431; E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, p. 55, 289, fig. 385; pl. LIIA; L. Van den Berghe. L'archéologie... p. 110.

³⁶ L. Robert. Encore une inscription grecque de l'Iran. CRAI, 1967, p. 281—300.

³⁷ E. Herzfeld. Iranische Felsreliefs. Berlin, 1910, S. 226; F. Cumont. Fouilles de Doura-Europos Paris 1926, p. 453; on же. Inscriptions grecques de Suse. CRAI, 1931, p. 77; L. Robert. Encore une inscription... p. 295.

³⁸ E. H. Minns. Parchments of Parthian Period from Avroman in Kurdistan, JHS, vol. XXXV, 1915, p. 22—65.

³⁹ А. А. Ельницкий. О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья, ВДИ, 1964, № 2, стр. 134—138.

⁴⁰ A. Godard. L'art de L'Iran, Paris, 1962, p. 131; R. Ghirshamn. Arte Persiana..., p. 24.

⁴¹ R. Ghirshamn. Arte Persiana..., p. 18—19.

Из Гиркании происходит чрезвычайно интересная манумиссия, датированная III в. до н. э.⁴² Для нас она важна тем, что процедура освобождения раба (отметим, кстати, носящего греческое имя) осуществляется в соответствии с греческими нормами, и вообще эта манумиссия ничем не отличается от собственно греческих. Кроме того, из контекста следует, что основной документ должен был находиться в храме Сераписа в каком-то греческом населенном пункте. Этот недавно открытый документ проливает неожиданный свет на проблему эллинизации Гиркании — области, почти совершенно не исследованной археологически⁴³.

Подводя итоги, мы можем сказать, что из тех девяти греческих городов, для которых (согласно традиции) можно постулировать достаточно длительное существование, подтверждающие традицию материалы имеются в четырех. Естественно, встает вопрос — позволяют ли эти цифры говорить в принципе о достоверности традиции, о ее соответствии исторической реальности. Нам кажется, что положительный ответ вполне возможен. Необходимо учитывать, что археологические раскопки проводились только в одном пункте, а остальные подтверждающие традицию материалы — случайные находки. Но даже при таких, крайне неблагоприятных обстоятельствах традиция на сегодняшний день подтверждается почти в половине случаев. Это позволяет думать, что античная традиция в общем правильно передавала картину градостроительной деятельности Александра и Селевкидов на Востоке.

Мы отметили выше те данные, которые выходят за пределы традиции, и здесь вырисовывается любопытное соотношение — почти все эти, достаточно многочисленные данные не связаны с городами, а происходят из поселений иного типа. Следовательно, можно считать, что традиция фиксировала только городские центры, а населенные пункты более мелкого масштаба, но в общем с достаточно многочисленным греческим и эллинизированным населением, никак не отразились в ней. Можно думать, что античная традиция скорее преуменьшала масштаб и значение греческого элемента, нежели преувеличивала, как это часто считается.

⁴² L. Robert. Inscription hellénistique d'Iran. «Hellenica», vol. XI—XII, 1960, p. 85—91; C. B. Welles. The Discovery of Sarapis and the Foundation of Alexandria. «Historia», Bd. XI, Heft 3, 1962, S. 290—293; F. Bömer. Das Privateigentum eines Sklaven und seine Freilassung. «Historia», Bd. XII, Heft 4, 1963, S. 510.

⁴³ Необходимо вместе с тем учесть, что с территории Гиркании происходит большое число греческих по характеру резных камней (см.: А. А. Захаров. Геммы и античные перстни Государственного исторического музея. «Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН», т. III, М., 1928). Ныне можно полагать, что эти резные камни принадлежали греческому и эллинизированному населению Гиркании.

М. А. ДЭВЛЕТ, В. С. ТЕРЕБЕНИН
О СВЯЗЯХ В ИСКУССТВЕ ДРЕВНИХ ТЮРОК
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В раннее средневековье тюркским племенам принадлежали огромные степные пространства Евразии. Границы тюркского каганата в конце VI в. доходили на востоке до Хингана, на западе смыкались с Византией, на юге — с Персией и даже Индией¹. Самобытное степное искусство древних тюрков не могло не воздействовать на соприкасающиеся с ними племена.

Куйлуг-хемские петроглифы Тувы² неожиданно находят значительное соответствие среди изображений Сакачи-Аляна в низовьях Амура³. Совпадают сюжеты — всадники с копьями, животные, совпадает техника нанесения на скалы — тонкие резные линии, а также стилистические особенности — передача фигур животных в виде буквы П, заштрихованность их туловища.

Обращает на себя внимание сходство П-образных фигур животных, у которых туловище напоминает вытянутый четырехугольник, а ноги обозначены четырьмя вертикальными черточками. Эти рисунки отражают определенную стилистическую традицию. Петроглифы, где фигуры животных напоминают букву П, встречаются на скалах берегов Лены, Байкала, на священной горе ленско-кудинских бурят — Байтоке⁴. А. П. Окладников обратил внимание на совпадение рисунков животных, туловище которых изображено в виде буквы П, Лены и аналогичных рисунков из других областей — Кавказа, района Дона, территории Болгарии⁵, где они не могут быть датированы временем позже IX—X вв. н. э.⁶

На Куйлуг-хемском рисунке всадник, сидящий на лошади, представлен чрезвычайно условно и схематично (рис. 9). Торс человека передан в виде прямой линии, оканчивающейся кружком — головой. Руки спускаются дугами к низу. Линия, идущая от нижней части головы через плечо на грудь, означает, возможно, косу. В этой связи интересно заметить, что в период тюркского каганата в Туве мужчины заплетали волосы в косу, подобно жуань-жуаням и уйгурам. Всадник вооружен сложным луком и длинным копьем. Лошадь изображена условно и несколько статично, ноги ее переданы треугольными выступами. Конные вой-

Рис. 9. Куйлуг-Хем. Изображение всадника

ны с копьями наперевес являлись популярным сюжетом в древнетюркском наскальном искусстве. Сакачи-альянский всадник еще более схематичен, чем енисейский.

Пожалуй, наиболее интересно сопоставить изображения полосатых фантастических животных. Куйлуг-хемский зверь (рис. 10) имеет вытянутое длинное туловище, плавно переходящее в шею, ноги в виде треугольников, опущенный длинный хвост, сужающуюся книзу голову, перечер-

Рис. 10. Куйлуг-Хем. Изображение фантастического животного

¹ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 5.

² М. А. Дэвлет. Наскальные изображения Куйлуг-Хема. «Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969, стр. 131—132.

³ А. П. Окладников. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968.

⁴ А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. М.—Л., 1959, стр. 131;

П. П. Хороших. Исследования каменного и железного века Иркутского края. Иркутск, 1924, стр. 36—37; табл. 2; он же. Древности Кудинских степей. «Бурятведение», вып. III—IV (11—12). Верхнеудинск, 1930, стр. 98.

⁵ А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Указ. соч., рис. 62.

⁶ Там же, стр. 132.

ченную вертикальной и горизонтальной полосками в виде креста, два высоких рога или уха. Интересной особенностью этого рисунка являются вертикальные штрихи на туловище животного.

На амурской писанице четыре изображения животных с круто выгнутым «кошачьим» туловищем, заполненным внутри поперечными полосками, длинной и узкой «лебединой» шеей и маленькой головой. А. П. Окладников видит в них тигров или барсов.

Штрихи на туловище Куйлуг-хемского зверя могут, по-видимому, означать полосатую шкуру хищника⁷. Именно они могут в какой-то мере иметь значение для датировки. Заштрихованность туловища животного вертикальными и горизонтальными линиями характерна для наскальных рисунков Горного Алтая VIII—IX вв.⁸ Интересно, что такие вертикальные и горизонтальные полосы покрывают туловище оленей, что не может быть истолковано как желание художника подчеркнуть полосатость шкуры. Не могут эти штрихи означать и ребра, они имеют чисто орнаментальный характер.

Применяли штриховку и прибайкальские древние тюрки. На курыканском Манхайском городище был обнаружен бараний альчик с изображением фигуры оленя, туловище которого густо покрыто косыми черточками⁹. На Шишкинских писаницах некоторые курыканские рисунки животных, выполненные резными линиями, также заштрихованы¹⁰. Фигура изюбря на скале Улан-Хада покрыта линиями, идущими поперек туловища; перекрестными штрихами заполнены фигуры изюбров на писанице в распадке между горами Булук и Улан-Хада¹¹. Вертикальные черточки покрывают туловище оленя на писанице на горе Манхай и Кудинских степях¹². Среди наскальных изображений Сакачи-Альяна имеются и другие рисунки животных, у которых туловище покрыто штриховкой.

Рисунки фантастических «кошачьих» хищников, возможно мифических существ древнетюркского эпоса — еще одно свидетельство прямых контактов мохэмских племен Дальнего Востока с тюрками Центральной Азии.

Ю. А. КРАСНОВ

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
И РАННЕЙ ИСТОРИИ ГОРОДА ЧЕБОКСАРЫ

О ранней истории Чебоксар, нынешней столицы Чувашской АССР, письменные источники сохранили весьма скудные сведения. Постройка русской крепости в Чебоксарах, в источниках именуемая «основанием града», состоялась летом 1555 г.¹

Однако крепость была основана не на пустом месте. В грамоте Ивана IV архиепископу казанскому и свияжскому Гурнио, датированной 26 мая 1555 г., т. е. временем до постройки здесь русской крепости, упоминаются чебоксарские воеводы, «по совету» с которыми Гурий должен был определить место, «где быти святой соборной церкви Введению Пречистой» и «назнаменовати место, где граду быти»². М. Н. Тихомиров предполагает, что наместник с воинской командой стоял в Чебоксарах еще с 1553 г.³ В Чебоксарах долгое время хранилась икона Владимирской богородицы, подаренная Гурием городу, в надписи на которой упоминается какое-то население, жившее здесь до основания крепости⁴. Очевидно, что документы под 1555 г. говорят не об основании города как населенного пункта, а лишь об основании русской крепости в уже существовавшем поселении. Действительно, почти за сто лет до 1555 г. русские летописи упоминают о Чебоксарах как о известном населенном пункте в связи с походом воеводы Ивана Дмитриевича Руна на Казань: «...ночевали на Чебоксаре, а от Чебоксаря шли день и ночь всю и пришли под Казань на ранней заре». Большинство летописей относят поход Ивана Руна к маю 1469 г.⁵, а 2-я Софийская летопись — к маю 1470 г.⁶

Что же представляло собой это поселение, название которого в письменных источниках выступает впервые в форме «Чебоксарь» или «Чебоксар»? Крайняя лаконичность летописных данных, практически полное отсутствие археологических материалов⁷ привели к тому, что в исторической литературе сложилось представление о Чебоксарах до 1555 г. как о чувашском поселении сельского типа⁸. Вообще считается, что в золото-

⁷ А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Петроглифы Забайкалья, ч. II. Л., 1970, стр. 165.

⁸ А. И. Минорский. Древние наскальные рисунки Горного Алтая. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, рис. 55, 1; рис. 56, 1 и 5; А. А. Евтюхова. К вопросу о писаницах Алтая КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 189—190.

⁹ А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы, стр. 109—112, рис. 46-а.

¹⁰ Там же, табл. XIX, рис. 521; табл. XV, рис. 811.

¹¹ В. В. Свинин, П. Б. Коновалов. Новые наскальные рисунки на горах Булук и Улан-Хада. «Зап. Иркутского обл. краеведческого музея», Иркутск, 1958, стр. 52, рис. 2; стр. 53, рис. 4.

¹² П. П. Хороших. Писаницы на горе Манхай. КСИИМК, вып. XXV, 1949, рис. 49-а.

¹ ААК, т. I, 1836, стр. 257, 258; П. Н. Мелюков. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901, стр. 176; А. А. Зимин. Краткие летописи XV—XVI вв. «Исторический архив», т. V. М.—Л., 1950, стр. 20.

² ААК, т. I, 1836, стр. 257, 258.

³ М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 469.

⁴ «Известия по Казанской епархии», 1868, № 21, стр. 907—908.

⁵ ПСРА, т. XII, стр. 121; т. XX, стр. 280; т. XXV, стр. 282; т. XXVI, стр. 227.

⁶ ПСРА, т. VI, стр. 189.

⁷ Было известно лишь, что при строительных работах в Чебоксарах находили керамику болгарского типа. См.: П. Н. Третьяков. Средневековые городища Чувашской АССР. СГАИМК, т. II, 1929, стр. 66; А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, № 95, 1961, стр. 138.

⁸ В. Д. Дмитриев. Из истории городов Чувашии 2-й половины XVI — начала XVII в.

ордынский период и в эпоху Казанского ханства на территории Чувашии не было городов, а ремесло, очевидно, концентрировалось в деревнях и носило домашний характер⁹. Лишь в существующих попытках лингвистически объяснить чувашское название города «Шупашкар» как «город чувашей», далеко, впрочем, не бесспорных, проскальзывала мысль о городском характере этого древнейшего поселения¹⁰.

В 1969—1970 гг. Первым Чувашским отрядом Чебоксарской экспедиции Института археологии АН СССР¹¹ на территории города были произведены значительные археологические раскопки. Основной раскоп заложен во дворе школы № 15 на углу улиц Чернышевского и Бондарева, в западной части древнего городского посада, на левом берегу р. Чебоксарки, у юго-западного подножья холма, на котором в 1555 г. и была заложена Чебоксарская крепость. По описаниям города XVIII в., здесь располагались кварталы ремесленников, населенные преимущественно кожевниками. Удалось проследить планировку и историю застройки ремесленного квартала средневековых Чебоксар на значительном отрезке времени. Огромный материал раскопок позволяет, в частности, по-новому осветить вопрос о времени возникновения и характере раннего поселения в Чебоксарах.

Мощность культурного слоя в раскопе достигала 4,7 м (пласты 1—23). Слой оказался насыщенным остатками деревянных построек хорошей сохранности. Стратиграфическое взаимоотношение их позволило выявить 13 строительных периодов. В плане нашей темы наибольший интерес представляют нижние слои.

Самый нижний слой, включающий пласты 21—23 и постройки первого и второго строительных периодов, может быть датирован XIV в. Здесь найдены обломки поливных сосудов с синей и бирюзовой поливкой на кашинной основе, явно привезенных из золотоордынских центров Поволжья или из Средней Азии. Поздняя дата такой посуды не выходит значительно за пределы XIV в., причем в домонгольских слоях она не встречается¹². На ту же дату указывают обломки поливных изразцов с аналогичной поливкой на серой и розовато-серой основе¹³. Здесь же найдены цилиндрические висячие замки с отверстием для ключа в дне или в нижней части большого цилиндра и ключи к ним. Такие замки были широко распространены в Восточной Европе, в том числе у волжских булгар, где встречаются в домонгольских и золотоордынских слоях, а также в собственно золотоордынских городах¹⁴. Судя по новгородским материалам, по крайней мере часть этих замков может быть отнесена к первой и второй разновидностям замков типа В, возникших в XIII в. и полностью вышедших из употребления в начале XV в.¹⁵

Аналогии найденным здесь же ключам, имеющим две или три лопасти, которые сжимали пружину замка, имеются в Новгороде в слоях XIII—XIV вв.¹⁶ На ту же дату указывает бронзовое зеркало с орнаментом из

выпуклин и бортиком у края оборотной стороны, ближайшие аналогии которому можно найти среди болгарских зеркал золотоордынского времени¹⁷. Отметим наконечники стрел ромбовидной формы с расширением в нижней трети пера и упором для древка, имеющие широкие аналогии в материалах XIV—XV вв.¹⁸, бронзовые и костяные прорезные гребни с изображениями конских головок и циркульным орнаментом. Среди массовых керамики датирующее значение имеет керамика болгарского типа — желтого, красного, серого и коричневого цветов, изготовленная из тонкого, хорошо промешанного теста, в большинстве случаев ложенная. Преобладающие посуды прекрасного горнового обжига (90% в данной группе керамики), стандартность, правильность, относительная сухость орнаментации, отсутствие орнаментов в виде волют и спиралей, столь типичных для домонгольского времени, заставляет относить ее к золотоордынской эпохе¹⁹.

Пласты 17—20 и постройки третьего и четвертого строительных периодов датированы XV в. Здесь найдены замки и ключи типов В, Г, Д и Е по новгородской типологии (последние появляются лишь в XV в., а замки типов Г и Д характерны преимущественно для XIV—XV вв.²⁰, обломки поливных кумганов, по московским аналогиям датирующихся XV — началом XVI в.²¹, деревянные двусторонние туалетные гребни с волнующими боковыми сторонами, известные в слоях Новгорода XIII—XV вв.²², обломки поливных сосудов с синей росписью под бесцветной поливкой, аналогичные найденным в Казани в слоях XV — первой половины XVI в.²³ Обломков кашинных сосудов и изразцов с синей и голубой поливкой здесь нет, почти совершенно не встречена керамика болгарских типов. За верхнюю границу слоя XV в. может быть условно принят пласт 17, так как в пласте 16 обнаружены фрагменты берестяного сосуда с русской надписью и орнаментом, воспроизводящим книжную заставку, которые палеографически датированы первой четвертью XVI в.²⁴

Слой XVI в., включающий пласты 13—16 и сооружения пятого и шестого строительных периодов, датированы навесными замками с шаровидным туловом²⁵, разновидностями овальных кресал, в Новгороде доживающими до XVI в.²⁶, формами массовой керамики, в том числе находящейся аналогии в слоях Казани эпохи Казанского ханства²⁷, указанной выше надписью на бересте, русской монетой конца XVI в. и др.

Таким образом, археологические материалы позволяют относить время возникновения Чебоксар к XIV в. При этом следует учитывать, что раскопки производились на окраине городского посада, достаточно далеко от его центра. Поэтому отнюдь не исключена возможность более раннего возникновения города. Выяснение этого вопроса является одной из задач дальнейшего археологического изучения Чебоксар.

Уч. зап. Чув. НИИ, вып. XXIX, Чебоксары, 1965, стр. 154, 155; «История Чувашской АССР», т. I, Чебоксары, 1966, стр. 55.

⁹ «История Чувашской АССР», т. I, стр. 55.

¹⁰ Н. Я. Марр. Чувашско-Яфетиды на Волге. Чебоксары, 1926, стр. 70; В. Г. Егоров. Современный чувашский язык в сравнительно-историческом освещении, ч. I. Чебоксары, 1954, стр. 20.

¹¹ Начальник экспедиции Ю. А. Краснов, начальник отряда В. Ф. Каховский.

¹² А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 134.

¹³ Там же, стр. 118.

¹⁴ Г. А. Федоров-Давыдов, И. С. Вайнер, А. Г. Мухаммадиев. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1955 гг. «Поволжье в средние века», МИА, № 164, 1970, табл. IV.

¹⁵ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 82, рис. 67, 4—6; 70.

¹⁶ Там же, стр. 84.

¹⁷ А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 116, 117, табл. III, рис. 46.

¹⁸ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 165, рис. 13, 17.

¹⁹ Э. А. Акчурина, А. П. Воскресенская, А. П. Смирнов. Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. «Поволжье в средние века», МИА, № 164, 1970, стр. 7.

²⁰ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 80, рис. 70.

²¹ Р. А. Розенфельдт. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. САИ, вып. Е1-39, 1969, стр. 32, 33.

²² Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ, вып. Е1-55, 1968, стр. 84.

²³ Н. Ф. Калинин. Раскопки в Казанском кремле в 1953 г. «Известия Казанского филиала АН СССР», серия гуманитарных наук, вып. I, 1955, стр. 135.

²⁴ И. С. Вайнер, В. Ф. Каховский, Ю. А. Краснов. Береста с надписью из Чебоксар. САИ, 1971, № 3. Палеографическое определение Л. М. Костюхиной и М. В. Щепкиной.

²⁵ И. Г. и Р. А. Розенфельдт. О некоторых конструкциях московских навесных и врезных замков XV—XVII вв. КСИММК, вып. 77, 1959, стр. 121.

²⁶ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло, рис. 85; 87, 4.

²⁷ Н. Ф. Калинин. Указ. соч., стр. 131; 132, рис. 21.

Важно подчеркнуть, что изученный район средневековых Чебоксар с самого раннего периода имел достаточно ярко выраженный ремесленный характер. В первом строительном периоде здесь изучены остатки двух гончарных мастерских. Во втором строительном периоде на площади раскопа располагались три небольшие усадьбы или дворовых участка, разделенных заборами. На одном участке кроме жилого дома находилась ремесленная мастерская с тремя плавильными горнами и разнообразным инструментарием, в которой, судя по находкам, изготавливались ювелирные изделия, в том числе из золота, и, возможно, замки сложных типов. Мастерская существовала длительное время и неоднократно перестраивалась.

На другой усадьбе располагался дом, являвшийся одновременно мастерской сапожника и кожевника²⁸. Об этом свидетельствуют находки сапожных ножей и колодок, огромного количества кожи, в том числе не полностью выделанной, со следами золы и извести, которыми обычно производилась золка шкур, т. е. удаление с них волоса. Таким образом, из шести построек, изученных в слое XIV в., четыре оказались производственными. Концентрация на весьма ограниченной площади разнообразных мастерских безусловно говорит о ремесленном характере поселения. Наличие специализированного ремесла предполагает определенный уровень развития торговли, свидетельством чему могут служить находки явно привозных вещей — поливной керамики, изразцов, стекла и т. п.

В дальнейшем, в XV—XVII вв., социально-экономический облик поселения не меняется. На площади раскопа концентрируются жилища и мастерские сапожников и кожевников. Одна из построек XVI в. была гончарной мастерской, в которой изготавливалась желтая лощеная керамика хорошо известная по раскопкам памятников Поволжья эпохи Казанского ханства типа.

Характерно почти полное отсутствие в имеющейся коллекции предметов, связанных с сельскохозяйственным производством. На изученных усадьбах нет специальных помещений, в которых могло бы храниться зерно, не найдено больших его запасов, помещения для скота невелики по размерам, а подчас отсутствуют. В этом отношении нет совершенно никакой разницы между постройками XIV — первой половины XVI в. и постройками второй половины XVI—XVII в., когда Чебоксары, бесспорно, были городом, а рассматриваемый район — частью городского посада. Не наблюдается каких-либо изменений в планировке изученного квартала, характере построек и занятиях жителей, которые приходились бы на середину или вторую половину XVI в. и которые можно было бы связать с превращением Чебоксар в город после постройки русской крепости. застройка была непрерывной, начиная с первого строительного периода; стратиграфия показывает весьма равномерное и в то же время достаточно быстрое накопление культурного слоя (для XIV—XVII вв. — около 1 м в столетие), свидетельствующее об одинаковой интенсивности жизни в Чебоксарах на протяжении всего рассматриваемого периода. Планировка исследованного квартала — расположение на месте раскопа двух-трех усадеб, их границы и местоположение по отношению к прилегающим улицам — остается практически неизменной с XIV по XVIII в.

Нельзя не отметить, что ювелирное и замочное производства, зафиксированные в Чебоксарах для XIV в., не характерны для сельских поселений. То же, пожалуй, следует сказать о гончарном, сапожном и кожевном производствах, учитывая их концентрацию. Украшение печей или иных конструкций домов привезенными издавна поливными изразцами, обломки которых найдены в слоях XIV в., применение в окнах стекла и слюды вряд ли могло быть в то время в сельских поселениях. Таким же элемен-

²⁸ Судя по археологическим данным, разделение сапожного и кожевниного производств произошло в Чебоксарах лишь в конце XVI — начале XVII в.

том городского быта являлись, очевидно, деревянные мостовые, остатки которых найдены в слое XV — первой половины XVI в. Плотность застройки, равным образом характерная для слоев XIV — первой половины XVI и второй половины XVI—XVII вв., очень небольшие размеры дворовых участков, редко превышающих 150 кв. м, говорят о том, что Чебоксары даже в ранний период вряд ли были сельским поселением.

Совокупность всех приведенных данных позволяет с большой долей вероятности утверждать, что со времени своего возникновения, т. е. по крайней мере с XIV в., Чебоксары представляли собой не рядовое сельское поселение, а город, более или менее крупный местный центр ремесла и, очевидно, торговли. По-видимому, постройка русской крепости не сделала это поселение городом, а лишь знаменовала превращение уже ранее существовавшего городского центра на волжском торговом пути в русский административный центр.

Важно, но в то же время весьма сложен для разрешения по археологическим данным вопрос об этническом составе населения средневековых Чебоксар. Полученные при раскопках материалы позволяют проследить в материальной культуре как булгаро-чувашские, так и русские элементы, причем соотношения между ними различны в разные периоды.

С этой точки зрения представляет интерес массовая керамика. Ранний комплекс чебоксарской керамики, относящийся к позднему золотоордынскому времени, достаточно своеобразен и отличается как от керамики поселений левобережных волжских булгар, так и от керамики одновременных русских городов. Он характеризуется небольшим количеством (до 10—11%) желтой, красной, серой и коричневой керамики, в основном прекрасного горнового обжига, и лощеной, идентичной керамике городов левобережных волжских булгар решительным преобладанием (до 70—80%) своеобразной бурой и грубой серой керамики, наличием черной, главным образом лощеной, керамики, для этого времени неизвестной на Руси (до 8—11%), и сильнейшим влиянием болгарского керамического производства. Последнее выражается в почти полном тождестве типов венчиков, в однотипности орнаментации и технике ее нанесения, в приемах лощения и типах проложенного орнамента, в сходстве или тождестве ряда форм сосудов. Особенно показательны врезной и штампованный орнамент: глубокий и широкий, рельефный линейный или каннелированный орнамент в виде многогранной крутой волны, в виде однорядной волны, обычно широкой, заключенной между широкими линейными полосами, иногда напоминающий плетенку, — излюбленный чувашский орнаментальный мотив²⁹. Орнамент в виде арок между линейными полосами. Все эти виды орнаментации весьма характерны для болгарской керамики³⁰, но в Чебоксарах встречаются на иных керамических типах. Встречается ямочный и гребенчатый орнамент, также известный на болгарской посуде, но обычно связываемый здесь с финно-угорским влиянием³¹.

Интересны грубые подражания болгарским орнаментам в виде однорядной волны и арок на бурой керамике. Что касается этой последней, а также грубой серой керамики, составляющих основу раннего чебоксарского керамического комплекса, то по составу теста, формам, цвету и общему облику она находит прямые параллели в лепной керамике из тех же слоев. Подобная лепная керамика известна в материалах средневековых чувашских кладбищ, например, исследованного одним из отрядов Чебокс-

²⁹ Г. А. Никитин, Т. А. Крюкова. Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары, 1960, рис. 51.

³⁰ А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 130—135; рис. 115, 116, 119, 120; Т. А. Хлебникова. Гончарное производство волжских булгар в X — начале XIII в. МИА, № 111, 1962, рис. 5, табл. 18 и др.; Р. Г. Фахрутдинов. Новые археологические памятники Волжской Болгарии в Закамской Татарии. СА, 1969, № 1, рис. 3—5.

³¹ А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья, стр. 163, рис. 31, 1—2.

сарской экспедиции могильника у дер. Новое Ядрино. По-видимому, эту керамику следует считать местной, в основе финно-угорской, но испытавшей определенное болгарское влияние. Это влияние могло выразиться прежде всего в заимствовании местными гончарами от болгар гончарного круга и соответствующих навыков изготовления на нем посуды. Вместе с гончарным кругом могла проникнуть и излюбленная болгарская орнаментация.

В слоях XV в. появляется в незначительном количестве (около 0,5%) грубая красная керамика, хорошо известная по материалам средневековых русских поселений. Позднее ее становится больше — 20—30%. Одновременно распространяется столь же типичная для русских городов белая керамика. В XVI и особенно в XVII в. увеличивается количество черной лощеной керамики, причем ее формы и орнаментация становятся почти неотличимыми от русской. В XVI в. практически исчезает грубая серая керамика, но бурая продолжает господствовать вплоть до конца XVII в., составляя около половины всей массы керамики.

Весьма интересны наблюдения над другими элементами материальной культуры, в определенной степени носящими этнографический характер. Как уже отмечалось, в чебоксарском раскопе изучено значительное число разнообразных деревянных построек, относящихся к различным периодам. И здесь могут быть выделены болгаро-чуваши и русские элементы, хотя в городских постройках этнографические черты обычно прослеживаются неярко.

В XIV—XVI вв. дома ставились в глубине усадьбы, отступая от линии улицы на 2—3 м. Эта черта в планировке двора считается характерной для чувашей³² и татар³³, причем и там, и здесь рассматривается как древняя болгарская традиция. Так же располагались дома в Суваре³⁴. Сами усадьбы имели вытянутую форму, причем зафиксирована двусторонняя планировка квартала, когда усадьбы своими узкими сторонами выходили на две параллельные улицы, что также часто встречается в старинных чувашских поселениях³⁵.

На усадьбе Б в третьем строительном периоде (первая половина XV в.) располагались два небольших жилых дома, обращенных фасадами в разные стороны, к двум разделенным жилым кварталом улицам. Такое расположение домов на усадьбе, по наблюдениям Н. В. Никольского, часто встречается у чувашей волжского левобережья³⁶.

Весьма интересны заборы, окружавшие усадьбы чебоксарских ремесленников. В XIV—XVI вв. почти единственным был тип глухих, очевидно, высоких заборов из вертикально поставленных вплотную друг к другу колотых дубовых плах, врытых основаниями в землю. Реже встречаются глухие заборы из горизонтальных бревен, вставленных в пазы вертикальных толстых столбов. Таких заборов в средневековых русских городах не было, но, судя по этнографическому материалу, они были широко распространены в старину у чувашей, а в южных районах Чувашии сохранились до сих пор. Тщательное огораживание вообще характерно для чувашских усадеб и считается одним из элементов болгарского наследия³⁷.

Изгороди из вертикально врытых в землю колотых дубовых плах прослежены при раскопках болгарского святилища IX—XI вв. на Тигашевском городище в Чкаловском р-не Чувашской АССР³⁸.

Интересно отметить определенные различия типов построек, встреченных в слоях XIV—XV вв., с одной стороны, и более позднего времени — с другой. Для XIV и отчасти XV в. характерны однокамерные и двухкамерные цельнорубленные постройки без сеней. У последних малая камера обычно не имела печи и использовалась как хозяйственное помещение, в котором иногда содержался скот. Специальных хозяйственных построек при таких сооружениях не было. Близкая планировка встречается в старинных пятистенниках нерусских народов Поволжья, в том числе и чувашей³⁹. В археологическом материале двухкамерные цельнорубленные постройки известны как у русских⁴⁰, так и у волжских болгар⁴¹.

Отсутствие сеней — типичная черта старинных чувашских домов⁴². В слоях XV в. появляются, а в XVI—XVII вв. становятся единственными типами двух- и трехчастные отдельные постройки, состоящие из избы, сеней и хозяйственной постройки, расположенных в один ряд, одна за другой, что характерно для северных и средних великоруссов⁴³. Аналогичной средне- и северовеликорусской оказывается в большинстве случаев и внутренняя планировка избы, определяемая прежде всего положением печи⁴⁴. Эти изменения типов жилых построек вполне возможно связать с русским влиянием. Тем же, по-видимому, следует объяснить и некоторые изменения в планировке усадеб: с начала XVII в. дома уже выходят фасадом на улицу, а не прячутся за высоким забором в глубине усадьбы. Заборы из колотых плах заменяются обычными частоколами, хорошо известными по раскопкам в средневековых русских городах.

В культурном слое найдено около полутора десятков фрагментов лаптей. Важно отметить, что все лапти из слоя XIV в. были прямого плетения, с прямой небольшой головкой, низкими бортами и задниками, характерные для чувашей⁴⁵. В слоях XV—XVII вв. встречались как такие лапти, так и лапти косога плетения с большой овальной головкой и высокими толстыми бортиками, типичные для русского населения⁴⁶. Найдены и колодки, на которых плелись лапти этого типа.

Из других бытовых предметов, находящихся параллели в этнографии чувашей, можно указать встреченные в слоях XIV—XV вв. мутовки в виде палки с поршневидным расширением, бытующие в чувашских деревнях и по сей день⁴⁷, суконные чулки, сшитые без пятки, в виде длинного узкого мешка с закругленным низом, до сих пор распространенные в северо-западных районах Чувашии⁴⁸, и др.

Приведенные примеры, число которых можно было бы умножить, показывают, что в ранний период своей истории Чебоксары были чувашским городом. XIII—XV века принято считать временем формирования чуваш-

³⁸ А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья, стр. 141.

³⁹ Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Указ. соч., стр. 200—204.

⁴⁰ П. И. Засурцев. Постройки древнего Новгорода. МИА, № 65 1965, рис. 1, 1.

⁴¹ А. П. Смирнов. Волжские болгары, табл. VII, рис. 131.

⁴² В. А. Сбоев. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856, стр. 22; Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Указ. соч., стр. 218.

⁴³ Е. Э. Блаквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. «Труды ИЭ», т. XXXI, 1956, стр. 161—186.

⁴⁴ Там же, стр. 213.

⁴⁵ Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Указ. соч., стр. 277, 288.

⁴⁶ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов. «Труды ИЭ», т. XXXI, 1956, стр. 718.

⁴⁷ Личное наблюдение автора в дер. Новое Ядрино Ядринского р-на Чувашской АССР.

⁴⁸ Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Указ. соч., стр. 288.

³² Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чуваши. Этнографическое исследование, т. I. Чебоксары, 1956, стр. 192—194, 233.

³³ И. И. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 2. СПб., 1796, стр. 11.

³⁴ А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 84.

³⁵ В. В. Егоров. Самобытное расселение народностей Казанского края. «Вестник научного общества татароведения», № 8. Казань, 1928; Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Указ. соч., стр. 172.

³⁶ Н. В. Никольский. Краткий курс этнографии чуваш, вып. I. Чебоксары, 1929, стр. 37.

³⁷ Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Указ. соч., стр. 231—233; рис. 87; А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 84.

ской народности, сложившейся в результате смешения пришлого болгарского и местного финно-угорского населения⁴⁹, хотя этноним «чуваши» появляется в письменных источниках значительно позже (1521 г.). Чебоксары возникают, таким образом, в этот важный период истории чувашского народа, причем в северной, приволжской части Чувашии, где процесс смешения тюркского и финно-угорского населения происходил наиболее интенсивно⁵⁰. Отсюда ясно, почему в материальной культуре ранних Чебоксар мы встречаем как болгарские элементы, хорошо известные по археологическим данным из левобережной Волжской Булгарии, так и элементы, отличные от этих последних, которые можно причислить к признакам формирующейся чувашской народности и проследить позднее в чувашской этнографии.

Начиная с XV в. здесь отчетливо прослеживается русское влияние, сказывающееся в новых типах построек, планировке усадеб, в появлении новых типов керамики и ряда бытовых вещей. Носителями этого влияния были, несомненно, русские переселенцы. Они начали появляться в Чебоксарах, очевидно, еще в XV в., когда территория Чувашии входила в состав Казанского ханства. Наглядное свидетельство тому — найденные в слоях XV — начала XVI в. русские надписи, сделанные на бересте, коже, бытовых предметах⁵¹.

Появление русских поселенцев в этом отдаленном пункте Среднего Поволжья отнюдь не удивительно в свете сложившейся в XIV—XV вв. исторической ситуации⁵². Еще в XIII—XIV вв., после основания Нижнего Новгорода, русские поселения стали возникать в бассейне р. Суры, в непосредственной близости от чувашских земель. В 1372 г. на Суре был основан русский город Курмыш.

После основания в 1523 г. Васильсурска русское влияние на западные области Чувашии еще более окрепло. Можно предполагать, что появление русских поселенцев в Чувашии, в частности в Чебоксарах, сыграло немаловажную роль в мирном присоединении чувашских земель к России, которое произошло в 1546 г.

Естественно, что после вхождения Чувашии в состав Русского государства и особенно после основания русской крепости в Чебоксарах русский элемент в материальной культуре этого города резко усиливается. В XVII в. она уже почти не отличается от материальной культуры других русских городов, хотя население, несомненно, оставалось смешанным, чувашско-русским.

⁴⁹ Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Указ. соч., стр. 50—52.

⁵⁰ Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Указ. соч., стр. 34—36.

⁵¹ И. С. Вайнер, В. Ф. Каховский, Ю. А. Краснов. Указ. соч. В 1970 г. найдены еще два обрывка кожи с фрагментированными русскими надписями из слоев второй половины XV—XVI в.

⁵² «История Чувашской АССР», т. I, стр. 55—60.

О. В. ОВСЯНИКОВ
ДОМ И УСАДЬБА
В СИБИРСКОМ ГОРОДЕ XVII В.

Основным источником для исследования древнерусских жилищ в Сибири служили этнографические данные, ретроспективное изучение которых позволяло выявить северорусские корни происхождения сибирского жилища эпохи первоначального освоения зауральских земель русским населением¹. Привлечение письменных документов XVII — начала XVIII в. значительно расширило источниковедческую базу вопроса, открыло новый пласт ценнейших памятников, обогащающих представление о величине сибирского двора, о составе дворовых построек различных социальных групп посадского населения, об отдельных архитектурно-строительных приемах². Однако письменные источники относятся главным образом к концу XVII — началу XVIII в.

Целый ряд важнейших вопросов изучения русского домостроительства в Сибири может быть разрешен лишь в процессе исследования натурального материала XVII в. Такие материалы были получены в результате археологических раскопок в Мангазее. В настоящей статье рассматриваются лишь некоторые вопросы планировки сибирского двора, состава дворовых построек различных социальных групп Мангазеев на материале наиболее хорошо сохранившихся жилищно-хозяйственных комплексов первой половины XVII в.³

Культурный слой памятника (как кремля, так и посада) обильно насыщен щепой (особенно на тех участках, где прослеживаются несколько строительных горизонтов), что свидетельствует об обработке строительного материала непосредственно на месте. Строители Мангазеев не были стеснены в материале: город возводился в районе, граничащем с лесотундрой, в так называемой северной части северной тайги⁴.

Мангазейские жилищно-хозяйственные комплексы различаются своей планировкой, назначением и размерами построек. Наиболее простое жилище, открытое на посаде, представляло собой клеть (3,8 × 3,6 м), к северной стене которой примыкала хозяйственная постройка (3,4 × 3 м) или сени (рис. 11, 1).

Более сложную планировку имеет жилищно-хозяйственный комплекс, в котором дом-связь (3,4 × 3; 3,6 × 3,3; 3,6 × 3,4 м) сочетается с боль-

¹ Е. А. Ащепков. Русское народное водчество в Западной Сибири. М., 1950; он же. Русское народное водчество в Восточной Сибири. М., 1953.

² В. А. Александров. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964, стр. 158—171.

³ Подробное описание комплексов приведено в статье: М. И. Белов, О. В. Овсянников. Основные итоги раскопок Мангазеев 1969—1970 гг. СА, 1972, № 1, стр. 215—232.

⁴ В. А. Александров ошибочно считает, что Мангазей располагалась в тундровой зоне и ее строители испытывали недостатки в лесу (В. А. Александров. Указ. соч., стр. 54—55).

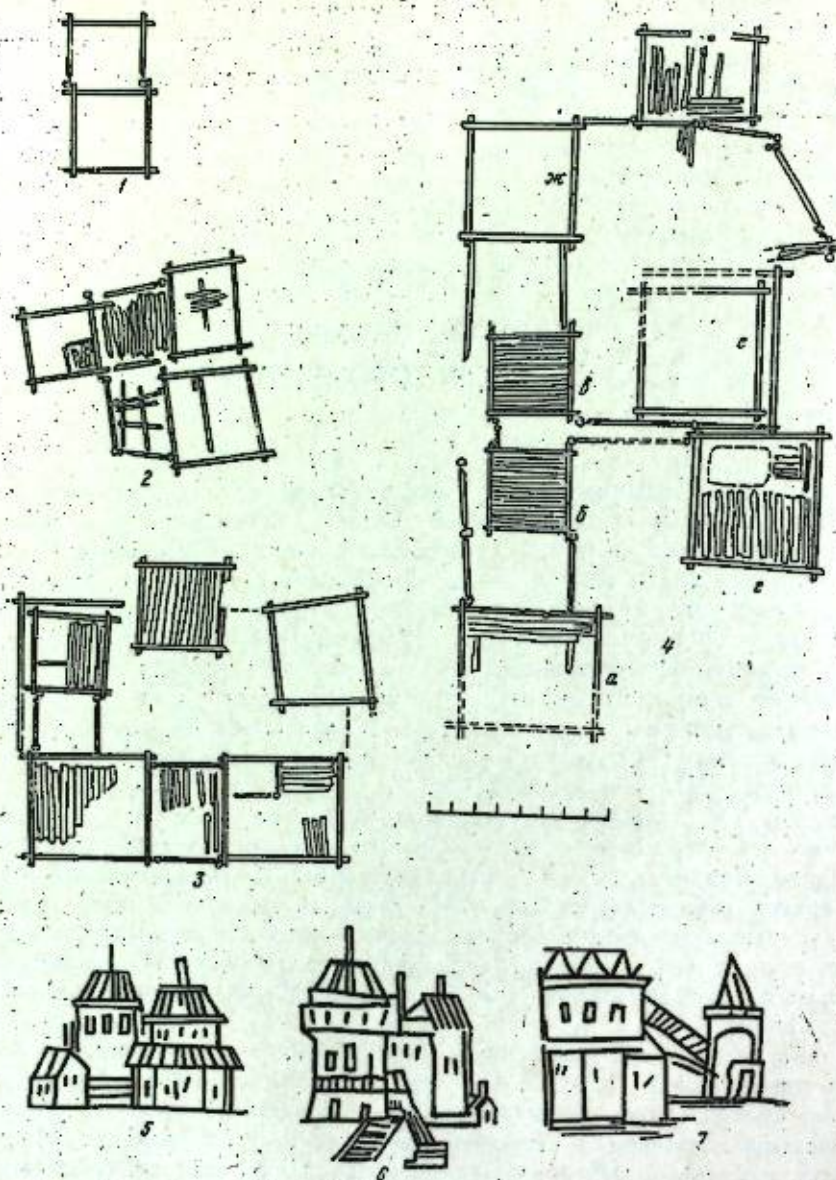

Рис. 11. Мангазейские усадьбы, открытые раскопками, и рисунки воеводских дворов (по С. Ремезову)

1-4 — планы мангазейских усадеб; 5-7 — изображения воеводских дворов в Еланчине, Пеламе и Иланеми

шой постройкой (вероятно, горница на подклети или повалуша, $4,4 \times 4$ м), стоящей рядом (рис. 11, 2). С юга к сеням большого дома и к западной стене повалуши примыкало небольшое помещение ($4 \times 2,8$ м), имевшее лишь две стены, возведенные из тонких бревен; концы которых забраны в пазы вертикально стоявших опор. Возможно, это легкие сени, поставленные перед входом в повалушу (в западной стене повалуши открыт дверной проем).

В центральной части посада исследован двор ремесленника-ювелира (рис. 11, 3), состоявший из большого трехкамерного дома-связи (6×5 ; $5 \times 3,7$; 6×5 м), небольшой постройки ($3,6 \times 3,6$ м), связанной с большим домом сенями ($3 \times 2,75$ м), и двух построек, замыкавших комплекс с севера (4×4 ; $4,6 \times 4,3$ м). В постройках сохранились части

настилов и полов, а также печка. В северо-восточном углу двора прослежены остатки ограды. Несомненно, обширность этого жилищно-хозяйственного комплекса свидетельствует о зажиточности его хозяина⁵.

Наиболее обширный жилищно-хозяйственный комплекс раскопан на территории мангазейского кремля. Это — воеводский двор. Находясь в юго-западном углу кремля и занимая площадь около 600 кв. м, воеводский двор к 1617 г. состоял из двух замкнутых комплексов — северного и южного (рис. 11, 4). При почти одинаковой площади и идентичной («зеркальной») планировке они имели, вероятно, и одинаковое число построек. Северный комплекс, сохранившийся полностью, состоял из большого трехкамерного жилища (клеть — сени — клеть), отдельно стоявшей постройки — повалуши, связанной с трехкамерным жилищем при помощи перехода или сеней на столбах, и небольшой постройки, встроенной в ограду двора. В южном комплексе сохранились лишь две постройки — трехкамерное жилище и повалуша. Третья постройка, видимо, погибла при разрушении берега. Нарочитое равенство дворовых участков и числа строений в них дополняется близостью в размерах построек (на северном участке: трехкамерное жилище имело площадь 80 кв. м, повалуша 45 кв. м; на южном участке: трехкамерное — более 60 кв. м, повалуша 39 кв. м).

В клети «а» обнаружена вымостка из досок, положенных на мощные лаги. Клетки «б» и «в» также имели вымостки, но другой конструкции: на площадку, вырубленную во втором венце сруба, укладывался мощный настил из слегка уплощенных толстых жердей. Подтесанные края жердей, уложенные в паз, придавливались следующими венцами. Таким образом, три камеры постройки имели нижние помещения — подсенье и две подклети, использовавшиеся как подсобные хозяйственные помещения.

Дверные проемы прослежены в двух помещениях южной большой постройки (из сеней в подклеть «а» и со стороны двора в подклеть «б») и в двух помещениях северного участка (со стороны двора в подклети «в» и «ж»). В клети «г» обнаружены вымостка на лагах и остатки печи (к северному углу). Вероятно, подклеть была жилой. В повалуше «е» под подклети поднят выше третьего венца.

В связи с изучением состава построек, входящих в комплекс воеводских построек в сибирских городах, большой интерес представляет «Служебная чертежная книга Сибири» С. Ремезова. Воеводский двор в г. Еланчине⁶, судя по изображению, состоял из трех построек, обнесенных оградой, прясла которой сделаны как в виде тына, так и «взамет» (рис. 11, 5).

Трехкамерное жилище-связь имело одну крышу. Здание изображено с внешнего фасада, поэтому не указаны крыльцо-вход, ведущее в сени, а также дверные проемы подклетов. У дома с высокой подклетью показаны оконные проемы второго жилого этажа. Это здание имеет и третий этаж — чердак. С. Ремезов не показал фактуру различных частей постройки, поэтому трудно судить, был ли чердак рубленным или дощатым. По крайней мере возвышающаяся над ним дымница свидетельствует, что это — теплое помещение, с окнами. Слева от трехкамерного здания стоит небольшая постройка, вероятно, также на подклети. От этой постройки тянется ограда в виде тына — до высокого здания, над которым возвышается дымница. Здание это меньше по размерам трехчастной постройки, но художнику очень хотелось подчеркнуть его башнеобразность. Скорее всего, здание — повалуша. Парадность помещений верхнего этажа выражена немасштабно большими оконными проемами. Наличие полицы меж-

⁵ В 1630 г. мангазейский дьяк Иван Обобуров имел двор, на котором стояли: горница на подклети и дощатый амбар, между которыми были сени, а над сенями «чердачкишко» да отдельно стоящая изба, на которой возведена горница (В. А. Александров. Указ. соч., стр. 54).

⁶ Н. В. Сулганов. Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири. ИАК, вып. 24, 1907, стр. 16.

ду вторым этажом и чердачным помещением свидетельствует о довольно значительной крутизне кровли.

В Пельымском городе⁷ в комплекс воеводских построек входили большое трехчастное здание и небольшая постройка с дымницей (рис. 11, 6). Первое здание имело высокие подклети, в левой подклети имеются два дверных проема. Здание изображено со стороны двора, поэтому показан и основной вход в постройку — крыльцо у сеней (довольно крутое, с развитым рундуком, около крыльца — вымостка). Левая часть здания выше других: она имеет три этажа. У третьего этажа — галерея-гульбище. Все верхние этажи имеют дымницы. Очевидно, помещения отапливались по-белому.

Комплекс воеводского двора, состоящий из трех построек, изображен и на плане Илимского острога⁸ (рис. 11, 7). Четкими линиями показано членение большого здания — оно состоит из трех частей и имеет два этажа. Кровля не сплошная, трехчастная, оконные проемы второго этажа большие. Слева от постройки стоит башнеобразное здание — повалуша.

Таким образом, «Служебная чертежная книга Сибири» дает довольно стабильное число построек, входящих в состав воеводских дворов. Безусловно, воеводский двор, состоящий из дома-связи, отдельно стоящей повалуши или горницы на подклети и одного-двух подсобных помещений, типичен для сибирских городов первой половины XVII в. Например, в 1628 г. при постройке Красноярского острога поставленный воеводский двор состоял из повалуши на подклети, горницы на подклети и сеней между ними, банной постройки⁹.

Материалы археологических работ дают интересные сведения о некоторых приемах домостроительства, применявшихся русским населением Сибири в первых десятилетиях XVII в. Все открытые в Мангазее постройки поставлены непосредственно на грунт, на тонкий слой щепы, который образовался в результате обработки бревен. Подкладки под основание сруба, встречающиеся очень редко, служили лишь средством нивелировки участка.

При строительстве жилищ использовались все местные породы дерева — лиственница, береза, ель, реже кедр, а также и такой материал, как судовые доски¹⁰. Во время археологических работ выявлен весь арсенал деревообрабатывающих инструментов, которыми пользовались мангазейские плотники, — топоры, скобели, сверла, долота.

Не очищенные от коры стволы деревьев транспортировались на место строительства, где их очищали при помощи скобеля, а чаще топора. На некоторых бревнах видны следы транспортировки — на конце бревен затесы для охвата веревками. Срубы рублены в обло с остатком. Продольные пазы на венцах сруба встречены как на верхней поверхности бревна, так и на нижней (но всегда однообразно на венцах одного сруба)¹¹. Основные объемы зданий — рубленые; сени, как правило, имеют другую конструкцию — «замет» («набирка»). Ограды обычно комбинированные — отдельные прясла, сооруженные «заметом», сочетаются с рублеными в обло.

Хорошо сохранившийся пол в мангазейских постройках встречается довольно редко. Однако наблюдения, сделанные при исследовании во всех раскопах, позволяют выделить несколько типов полов: пол, настланный

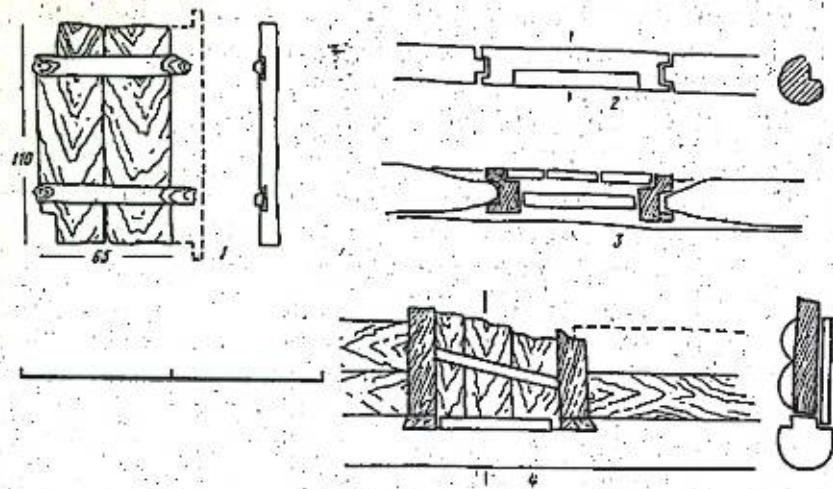

Рис. 12. Детали устройства дверей

1 — дверное полотнище; 2—4 — дверные проемы

на лаги, лежавшие на земле; пол, настланный на лаги, концы которых врублены во второй или в третий венец сруба; в хозяйственных подклетах воеводского двора пол настлан из мелких бревен, слегка отесанных (концы бревен положены на паз, вырубленный во втором венце сруба, и прижаты третьим венцом).

В жилых подклетах, там, где это удалось проследить, пол настлан «против хода», в хозяйственных подклетах и сенях пол, как правило, настлан «по ходу».

Печи в мангазейских жилищах представлены аморфными развалами. На посаде в конструкцию печей обязательно входят булыжные камни, лежащие в глинистой массе. На воеводском дворе в клети «г» печь была представлена мощным развалом обожженной глины. Печи располагаются в северных, южных, иногда западных углах построек. Контуры печей всегда четко прослеживаются по опечку (опечек делался из досок или мелких бревен, забранных в пазы вертикально стоящих бревен) и контуру пола. Под основанием печей делались вымостки из досок, лежавших в один-два ряда и опиравшихся на бревенчатые подкладки, а иногда глиняный массив основания печи находился непосредственно на материке.

Остатки дверных проемов и дверных полотнищ обнаружены в помещениях первых этажей зданий, главным образом в подклетах. Конструкция дверных проемов довольно устойчива. Два намечаемых типа отличаются деталями: 1) основание (порог) вырублено в толще окладного или второго-третьего бревен сруба (рис. 12, 3, 4); 2) основание колодок является вставкой в третий венец сруба и скреплено с бревном сруба пазами (рис. 12, 2). Ширина дверных проемов 82—83 см. Два боковых косяка дверной колоды вырубались из толстого четырехугольного бруса, у которого с тыльной стороны имелся паз для наборки венцов стены, а с боковой стороны — паз для прилегания дверной полы (на толщину двери). Двери в исследуемых помещениях открывались внутрь постройки. Двери однопольные, набранные из досок, скрепленных двумя брусками, которые загнаны в трапециевидные пазы на всю ширину двери (рис. 12, 1). Высота дверных полотнищ 1,05—1,5 м, ширина — 0,65—0,83 м. Дверные полотнища с одной стороны по краю (вверху и внизу) имеют выступы — пятки, которые входили в соответствующие углубления («чашки») в основании колоды и в верхний косяк. Возможно, входы в хозяйственные помещения имели только вертикальные стойки — косяки (нижняя пятка упиралась

⁷ Там же, рис. 1.

⁸ Там же, рис. 14.

⁹ С. В. Бахрушин. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. «Научные труды», т. IV, М., 1959, стр. 102.

¹⁰ В. А. Александров связал применение судовой древесины с нехваткой строительного материала (В. А. Александров. Указ. соч., стр. 138). Это не совсем точно. В Мангазее некому было изготавливать доски, а использование их для настила полов отмечено почти в каждой открытой постройке.

¹¹ По мнению П. А. Райпопорта, в первом случае «мшилан» мохом, а во втором — паклей.

в основание колоды, а верхняя входила в «чашку» соответственного венца сруба). Для улучшения скольжения дверных пяток в «чашки» подкладывались деревянные дощечки или куски стенок глиняных горшков, которым придавалась круглая форма.

Существовал и другой способ подвески дверных полотнищ. Об этом свидетельствуют находки массивных железных навесов, которые загонялись в дверной косяк, и железных петель-жиковин, на которые крепились двери при помощи массивных шеломчатых гвоздей.

В исследованных жилищно-хозяйственных комплексах обнаружены куски слюды (овальной и треугольной формы, со следами скрепления железными полосками, а также шитья нитками) и деревянные части самих оконниц. Оконничные планки имеют размеры 16 × 34 см и 27 × 29 см. Для закрепления слюдяной оконницы по внутреннему периметру деревянной рамы шел сплошной очень узкий и глубокий паз.

От верхних частей зданий сохранились незначительные фрагменты. При расчистке вымостки внутри воеводского двора обнаружены фрагменты кровли — две тесны длиной 2,4 м и шириной 30—32 см (с фигурными концами). В вымостку территории двора они попали после перестройки какой-то части воеводского комплекса. Еще одна тесница с фигурно оформленным концом найдена в береговом раскопе на посаде. Эта тесница недлинная, применялась, видимо, для покрытия перехода или крыльца. При исследовании воеводского двора обнаружен также фрагмент водосборного желоба (длина желоба 2,5 м, ширина паза 5 см, диаметр бревна 16 см).

Исследование усадебных комплексов на территории мангазейского кремля и посада позволяет сделать ряд любопытных наблюдений. Прежде всего надо отметить небольшую площадь дворовых участков, компактность застройки дворов. Вряд ли это объясняется многочисленностью и теснотой застройки поселения. Причина, вероятно, в другом, в первую очередь — в хозяйственном укладе жителей Мангазеи, в отсутствии у большинства жителей обширного собственного хозяйства. В Мангазее с первых лет ее существования трехкамерные постройки не были редкостью. Большой приток сезонного населения заставлял более рационально использовать полезную площадь построек — теплая подклеть встречена почти в каждом раскопанном трехкамерном доме¹². Наличие третьих этажей (чердаков) можно предполагать у трехкамерных построек и повалуш воеводского двора.

Следует подчеркнуть, что археологические материалы о русском домостроительстве начала XVII в. в Сибири расширяют представление о планировке и конструктивных приемах домостроительства не только Сибири, но и других северорусских земель.

Р. Ф. ВОРОНИНА

ЖЕНСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР
СРЕДНЕЦНИНСКОЙ МОРДВЫ VIII—XI вв.

Одежда и головной убор всегда и у всех народов были показателем общественного положения человека и его социальной и племенной принадлежности. Особенно характерен в этом отношении женский головной убор. По нему можно судить о семейном положении женщины, о ее принадлежности к тому или иному роду. Изменения в социальном положении женщины, вхождение ее в новый род, новую общину прежде всего сказываются на перемене одежды и головного убора.

Н. И. Гаген-Торн, исследовавшая головные уборы и свадебные обряды Восточной Европы, отмечает, что «перемена головного убора входит как необходимая часть в свадебный ритуал, являясь одним из центральных моментов его»¹. В качестве примера она приводит существовавший в русской свадьбе, особенно в ее северном варианте, обряд расплетания девичьей косы, прощания с девичьей прической и связанным с ней головным убором. Эта первая часть обряда — расплетание косы невесты, плач над ней и снятие девичьего головного убора — с введением христианства стала совершаться накануне или за несколько дней до венчания. Вторая часть обряда — устройство бабьей прически и бабьего головного убора — совершалась после возвращения от венца. Иногда это делалось после венчания в церковной сторожке, иногда по приезде в дом мужа².

У народов, которые не знали венчания, перемена головного убора в свадебном обряде является центральным моментом в ритуале. Функция головного убора не только социальная, возрастная, определитель племенной принадлежности, но и магическая. Головной убор являлся оберегом. Дело в том, что волосам (женским в особенности) у многих народов приписывалась особая магическая сила, связанная с плодородием. Например, согласно карельским верованиям, сила женских чар девушки в ее волосах. Эта магическая сила пропадает, если она будет плохо с ними обращаться³.

С тем же представлением о магической силе волос связан ряд обрядов и поверий. Согласно народным поверьям, распущенные волосы роженицы облегчают ей родовые муки. Такую же роль играют волосы и в лечебной магии, при лечении заболеваний рта у новорожденного. С той же чудодейственной магической силой волос связан и обряд опахивания поля и села во время стихийных бедствий, таких, как засуха, падеж скота или эпидемия. При этом опахивание чаще всего производят девушки, так как они принадлежат к тому же роду и магическая сила их волос будет

¹² Использование в Енисейске подклетей под жильем (что не характерно для русского жилища) В. А. Александров объясняет стремлением утеплить верхние этажи, а также, возможно, желанием сдавать теплые подклети в наем сезонному населению (В. А. Александров. Указ. соч., стр. 162).

¹ Н. И. Гаген-Торн. Магическое значение волос. СЭ, 1933, № 5—6, стр. 76.

² Там же, стр. 77.

³ Там же, стр. 80.

более благодетельна, чем сила женщины-чужеродки⁴. По народным поверьям волосы обладают охранительной силой не только для живых, но и для мертвых и духов. Н. И. Гаген-Торн приводит сообщение Б. Г. Крыжановского о том, что у женщин в Белоруссии существовал обычай ткать себе саван с основой из собственных волос.

По всей вероятности, с подобными же представлениями связан и обычай, существовавший у среднеиниинской мордвы VIII—XI вв. Вдова умершего клала в могилу мужа свою косу или ее украшения — наконники. Подобный обычай отрезать и класть покойнику волосы его близких был еще распространен и в Албании. Вероятно, эти же магические представления обусловили и конструкцию самих головных уборов. Для всех девичьих головных уборов характерны открытые волосы на макушке и лбу (различные повязки).

Входя в чужой род, женщина может повредить ему своей магической силой. Поэтому, вероятно, волосы замужних женщин-чужеродок у всех народов Восточной Европы прежде были тщательно скрыты головным убором. Кроме того, у многих народов существовал обычай не только прятать волосы, но даже срезать или сбривать их. По свидетельству Н. И. Гаген-Торн, подобный обычай существовал у племен води и ижоры и был известен в XV—XVI вв. в Новгороде⁵.

Этнографы все головные уборы угро-финских племен по их устройству подразделяют на несколько групп: 1) покрывала, платки, полотенца; 2) повязки, налобные венки; 3) мягкие шапки, чепцы; 4) высокие твердые головные уборы конусообразной и лопатьвидной формы⁶.

Почти все среднеиниинские мордовские женские головные уборы VIII—XI вв., как показал анализ погребального инвентаря и дневниковые данные исследователя этих могильников П. П. Иванова⁷, относятся к первой группе, т. е. к покрывалам и полотняным головным уборам. Лишь два из них (1-й и 4-й типы нашей классификации, речь о которых пойдет ниже) входят в группу повязок и мягких шапочек. Реконструкция покрывала была сделана М. М. Герасимовым при реставрации по черепу портрета женщины из Крюково-Кужновского могильника⁸. В нашей типологии этот головной убор отнесен ко 2-му типу. Он представляет собой широкое полотенце из шерстяной ткани, два верхних угла которого охватывали голову от лба к затылку и завязывались или застегивались на затылке. Нижний конец полотенца свободными складками висел сзади, спускаясь чуть ниже плеч (рис. 13, 1). К нижнему концу полотенца на небольших бронзовых колечках прикреплялись плоские бронзовые привески трапециевидной формы. Аналогичные, но более мелкие трапециевидные привески нашивались поверх ткани покрывала (рис. 13, 2)⁹. Некоторые покрывала не имели трапециевидных привесок, но были вышиты оловянным бисером¹⁰ или пуговками¹¹.

Подобные трапециевидные привески встречаются с VI—VIII вв. н. э. и в других районах¹², но там они входят в состав ожерелий. Аналогичные привески, входившие в состав головного убора, встречены в Шокшин-

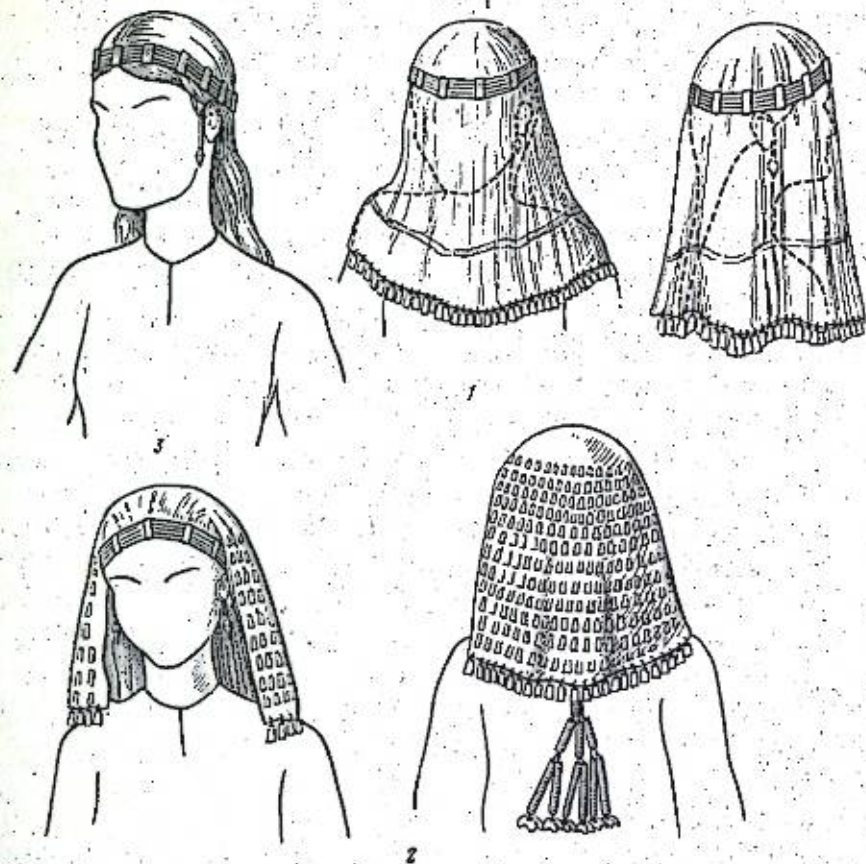

Рис. 13. Типы головных уборов среднеиниинской мордвы
1—2 — женские; 3 — девичий

ском¹³ и в Перемчалкинском могильниках Горьковской обл.¹⁴ Однако, судя по описанию, эти головные уборы отличались от нашего.

Одной из частей женского головного убора среднеиниинской мордвы VIII—XI вв. является налобный венчик. Он состоит из берестяного каркаса, на который в 4—5 горизонтальных рядов нашиты бронзовые или серебряные трубочки, нанизанные на кожаные ремешки и соединенные обоймцами. Один конец венчика кончается пряжкой, другой — наконечником. Этот венчик должен был скрыть волосы на лбу и висках замужней женщины. Есть венчики с трубочками из однородного металла, встречаются и такие, у которых налобная часть сделана из серебряных, а боковые — из бронзовых трубочек. Есть венчики лишь из кожаных ремешков.

Венчики из ремешков чаще всего застегивались под покрывалом головного убора. Венчики металлические, как правило, застегивались поверх покрывала. Оба способа закрепления венчика на голове свойственны одному и тому же типу убора.

Налобные венчики были широко распространены у многих угро-финских народов. Различаются они лишь конструкцией и деталями метал-

¹³ Погребение 159. А. В. Циркин. Раскопки Шокшинского могильника 1967—1968 гг. Архив ИА АН СССР, Ф. Р. 1, д. 3606, 3664.

¹⁴ А. Е. Алихова. Перемчалкинский могильник. «Археологический сборник», вып. 1. Саранск, 1948.

⁴ Н. И. Гаген-Торн. Магическое значение волос. СЭ, 1933, № 5—6, стр. 4.

⁵ Там же, стр. 88.

⁶ В. Н. Бельцер. К вопросу о происхождении удмуртов. СЭ, 1947, № 4, стр. 115; М. Вич. Die Wotjaken. Helsingfors, 1882, O. Heckel. Ethnographische Forschungen finnische Volkerschaften, Bd. II, Frachten und Mustern der Mordvinen. Helsingfors, 1899.

⁷ П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952; Экспозиция Моршанского районного краеведческого музея Тамбовской обл.

⁸ Скульптура М. М. Герасимова в экспозиции Моршанского музея.

⁹ Погребения 37 и 58 Крюково-Кужновского могильника.

¹⁰ Погребения 236 и 249 Крюково-Кужновского могильника.

¹¹ Погребение 513 Крюково-Кужновского могильника; П. П. Иванов. Указ. соч.

¹² В Погребения 2, 3, 43, 70 Армянского могильника. Погребения 3, 5, 7, 21 Старшего Кужендеевского могильника.

лических украшений. Налобные венчики вышеописанных типов впервые появляются в женских головных уборах мордвы в VIII в. и существуют до начала XI в. По-видимому, впоследствии венчик утрачивает металлические украшения и бытует в мордовских головных уборах до 30-х годов XX в.

Вероятно, его отдаленным пережитком можно считать передник или налобник, а также девичью повязку (ашкорск), окружавшую головной убор панго у мордвы-мокши Рузаевского и Беднодемьянского уездов¹⁵.

Другой составной частью женского головного убора являются височные привески в виде спиралек из округлой в сечении проволоки. Один конец спиральки вытнут в виде стерженька, обмотанного проволокой, с бипирамидальным грузиком. Эти височные привески являются мокшанским женским племненным украшением. Привеска подвешивалась путем ввинчивания ее конца в мочку уха, наподобие серьги, — либо — на кожаной петле на ушную раковину. На последний способ их подвешивания указывают частые находки височных привесок с остатками ремешка в спирали.

Височные привески появляются в составе мордовского женского головного убора в первой половине I тысячелетия н. э. В VIII в. они довольно массивны, стержень их короток, обвит толстой проволокой, число витков невелико. Бипирамидальный грузик массивен, верхняя пирамидка его меньше нижней. Таковы височные привески из погребений VIII в. Крюково-Кужновского и Серповского могильников¹⁶.

В IX—XI вв. привески видоизменяются. Стержень их удлиняется, обматывается тонкой проволокой, витков много. Бипирамидальный грузик становится менее массивным, меняется его форма: нижняя его пирамидка становится меньше верхней, иногда грузик имеет каплевидную форму.

Такой же составной частью женского головного убора являются и накосники. Это украшение связано не столько с головным убором, сколько с типом женской прически.

Встречаются накосники двух типов: кистевидные и трубчатые, различающиеся как по внешнему виду, так и хронологически.

Кистевидный накосник представляет собой ремень, нижняя часть которого разрезана продольно на несколько длинных ремешков, обмотанных округлой в сечении бронзовой проволокой. Каждый из этих ремешков оканчивается бронзовой привеской в виде бубенчика, колокольчика с двумя кольцами по бокам и с привесками к ним в виде бутылочек или в виде утиных лапок. Очень часто встречаются привески в накосниках в виде сдавленных с боков бронзовых коробочек. Иногда в одну кисть накосника входят привески разных типов. Среди кистевидных накосников встречаются экземпляры, ремешки которых почти лишены металлической обмотки. Они обмотаны короткой проволокой лишь у самого конца ремешка, у привески. Но есть и такие кистевидные накосники, у которых проволокой обмотаны не только свисающие ремешки, но и неразрезанная часть ремня. Длина накосников 35—40 см.

Кистевидные накосники с обмоткой появляются в первые века н. э. (Кошибеевский могильник)¹⁷. Древнейшие накосники, почти лишенные металлической обмотки, известны из рязанских могильников стадии А хронологии Ефименко¹⁸. Не исключено, что они явились прообразом среднецининских, почти лишенных обмотки.

¹⁵ Н. И. Спрыгина. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьянского уездов Пензенской губ. по материалам экспедиции 1925 г. Пенза, 1928, стр. 41.

¹⁶ А. Е. Алихова. Серповский могильник. «Из древней и средневековой истории мордовского народа». Саранск, 1959, стр. 118, табл. 50, 1.

¹⁷ А. А. Спицын. Древности Оки и Камы. МАР, т. 25. СПб., 1901.

¹⁸ П. П. Ефименко. Рязанские могильники. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 1. Л., 1926, стр. 58, рис. 1.

Об устройстве накосников у среднецининской мордвы VI—VIII вв. и способе прикрепления их к головному убору мы можем судить лишь по накосникам этого времени с соседних территорий (Младший Селиксенский, Армиевский, Ивановский могильники). Единственный мордовский могильник VII—VIII вв. — Серповский, по всей вероятности, принадлежавший племени Эрзи, недостаточно исследован. В погребении 32 этого могильника, судя по дневникам А. А. Спицына, был найден кистевидный накосник. Однако по описанию трудно судить об его устройстве, да и сам А. А. Спицын отмечает необычность этого погребения среди остальных погребений Серповского могильника.

Накосники других мордовских территорий VI—VII вв., судя по материалам Армиевского и Младшего Селиксенского могильников, скорее можно назвать лентовидными. Они представляют собой обвитые проволокой отдельные ремешки, привязанные к отверстиям снизу полусферической бляхи. Каждый ремешок имеет металлическую привеску. Иногда эти параллельно свисающие ремешки скреплялись между собой горизонтальными рядами обоймиц, напоминая поздние женские украшения — наспинные ремни¹⁹.

Несколько своеобразны кистевидные накосники из погребений VI—VII вв. Ивановского могильника²⁰. Своеобразие это в том, что кистевидные накосники кроме обычных привесок в виде сдавленных с боков коробочек украшались литыми бронзовыми фигурками медведя и уточки.

По мнению М. Р. Полесских, кистевидные накосники получают наибольшее распространение в VI—VIII вв., а в VIII—IX вв. исчезают²¹. Вряд ли с этим можно согласиться, ибо число погребений с накосниками в Армиевском и Младшем Селиксенском могильниках так же невелико, как и в более поздних среднецининских могильниках²².

Вполне возможно, что накосники были свойственны не всем женским головным уборам, а лишь какой-то их части и являлись возрастным отличителем. Но это явление очень древнее, и оно не нашло отражения ни в этнографии, ни в мордовском эпосе.

По всей вероятности, в VIII—IX вв. кистевидные накосники не отмирают, а изменяется их общий облик. Исчезает сферическая бляха с коромыслом для прикрепления отдельных ремешков, и на смену им приходят накосники-кисти.

Об эволюции кистевидных накосников VIII—IX вв. Пензенской обл. можно судить лишь предположительно по аналогам, так как мордовские могильники этого времени там почти не изучены. Очень часто кроме кистевидного накосника в состав головного убора входила теменная шнур. Это длинный кожаный ремешок, обложенный бронзовыми плоскими обоймицами и оканчивающийся небольшим трапециевидным наконечником иногда с четырьмя трубчатыми привесками²³.

По-видимому, замужние мордовки заплетали волосы в одну косу, вплетая в нее кистевидный накосник, а на макушке прикреплялся теменной шнур. Вместе с тем существовал и обычай заплетать две, иногда три косы, вплетая в них накосники. Во всех прическах присутствует теменной

¹⁹ П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930, табл. II, рис. 3, 5.

²⁰ Они обнаружены в жертвенных комплексах в берестяных туесках (погребения 15—1968 г., 18—1969 г.); Н. В. Трубинова. Отчет о работе Второго Чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции 1968 г. Архив ИА, ф. Р 1, д. 3993.

²¹ М. Р. Полесских. Некоторые памятники мордвы-мокши конца I — начала II тысячелетия н. э. «Труды МНИИЯЛИЭ», вып. 39. Саранск, 1970, стр. 126—127.

²² В Крюково-Кужновском Елизавет-Михайловском и Пановском могильниках Моршанского р-на Тамбовской обл., раскопки П. П. Иванова.

²³ Таким был теменной шнур из погребения 6 Крюково-Кужновского могильника. Раскопки автора 1969 г.

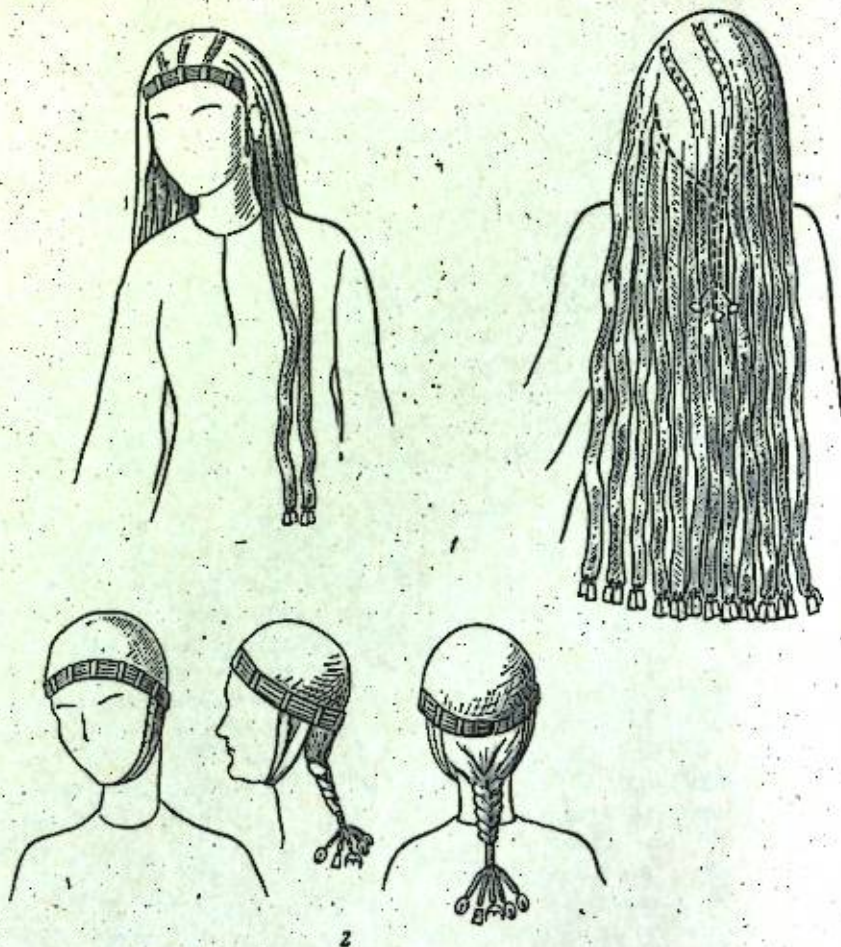

Рис. 14. Типы головных уборов средневожжской мордвы
1 — женский; 2 — женский шнурованный

шнур. Однако ввиду древности явления объяснить это разнообразие причесок в настоящее время затруднительно.

В конце IX в. кистевидные накосники и теменной шнур исчезают. На смену им приходит трубчатый накосник — пулокерь. Ранние его формы лишены металлической обмотки. Он представляет собой прядь волос, плотно обмотанную узким ремешком²⁴. Вполне возможно, что это — результат эволюции кистевидного накосника. Он утратил свои привески, сохранился лишь обычай обматывать косу ремешком. В X в. трубчатые накосники обматываются уплощенной проволокой. Изменяется его конструкция. К косе прикладывается теперь палочка, которая сначала обматывается ремешком, а затем уже проволокой. Видоизменяясь, пулокерь продолжает бытовать до XVIII в.²⁵ Как правило, пулокерь всегда один в причёске, т. е. с конца IX в. происходит упрощение возрастных причёсок замужних женщин.

Разновидностью вышеописанного женского головного убора 2-го типа

является чадра (рис. 13, 1). Ее можно назвать головным убором лишь условно. Вероятнее всего, это посмертный убор, связанный с каким-то увечьем. Он редок, встречен в средневожжских могильниках лишь два раза и представляет собой широкое шерстяное покрывало, закрывавшее лицо и доходившее до середины груди. Покрывало вышито оловянным бисером на некотором расстоянии от края горизонтальной полосой, а по краю украшено трапециевидными привесками. Сверху оно было опоясано налобным венчиком. Под ним, вероятно, находились подвешенные на уши височные привески с бипирамидальными грузиками вышеописанной формы. Сзади под тканью убора был обнаружен кистевидный накосник. Как набор украшений (детали головного убора), так и весь комплекс вещей не выделяет это погребение из остальной массы женских погребений Крюково-Кужновского могильника.

Один из наиболее распространенных — женский головной убор 3-го типа. Это головной убор из лент (рис. 14, 1)²⁶. Он представлял собой длинное шерстяное покрывало-подотенце. Один конец его был повязан вокруг головы, как и во 2-м типе головного убора. Ткань на затылке была скреплена кольцевидной застежкой с усами (сюльгалюй). Нижний конец покрывала был разрезан на 12 длинных полос шириной 3—4 см. Эти ленты свободно спускались от затылка вдоль спины до пояса. Каждая лента была вышита оловянным бисером. Полосы вышивки шли по краю покрывала и вдоль него. На голове был венчик вышеописанной конструкции, который застегивался под тканью лент покрывала. Вероятно, на ушных раковинах костяка были подвешены на кожаных ремешках височные привески с бипирамидальными грузиками. Сзади, под лентами покрывала, находилась коса с прикрепленным к ней кистевидным накосником и теменной шнур. Аналогичные головные уборы, судя по дневникам П. П. Иванова, встречены в целом ряде женских погребений Крюково-Кужновского и Елизавет-Михайловского могильников. Нет этого типа лишь в Пановском могильнике. По всей вероятности, такой головной убор, так же как и покрывало-лопасть, является головным убором замужних женщин из 56 случаев его находок в погребениях Крюково-Кужновского могильника 14 найдены в мужских погребениях, куда положены, видимо, вдовами умерших.

По-видимому, этот тип головного убора носили довольно старые женщины. Находки его неоднократно в погребениях женщин-литейщиц Крюково-Кужновского²⁷ и Елизавет-Михайловского²⁸ могильников с костяками старых женщин.

4-й тип головного убора — чепцы-шапочки. По мнению В. Н. Бельцер, этот головной убор — девичий. Он представлял собой войлочную шапочку, обтянутую шерстяной материей, с повязкой в виде ленты, обшитой оловянным бисером. Лента повязывалась в два оборота от темени до подбородка (рис. 14, 2). На лбу находился бронзовый венчик вышеописанной формы, а с затылка свисал небольшой кистевидный накосник, вплетенный в короткую косичку. Этот головной убор был найден всего один раз в погребении 9 Крюково-Кужновского могильника. Он был связан с необычной для мордовских могильников формой могильных-ям (могильная яма со ступенчатым входом с узкой стороны). Такая форма, возможно, явилась имитацией в новых условиях степной катакомбы или дромоса. Вероятнее всего, 4-й тип головного убора принадлежал представительнице какого-то кочевнического рода, проникшего в мордовскую среду и почти целиком в ней растворившегося, но сохранившего лишь

²⁴ Р. Ф. Воронина. Отчет о раскопках Крюково-Кужновского могильника за 1968 и 1969 гг. Архив ИА АН СССР, ф. Р. 1, д. 3759, 4228.

²⁵ А. Е. Алихова, S. Preobrazenski. Sur quelques modifications chronologiques la civilisation de Mordva-Mokcha. ESA, vol. IV. Helsinki, 1929, p. 338.

²⁶ Погребение 6 Крюково-Кужновского могильника. Раскопки автора 1969 г.

²⁷ П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952.

²⁸ Н. Е. Алихова Средневожжская мордва VIII—XI вв. Саранск, 1969.

некоторые детали старого погребального обряда и головной убор. Девичий головной убор в виде полусферической шапочки продолжал существовать у мордвы-мокши в XVIII—XIX вв.²⁹

Возможно, вышеописанный головной убор является наиболее ранним девичьим кочевническим убором, под влиянием которого возникает девичья шапочка у мордвы и существует до 30-х годов XX в.³⁰ Правда, по свідетельству В. Н. Бельцер, девичьи головные уборы в виде шапочек широко бытовали у многих народов. Таковы девичья шапочка удмуртов XVIII—XIX вв. «так'я», «тух'я» у чувашей и «такія» у башкир. У многих народов этот тип головного убора в начале XX в. начинает выходить из обихода и сохраняется лишь в качестве свадебного головного убора невесты.

Другим девичьим головным убором, вероятно, следует считать головную повязку (рис. 13, 3). Этот головной убор состоит из налобного венчика вышеописанной конструкции. В состав него входили также и надетые на уши височные привески с бипирамидальными грузиками. Головные повязки почти лишены накосников. Иногда девушки, вероятно, носили лишь один венчик без височной привески. К сожалению, без анализа антропологического материала нельзя связать те или иные варианты этих уборов с определенным возрастом.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что все типы женских головных уборов встречаются как с короткой массивной височной привеской (ранней формы) и кистевидным накосником, так и с длинной височной привеской с каплевидным грузиком и с пулокерью. Этот факт дает возможность говорить о том, что все эти типы уборов сосуществовали в течение VIII—XI вв. и в основном сохраняли свой внешний вид. Изменяются лишь отдельные детали головного убора (форма височной привески), и появляется новое украшение косы (пулокерь).

При анализе погребального обряда на планах Крюково-Кужновского, Елизавет-Михайловского и Пановского могильников нами были выделены группы погребений с одинаковым погребальным обрядом. Эти группы располагались на территории могильников отдельными гнездами и являлись, вероятно, погребениями родовых групп. Судя по анализу погребального инвентаря, группы эти существовали одновременно. Во всех них встречаются все описанные типы женских головных уборов.

Мы уже говорили, что головной убор является четким определителем племенной принадлежности. Широта распространения описанных типов женских головных уборов в среднеднепирских могильниках VIII—XI вв. и отсутствие этих типов на соседних территориях вместе с особенностями погребального обряда³¹ дают возможность выделить эту группу могильников в особую племенную группу.

По всей вероятности, мордва во второй половине I тысячелетия состояла из нескольких отдельных небольших племен, живших в междуречье Оки и Волги. Впоследствии из них выделяются сохраняя свою индивидуальность, два наиболее многочисленных и сильных племени — мордва-мокша и мордва-эрзя, которые подчиняют себе более мелкие мордовские племена. Аналогичный этнический процесс поглощения более слабых племен сильнейшими наблюдается в конце I — начале II тысячелетия н. э. и на соседней славянской территории. Косвенным подтверждением реальности подобного этнического процесса у мордвы могут служить материалы этнографии.

Многие этнографы, в том числе и О. Геккель, изучая одежду и голов-

ные уборы мордвы XIX в., разделяют все мордовские головные уборы по устройству на два круга: мокшанские и эрзянские. Внутри каждого круга они выделяют локальные варианты (3 варианта в мокшанском и 3 в эрзянском кругах). При этом каждый локальный вариант типов головных уборов характерен для небольших групп сел, расположенных по соседству³². Такие же группы выделяет Н. И. Спрыгина на территории Краснослободского и Беднодемьянского районов Пензенской обл.³³

Возможно, что эти группы сел с однотипными головными уборами являлись остатками древних мордовских племен. Одним из таких, не дошедших до нас племен, вероятно, была и среднеднепирская мордва, оставившая упомянутые могильники.

²⁹ О. Heckel. Указ. соч.

³⁰ Н. И. Спрыгина. Указ. соч., табл. XII.

³¹ Р. Ф. Воронина. Погребальный обряд Крюково-Кужновского могильника. КСИИ, вып. 128, 1971.

³² О. Heckel. Указ. соч., стр. 00.

³³ Н. И. Спрыгина. Указ. соч., стр. 36.

II. ПУБЛИКАЦИИ

В. А. РАНОВ, Э. А. ЮРКЕВИЧ

СТОЯНКА С КРЕМНЕВЫМ ИНВЕНТАРЕМ
В ДОЛИНЕ ПЯНДЖА

Осенью 1961 г. во время археологических разведок в Пархарском р-не на правом берегу р. Кизыл-су, в 8 км от впадения ее в р. Пяндж, на верхней террасе было найдено несколько кремневых отщепов. Эта коллекция была дополнена сборами Э. А. Юркевича в 1962 г.

Стоянка, получившая название Макони-Мор, приурочена ко 2-й надпойменной террасе р. Кизыл-су. Район находок обработанного кремня ограничен с севера крупным саем Охурча, с юга узким, но глубоким саем Бур-Булак. В средней части участка проходит сай Рогим-Булак, делящий участок на две части. Общая площадь, на которой встречен кремь, примерно 4 га. Последний собран на поверхности террасы, в основном разрозненно, хотя можно отметить четыре скопления (в несколько десятков экземпляров). Осмотр обрывов террасы и бортов саев не выявил остатков культурного слоя (рис. 15, а). Для поисков последнего были заложены две пятиметровые траншеи и восемь шурфов, забитых через 50 м, а также произведены подчистки стенок раскопов Х. Мухитдинова. В результате этих работ установлено, что обработанный кремь как на поверхности террасы, так и суглинках (до глубины 0,8 м), мощность которых здесь незначительна — несколько более 1 м, находится в переотложенном состоянии. Культурный слой, естественно, не сохранился.

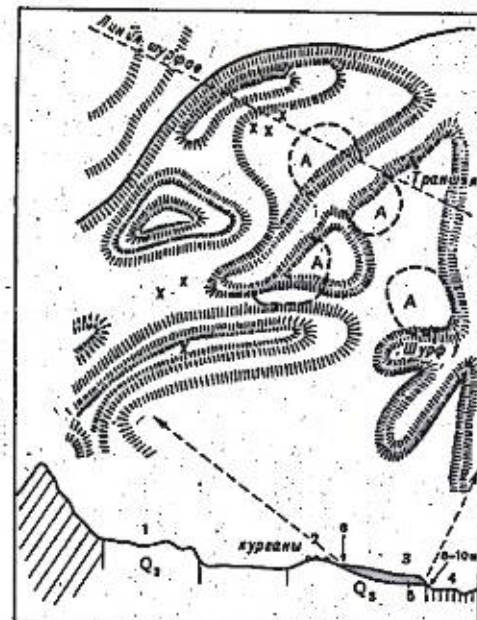
С точки зрения четвертичной геологии интересно, что кремь, найденный почти во всей толще лёссовидных суглинков Макони-Мор, датирует последние голоценовые времена, точнее — второй его половиной, если не самым концом. Это еще раз показывает, что в горных районах Средней Азии верхняя рыхлая часть отложений речных террас принадлежит покровным толщам¹.

Материалом для изготовления орудий на стоянке, служил кремь преимущественно светло-палевого или серого цвета, который, по-видимому, брался в коренном залегании, так как в основном орудия изготовлялись из плитчатых неокатанных обломков и в меньшей степени — из небольших желваков.

Общее число изделий каменного века, собранных в 1962 г., 416. Из них 16 (18%) — кремь с ретушью или следами работы, которые квалифици-

Рис. 15. Стоянка Макони-Мор

- а — план стоянки,
А — места интенсивного скопления кремня,
х — отдельные находки;
б — схематический профиль местности в районе стоянки Макони-Мор
1 — алжирная полоса;
2 — уровень расположения курганов;
3 — площадка поселения эпохи бронзы и более позднего времени;
4 — низкая терраса р. Кизыл-су;
5 — покровный суглинок;
6 — граница распространения обработанного кремня

руются как орудия. В инвентаре Макони-Мора выделены следующие группы: нуклеусы — 17; нуклеидные обломки, 20; пластины и обломки пластин с ретушью — 10; микропластинки с ретушью — 9; скребки — 6; выемчатые скребки (скобели) на пластинках и отщепках — 22; выемчатые скребки с шипами — 4; скребки с прямым лезвием — 16; долотовидные орудия — 4; ироколки и резцы — 5; пластины без ретуши — 20; отщепы — 80; осколки и обломки со следами преднамеренной обработки — 203.

Нуклеусы можно разделить на нуклеусы кругового ограничения (рис. 16, 1, 2), торцовые (рис. 16, 2), а также нуклеусы неправильной формы с беспорядочной огранкой и односторонние². Средняя длина 2,6 см. Самый крупный нуклеус — $3,6 \times 2 \times 1,6$ см, наиболее маленький — $1,8 \times 1,9 \times 1$ см. Нуклеусы имеют преимущественно неправильную форму, и среди них можно выделить только два призматических и два грубоконических. Все они с гладкими отбивными площадками, расположенными под прямым углом к рабочей поверхности, и скошенным основанием (иногда для этого употреблялась специальная подправка, но чаще основанием служила естественная грань обломка, из которого изготовлялся нуклеус).

Отщепы и осколки. Отщепы сравнительно небольшие (максимально $4,2 \times 2,8 \times 1$ см), преимущественно тонкие и легкие. Много осколков. Это обломки кремня различной формы, на поверхности которых имеются беспорядочно лежащие фасетки сколов.

Пластины сохранились в основном в обломках. Имеют как трапециевидное, так и треугольное сечения. Как правило, края пластинок выпуклые и неровные. Наиболее крупная пластина треугольного сечения, слегка изогнутая в профиле. Ее размеры: $5,2 \times 1,7 \times 0,6$ см (рис. 16, 5). Обычны тонкие узкие пластины длиной в 3,5—1,5 см. Часть пластин имеет ретушь.

Микропластинки. В эту группу выделены пластинки, длина которых в среднем не превышает 1,5 см. В основном это обломки (сечения?) пластинок. Примерно одна треть из них правильной огранки. 13 из 20 — треугольного сечения, 7 имеют на спинке две и более грани. Ретушь располагается по длинному краю пластинки (рис. 16, 9) или обрабатывает неглубокие выемки (рис. 16, 10). Она, как правило, приотстригающая, и только в двух случаях отмечена слегка затупливающая край ретушь.

¹ Ср.: Н. П. Костенко, В. А. Ранов, Н. В. Макарова. К вопросу об использовании археологических данных в целях стратиграфии четвертичных отложений, БКИЧП, 1969, № 36, стр. 81.

² К нуклеусам кругового ограничения отнесены и нуклеусы, имеющие фасетки только с трех сторон.

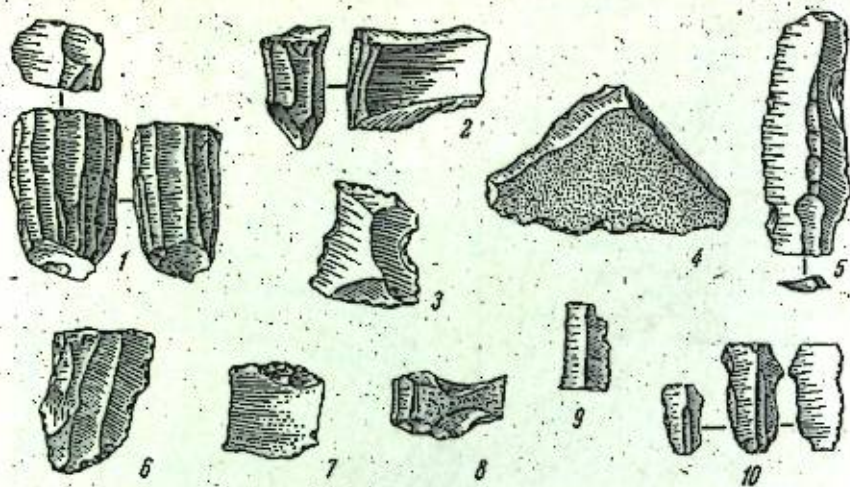

Рис. 16. Макони-Мор. Обработанный кремнь

Скребки. Все они изготовлены из отщепов. Рабочий край неровный, сравнительно небрежно обработанный (рис. 16, 4, 8). Всего в двух случаях отмечается тщательная ретушь. Наиболее многочисленная группа этих орудий — скребки с прямым лезвием — сделаны из отщепов и обломков случайной формы.

Выемчатые скребки (скобели). Очень выразительная группа орудий, изготовлена преимущественно из отщепов. Размеры выемок различны: от 1—1,5 см до очень маленьких — 0,5 см. Судя по забитости и расплюсченности края выемки, эти орудия, возможно, уже вторично использовались как отжимники. Иногда отмечается несколько выемок рядом. Между выемками образуется выступ — это орудия с выступами («шипями») (рис. 16, 3). Выемки отмечаются как с одной стороны пластины и отщепа, так и с двух (рис. 16, 6).

Долотовидные орудия. Небольшую группу составляют долотовидные орудия с чешуйчатой подтеской края, близкие по характеру обработки к палеолитическим *pièces écaillées* (рис. 16, 7). Все они сделаны из отщепов, в двух случаях нуклеидного характера. Лезвия прямые, слегка волнистые. Три из четырех двусторонние. Ретушь очень специфическая — мелкими чешуйками. Размеры наиболее крупного отщепа 3,3×2,1×0,9 см.

Проколки и резцы. Редкие находки. Как первые, так и вторые неустойчивых форм. Хорошо выражена проколка на крупном отщепе, лезвие которой, тщательно обработанное со всех сторон, сильно зашлифовано. Резцовые сколы имеют случайный характер.

Таковы основные группы изделий, собранных на стоянке Макони-Мор. Можно отметить три особенности, характеризующие кремневый инвентарь стоянки: 1) преобладание орудий на отщепах, число пластин вообще невелико — они занимают всего 10,5% ко всему числу находок в целом; 2) отсутствие орудий геометрических форм — подлинных микролитов; и 3) преимущественное распространение среди орудий скобелей.

Стоянка очень интересна по своему географическому положению. Она является самым восточным пунктом стоянок с кремневым инвентарем из многих сотен, расположенных по берегам Амударьи и ее притоков.

Входит ли Макони-Мор в группу памятников «гиссарского» типа? Инвентарь этой стоянки полностью лишен «гиссарского элемента»³, состав-

³ Об определении «гиссарского элемента» см.: Г. Ф. Коробкова, В. А. Ранов. Неолит горных районов Средней Азии (по раскопкам поселения Туткаул). «Проблемы археологии Средней Азии» (тезисы докладов). Л., 1968, стр. 19—20.

ляющего главную особенность этой культуры. Или же вдоль Амударьи кельтеминарские традиции просачивались глубоко в горы?

Рассматривая коллекцию Макони-Мора, нетрудно заметить, что при наличии отдельных моментов сходства среди описанного материала нет ведущих форм, свойственных памятникам кельтеминарской культуры. Прежде всего для кельтеминарских стоянок среднеазиатского междуречья характерно безусловное преобладание орудий на пластинах. Мы не видим также кельтеминарских наконечников стрел, вкладышей-пластин с затупленной спинкой, косых острий, скобелей с широкими выемками на пластинах и т. д. И, наоборот, для кельтеминара необычны долотовидные орудия, скобели на отщепах, торцовые нуклеусы⁴.

Наиболее близко расположенные стоянки с кремневым инвентарем, по-видимому, хронологически старше Макони-Мора.

Так, для стоянки Чиль-Чор-Чашма у Шаартуза, которая датируется VI—V тысячелетиями до н. э., характерны применение затупляющей ретуши на пластинах и остриях и наличие микролитов геометрической формы — трапеций, прямоугольников, сегментов⁵. Как установили раскопки в Туткауле, кроме трапеции все остальные элементы не свойственны собственно гиссарским памятникам.

Сейчас трудно сопоставить Макони-Мор со слоями неолита из раскопок в Ак-Купруке (Гори-Мор), характеристика индустрии которых пока приведена лишь предварительно. Можно отметить, что в афганском памятнике среди кремневого инвентаря зафиксированы вкладыши для серпов, концевые скребки, пластинки с затупленной спинкой, не характерные для Макони-Мора. Дата бескерамического неолита 8650±100 лет, следующего неолитического слоя с керамикой — 7220±100⁶.

Больше точек соприкосновения можно обнаружить с материалами из памятников IV—V тысячелетия до н. э., принадлежащих «гиссарской культуре». В Куй-Бульене и Туткауле отмечено сочетание типично «гиссарских» орудий, изготовленных из расколотых галек или крупных отщепов, сколотых с галечных нуклеусов, с кремневым инвентарем. Как в Куй-Бульене, так и в Макони-Море среди обработанного кремня наиболее распространены выемчатые скребла на пластинах и отщепах⁷. Свойственны памятникам гиссарской культуры торцовые нуклеусы, отчасти и микропластинки с приотстриженной ретушью. Среди тысяч заготовок из Туткаула совершенно нет пластинок с затупленной спинкой, не характерны для гиссарской культуры и концевые скребки.

Что же касается датировки стоянки Макони-Мор, то следует обратить внимание на тот факт, что орудия типа *pièce écaillée* в Туткауле встречаются только в верхней части второго горизонта (7100±140 лет), и не свойственны более ранним слоям.

Если приведенные соображения в процессе дальнейших исследований подтвердятся, то мы получим, наконец, объяснение загадочному пока существованию на территории, занятой гиссарскими поселениями, отдельных стоянок с кремневым инвентарем (Биби-Хурум, Тогузак, Макони-Мор и др.). Два типа стоянок могут появиться в результате существования различных форм хозяйства одних и тех же племен в VI—V тысячелетиях до н. э. — скотоводческо-земледельческого в долинах Яхсу, Вахша, Кафирнигана и временных охотничьих лагерей в долине Пянджа — Амударьи.

⁴ Ср.: А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968.

⁵ А. П. Окладников. Исследования памятников каменного века Таджикистана. МИА, № 66, 1958, стр. 58. В результате новых исследований в Туткауле, возраст стоянки Чиль-Чор-Чашма может быть несколько удвоен.

⁶ L. Dupree. The Prehistoria Period of Afghanistan. «Afghanistan», vol. XX, N 3, p. 22—24.

⁷ А. П. Окладников. Исследования памятников каменного века на юге Таджикистана в 1958 г. «ТИИАН Тадж. ССР», т. XXVII, 1961, стр. 5—6.

Н. Д. ПРАСЛОВ, Н. З. НАСТЮКОВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ
ЗАПАДНОГО ЧИНКА УСТЮРТА

Плато Устюрт, расположенное в пустынной зоне между Каспийским и Аральским морями, из-за крайне неблагоприятных природных условий является, пожалуй, наименее изученным в археологическом отношении районом Средней Азии. Большая часть находок, известных с территории плато, собрана при случайных обстоятельствах геологами, зоологами и географами. Уже это одно указывает на то, что Устюрт богат археологическими памятниками. И тем не менее специальных археологических работ здесь практически не проводилось. Исключение составляют работы одного из отрядов Хорезмской экспедиции, обследовавшего средневековый караванный путь от Нижней Волги до Хорезма в 1950 г.¹, и работы небольшого разведывательного отряда Кара-калпакского филиала АН Узбекской ССР в Приаралье в 1963—1964 гг.²

По данным А. В. Виноградова, опубликовавшего недавно наиболее полную сводку о неолите Устюрта, сейчас там известно около 60 местонахождений, доставивших коллекции каменных орудий³. Большая часть местонахождений сосредоточена на восточной и на юго-западной окраинах плато, значительно меньше их в центре плато и на западном чинке.

Ранней весной и поздней осенью 1970 г. одним из авторов настоящего сообщения (Н. З. Настюковым) был совершен проезд западного чинка Устюрта с палеозоологическими целями. Во время этого маршрута было открыто восемь новых пунктов археологических находок, представленных исключительно расщепленным и обработанным кремнем. На всех пунктах произведены сборы без какой-либо сортировки и выбора. Керамика не встречена. Комплексы находок производят впечатление целостных и хорошо сопоставляются с памятниками эпохи мезолита и неолита, характерными для всего Восточного Прикаспия, включая и плато Устюрт. Введение их в научный оборот, хотя бы в предварительном плане, представляется целесообразным, так как эти пункты размещаются между микролитическими памятниками Прикарабугазья⁴ и памятниками Северо-Восточного Прикаспия⁵. Они позволяют более убедительно рассматривать

¹ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР 1950 г. СА XVIII 1953, стр. 304—306.

² Е. Бижанов, А. В. Виноградов. Неолитические памятники Кара-калпакского Устюрта. «Вестник ККФАН Узбекской ССР», 1965, № 2, стр. 46—57; № 3, стр. 63—70.

³ А. В. Виноградов. Неолит Устюрта. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 64—75.

⁴ Г. Ф. Коробкова, А. Я. Крижевская, А. М. Мандельштам. К вопросу о неолите Прикаспия. «История, археология и этнография Средней Азии», стр. 53—63; Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, № 158, 1969, стр. 81—92.

⁵ Н. Д. Праслов, Г. Б. Постников, Е. В. Ротшильд. Новые памятники с микролитическим инвентарем в Северо-Восточном Прикаспии. КСИА, вып. 117, 1969, стр. 54—60.

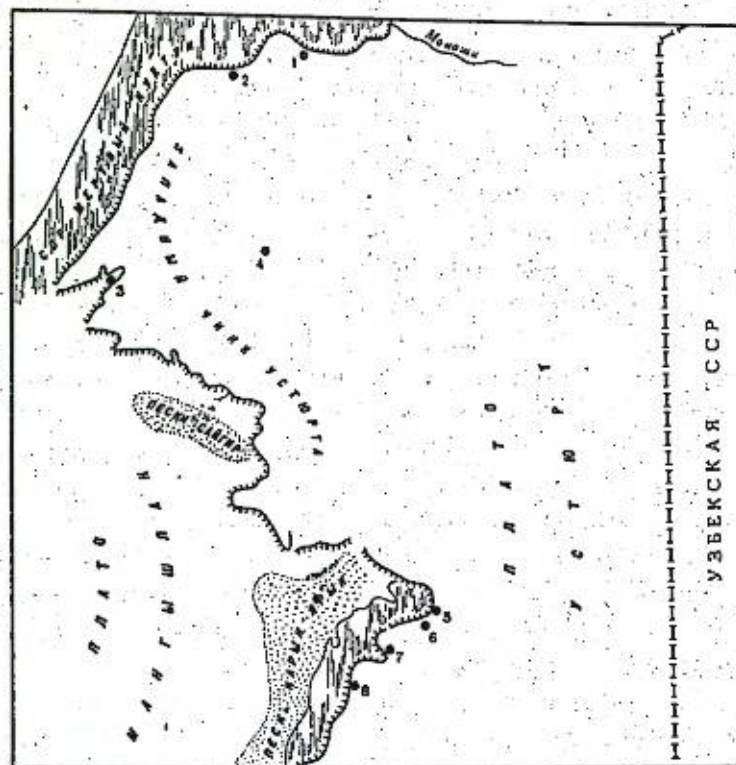

Рис. 17. Схема новых местонахождений каменного века на западном чинке Устюрта

1 — Акбулак; 2 — Мертвый Кулук; 3 — Сай-Утег; 4 — Бешширай; 5 — Когусем I; 6 — Когусем II; 7 — Кендеран; 8 — Карми-кряк

проблему расчленения огромного пласта с микролитическим инвентарем, характерного для всей Средней Азии, на отдельные культуры и их локальные варианты⁶.

На все вновь открытые памятники на западном чинке Устюрта (рис. 17) представлены разнозначными коллекциями, но почти все они доставили материал, достаточный для характеристики.

Самым северным пунктом находок в пределах исследованного района является местонахождение, условно названное Акбулак. Оно расположено на краю плато, поблизости от обрыва чинка, в 2—3 км западнее урочища Акбулак, примерно в 40 км на северо-восток от развалин форта Новоалександровский. Здесь на небольшой ограниченной площади собрано около 80 расщепленных и обработанных кремней. Из них только один — сильно сработанный призматический нуклеус длиной 3,5 см и толщиной 1,2 см. С этого нуклеуса скалывались правильные призматические пластиночки такого же типа, как и представленные в коллекции. Около 20 изделий имеют вторичную обработку и относятся к категории орудий. Наиболее выразительны группа разнотипных скребков, состоящая из 5 экз., и группа сечений пластин с различной ретушью по краям. Среди скребков особенно следует отметить 1 концевой на обломке широкой пластины с

⁶ А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 49—58; он же. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 141—147; А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968; Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство...; она же. Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии. КСИА, вып. 122, 1970, стр. 21—26.

прямым лезвием и 1 концевой со слегка выпуклым лезвием по поперечному краю (рис. 18, 27). Боковые края у последнего срезаны первобытным мастером крутой ретушью со стороны брюшка, что давало новые лезвия для иных функций и ограничивало ширину скребка. Судя по публикациям, скребки такого типа, иногда, правда, с более тонкой ретушью по боковым краям со стороны брюшка, отмечены в неолите южных и восточных районов Устюрта⁷. Остальные скребки с выпуклым дугообразным лезвием изготовлены на отщепках (2 экз.) и на конце обломанной широкой пластины (1 экз.)

Остальные орудия представлены 1 обломком рабочего конца сверла, 1 трапециевидным сечением пластины с обработкой тонкой ретушью верхнего края и серией сечений толстых пластинок с тонкой и крутой ретушью по краям. Отмечается противолежащая ретушь (рис. 18, 26) и грубая крутая ретушь на поперечных сечениях пластин (рис. 18, 23, 25). Последнее наряду с крутой ретушью краев сечений толстых пластин является особенностью данного памятника.

Среди отбросов производства (64 экз.) преобладают отщепы. Пластин значительно меньше, и представлены они небольшими, сравнительно массивными сечениями, близкими тем, которые несут на себе вторичную обработку. Тонких, узких, правильных призматических пластин, столь характерных для других районов Средней Азии и даже для других памятников на западном чинке Устюрта, здесь нет, как нет их и в ближайшем соседнем памятнике, условно названном Мертвый Култук (рис. 17, 2).

Для этого памятника трудно подобрать иное название. Он расположен в безымянной местности на краю чинка, примерно в 15—18 км северо-восточнее развалин форта Новоалександровский. Обработанные и расщепленные кремни собраны на поверхности щебнисто-глинистого грунта с обнажением плотных известняков на площади около 1000 кв. м на правом берегу глубокого оврага с крутыми обрывистыми склонами. Рельеф у берега чинка слегка всхолмленный, а чуть дальше от берега начинается унылая глинистая равнина плато Устюрт.

На Мертвом Култуке собран 101 кремь. Из них 29 имеют вторичную обработку, остальные (62 экз.) представлены отбросами производства. Как указано выше, в коллекции почти нет правильных, узких, тонких пластинок. Это наложило отпечаток и на формы орудий.

Почти треть орудий представлена разнотипными скребками. Среди 10 экземпляров нет похожих друг на друга (рис. 18, 21—22). Здесь есть скребки и на небольших правильных отщепках, и на толстых обломках кремня, и на концах широких пластин. Несколько экземпляров имеют суженные лезвия и один — зубчатое.

Другие формы орудий представлены 2 обломками пластин с притупленным краем, 2 обломками сверл или острий, удлиненных, узких, с крутой ретушью по краям (рис. 18, 16—18), 1 долотовидным орудием и серией сечений пластин с противолежащей ретушью (рис. 18, 19). Некоторые из них расщечены искусственно и по поперечным концам отретушированы (рис. 18, 20).

В отбросах производства пластин почти нет — только небольшие отщепы случайных очертаний. Такому облику отбросов производства полностью соответствует единственный сильно сработанный нуклеус, который, скорее, можно отнести к шаровидным, чем к призматическим. По этим признакам, т. е. по технике расщепления, Мертвый Култук аналогичен Акбулаку. Но набор орудий у них, за исключением усеченных пластин, различен.

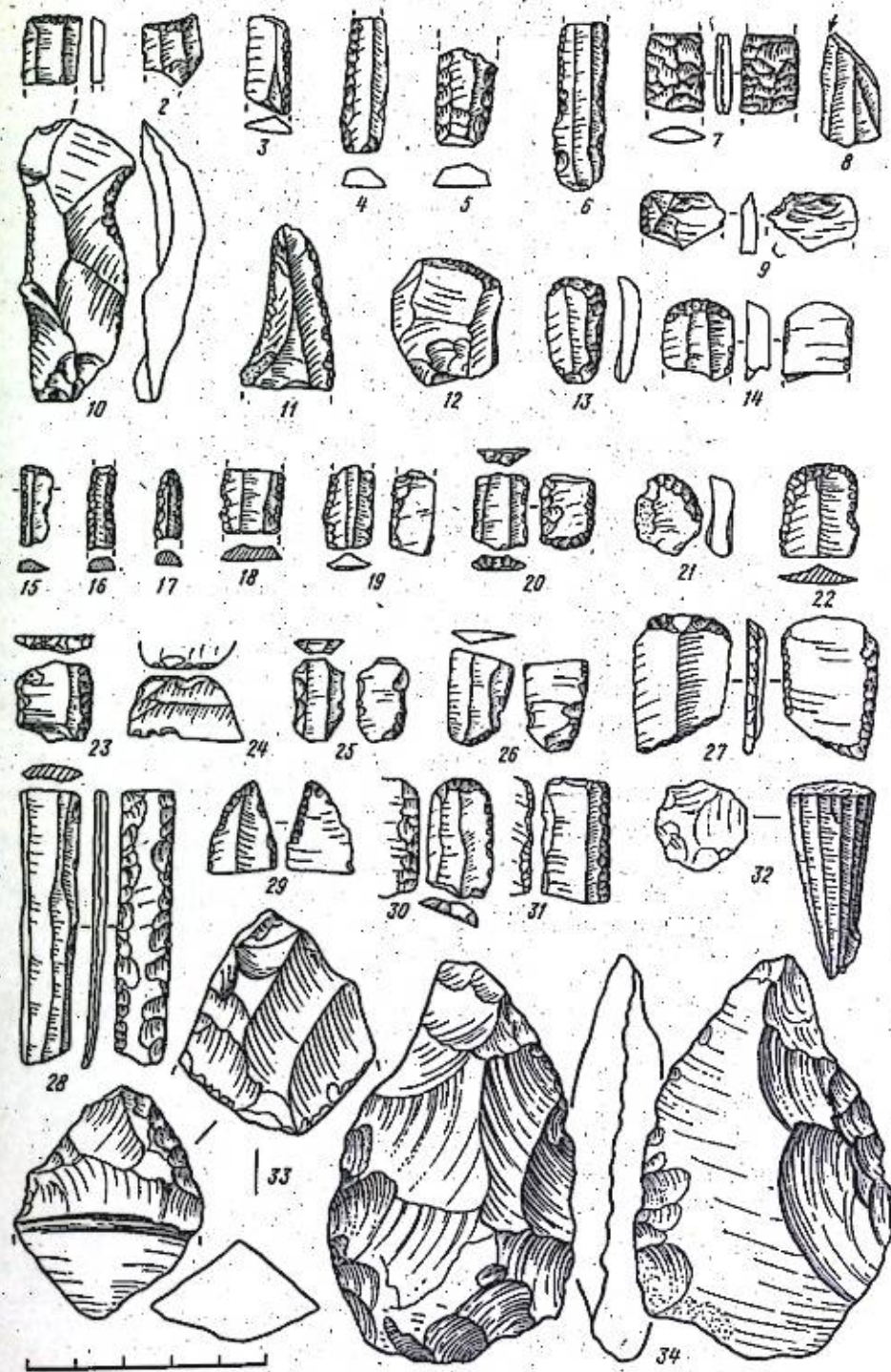

Рис. 18. Западный чинк Устюрта. Каменные изделия

1—14 — Сай-Утег; 15—22 — Мертвый Култук; 23—27 — Акбулак; 28—31 — Коргусем I; 32 — Бесшмрау; 33—34 — Карши-ярлик

⁷ «Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 3. М., 1960, стр. 226—233; А. В. Виноградов. Неолит Устюрта..., стр. 68, рис. 3, 23.

Иной облик инвентаря наблюдается в местонахождениях Сай-Утес и Бешимрау.

Местонахождение Сай-Утес расположено на левом берегу глубокого сай-утесского оврага, примерно в 1—2 км к западу от станции Сай-Утес. Здесь с площади около 1 кв. км собрано 250 экз. расщепленного и обработанного кремня. Большинство изделий (226 экз.) изготовлены из серого «устюртского» кремня. Они равномерно покрыты серовато-беловатой патиной и составляют единый комплекс. Выделяется второй комплекс из 24 кремней другой, более темной окраски, иногда с легким розовато-коричневым оттенком. Они не патинизированы и, по-видимому, являются более поздними. Ретушь на них небрежная, что сближает данный комплекс с местонахождениями Акбулак и Мертвый Култук.

В первом, более архаичном комплексе преобладает четко выраженная пластинчатая техника расщепления. В коллекции насчитывается около 50% пластин. Они узкие, удлиненные, правильных прямоугольных очертаний и тонкие в сечении. Некоторые из них достигают в длину 6,5 см при ширине в 1,7 см. Имеющиеся обломки нуклеусов несут на себе негативы скалывания таких же правильных пластинок.

Примерно пятая часть изделий имеет вторичную обработку. Среди них выделяется группа концевых скребков, обломок двусторонне обработанного наконечника, *pièces écaillées*, выемчатые скобели и серия ретушированных пластинок.

Все 5 скребков разнотипны: 2 изготовлены на концах широких отщепов (рис. 18, 12), 1 на конце обломанной правильной пластины (рис. 18, 14) и 2 на пластинчатых отщепках (рис. 18, 13). Последние очень большими сериями представлены на северо-востоке Прикаспия в неолите Бекбеке I и ряда других однокультурных памятников⁸. Такие же скребки имеются и в материалах нижних слоев Джебела, особенно в слое Va⁹.

Значительной серией представлены орудия на пластинах. Имеется 1 обломок пластины с прямо срезанным поперечным концом (рис. 18, 1), 1 обломок такой же пластинки с вогнутым поперечным концом (рис. 18, 2). Оба этих предмета по типу обработки концов близки к геометрическим формам — прямоугольникам и асимметричным трапециям, представленным хорошей серией в пятом слое Джебела. Возможно, они и являются обломками геометрических форм. Несколько экземпляров пластин имеют ретушь по одному или по обоим краям. Ретушь, как правило, крутая, при-тупляющая (рис. 18, 3—4). Отдельные обломки ретушированных пластин напоминают обломки острий бекбекинского типа в Северо-Восточном Прикаспии.

Выемчатые скобели представлены как на узких удлиненных пластинках джейтунского типа, так и на отщепках (рис. 18, 10—11).

Каменная индустрия Сай-Утеса в целом производит впечатление довольно архаичной по сравнению с преобладающей массой неолитических памятников Устюрта. Охарактеризованные типы орудий, составляющие единый комплекс, характерны для мезолита или раннего неолита Прикаспия¹⁰. Что касается единственного обломка двусторонне обработанного наконечника (рис. 18, 7), то нам представляется, что он не является случайным в коллекции. Обычно их присутствие рассматривают как позднюю примесь, датировка которой древнее III тысячелетия до н. э. невозможно¹¹. Такое отношение к двусторонне обработанным наконечникам вряд

ли можно считать правильным. Уже одно наличие обломка такого наконечника в слое Va Джебела¹² указывает на то, что они появляются ранее IV тысячелетия до н. э.

Близкую аналогию находкам из Сай-Утеса представляют изделия из Бешимрау, которые расположены примерно в 50 км к востоку от Сай-Утеса, в глубине плато, у небольшой котловины с колодцами. 86 кремневых изделий собраны на площади около 200 кв. м на западном берегу котловины. Кремень здесь употреблялся точно такой же, как и в Сай-Утесе, — светло-серый «устюртский». Собранная коллекция состоит из 1 карандашевидного нуклеуса с выровненной ударной площадкой по всему кругу (рис. 18, 32), 1 резца на углу сломанной удлиненной пластины, 1 обломка основания ретушированной по обоим краям пластины, 1 скола с края площадки нуклеуса, 31 пластиночки и 51 отщеп. На этом местонахождении необходимы дополнительные работы с постановкой шурфов.

Возможно, что близкие Сай-Утесу и Бешимрау материалы обнаружены в 1948 г. в урочище Моната, примерно в 25 км к югу от Сай-Утеса¹³. К сожалению, по публикации Т. Н. Сениговой, нельзя установить, какие предметы происходят из Монаты, а какие из Кызылкумов — на таблице и в тексте они помещены без расчленения.

К югу от Сай-Утеса береговые обрывы чинка становятся еще выше. Особенно высоки они близ урочища Когусем, где чинк более чем на 250 м возвышается над котловиной Карыи-ярык. С этого участка чинка отдельные находки обработанного кремня известны давно. Но, по сведениям А. В. Виноградова, сохранились коллекции только из урочища Кендерли. Находки из Когусема, по-видимому, утрачены. Тем больший интерес представляют сборы 1970 г. в двух пунктах в районе Когусема — Когусем I и Когусем II.

Местонахождение Когусем I расположено на краю чинка, примерно в 1—2 км к югу от Когусема и в 500 м к западу от позднего кладбища. Расщепленные и обработанные кремни (428 экз.) собраны на склоне между дорогой и чинком на площади около 1 кв. км на участке примерно 100×100 м. Здесь использовался кремень несколько иного типа — светло-серый с коричневато-розоватым оттенком. Такой кремень характерен для большинства местонахождений северо-запада Туркмении¹⁴. Большинство кремней покрыто легкой патиной. Встречаются кремни, побывавшие в огне (11 экз.). Примерно четверть кремней имеет вторичную обработку (112 экз.). Пластины здесь грубее, чем в Сай-Утесе, но процент их достаточно высок — 138 пластин на 168 отщепов.

Имеющиеся в коллекции 2 целых и 4 обломка нуклеусов несут на себе негативы скалывания очень узких правильных пластинок длиной в 2,5—3 см. Причем на малосработанном нуклеусе хорошо видно, что его сознательно укоротили, чтобы снятые заготовки не превышали необходимой длины. По приемам снятия заготовок нуклеусы близки карандашевидным формам, однако короче их. В двух случаях в нуклеусы превращены массивные отщепы. Ширина негативов на них 4—5 мм.

В коллекции много сечений пластинок, соответствующих негативам на нуклеусах. Часть из них имеет по краям противоположащую тонкую ретушь. Выделяется также серия сечений относительно широких пластин длиной 2,5 см при ширине 1,4 см. Они тоже обработаны противоположащей ретушью (рис. 18, 31) и служили, по-видимому, вкладышами пожей или серпов. Особенно выразительна единственная пластина длиной

⁸ Н. Д. Праслов, Г. Б. Постников, Е. В. Ротшильд. Указ. соч., стр. 56.

⁹ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. «Труды ЮТАКЭ», т. 7, Ашхабад, 1956, стр. 129—154.

¹⁰ Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство..., стр. 92.

¹¹ А. В. Виноградов, В. В. Шолохов. Новые данные о неолите Западной Туркмении. «Каракумские древности», вып. III, Ашхабад, 1970, стр. 242.

¹² А. П. Окладников. Указ. соч., стр. 146.

¹³ Т. Н. Сенигова. Находки кремня в западных районах чинка Усть-Урта и в Приаральских Кызылкумах, «Известия АН Казахской ССР», 1951, серия археологическая, вып. 3, стр. 122—123.

¹⁴ А. В. Виноградов. Неолит Устюрта..., стр. 75.

5,5 см при ширине 1 см, обработанная по обоим краям со стороны брюшка (рис. 18, 28). Подобные пластины в значительном числе известны на местонахождении Агиспе близ Малых Барсуков¹⁵, а также в Калмыкии. Скрепки представлены 5 экземплярами с суженными выпуклыми лезвиями. Один из них — с противоположающей ретушью по продольным краям (рис. 18, 30). Возможно, он употреблялся в качестве вкладыша, на что указывает отчетливая заполированность его левого края, обработанного плоской ретушью на брюшке. Из других орудий можно отметить только обломок кремневого отжимника.

Когусем II, расположенный в 12 км к юго-западу от Когусема I, на холме с развалинами могил и пунктом триангуляции, примерно в 150 м от берега чинка, внимательно не осматривался. Собранные здесь около двух десятков кремней аналогичны находкам из Когусема I.

Глубокий, широко разветвленный овраг Кендерли также внимательно не осматривался. Здесь на одном из участков собрано 30 изделий, среди которых 5 пластинок с ретушированными краями. Возможно, что это местонахождение известно А. В. Виноградову¹⁶.

Совершенно другой тип каменной индустрии доставило местонахождение на берегу чинка в районе песков Карын-ярык, в 42 км на северо-восток от спуска Кызылсай. Здесь на площади примерно 50 × 40 м собрано около 500 экз. расщепленного и обработанного кремня. В основном это грубые отщепы с массивными ударными площадками, напоминающие мустьерские. Много отщепов имеет зубчатую ретушь. Вместе с тем здесь встречено несколько грубых пластин, снятых с призматических нуклеусов, обломки которых, кстати, тоже имеются в коллекции. Последние совершенно неотличимы от «архаичной» части инвентаря. По-видимому, коллекция одновременна. Исключение, пожалуй, составляет единственный частичный бифас на отщепе (рис. 18, 34), покрытый сероватой патиной. Возможно, он относится к мустьерскому времени, а может быть, наряду с другими двусторонними формами, которые вряд ли можно отнести к мустьерской эпохе (рис. 18, 33), датируется более поздним временем. Среди орудий имеется несколько обломков двусторонне обработанных форм и один целый листовидный наконечник. В неолите Средней Азии такие орудия неизвестны. Все это затрудняет интерпретацию данного местонахождения.

Итак, новые материалы, полученные на западном чинке, позволяют говорить о том, что плато Устюрт в каменном веке было освоено довольно широко. Очевидно, природные условия в эпоху мезолита — неолита были более благоприятными, чем теперь. На это совершенно справедливо обратил внимание А. В. Виноградов. Как видно по охарактеризованным выше материалам, между памятниками наблюдаются довольно значительные различия, которые вряд ли могут быть объяснены только хронологической разницей — нескольких тысячелетий недостаточно для того, чтобы полностью изменить традиции в обработке камня. По-видимому, здесь налицо сосуществование разных технических традиций, а следовательно, и культур. Положения Г. Ф. Коробковой о существовании различных культур в эпоху мезолита — неолита на территории Восточного Прикаспия¹⁷ нам кажутся убедительными. Неолит Устюрта также представлен разными культурами. Но для того чтобы их выявить и убедительно обосновать, необходимы дополнительные специальные археологические работы. Только на сборах других специалистов такие вопросы решать трудно.

¹⁵ А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 50—51.

¹⁶ А. В. Виноградов. Неолит Устюрта..., стр. 65.

¹⁷ Г. Ф. Коробкова. Проблема культур и локальных вариантов мезолита и неолита Средней Азии. КСИА, вып. 122, 1970, стр. 21—26.

Г. Н. МАТЮШИН

МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ МЫСОВОЕ НА ОЗ. КАРАБАЛЫКТЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Несмотря на обилие памятников каменного века на Урале и довольно длительную историю их изучения, мы далеки еще от решения многих проблем каменного века Урала. Так, до сих пор здесь неизвестны раннепалеолитические памятники, довольно бедны и невыразительны местонахождения среднего палеолита, недостаточно изучены и позднепалеолитические памятники. Проблемой в изучении мезолита и неолита является относительная хронология памятников. В связи с малой мощностью четвертичных отложений на Южном Урале и в Зауралье инвентарь разновременных памятников довольно часто залегает стратиграфически в трудно расчленимых условиях, а иногда и прямо на поверхности в смешанном состоянии.

Оз. Карабалыкты (Линевое) находится в 40 км западнее Магнитогорска на территории Абзелиловского р-на Башкирской АССР. Берега этого сравнительно небольшого озера (всего 2—3 км в диаметре), судя по обилию на них стоянок палеолита, мезолита и неолита, были густо заселены в каменном веке. Здесь обнаружено более 20 поселений каменного века.

Одним из наиболее богатых памятников каменного века на оз. Карабалыкты является поселение Мысовое, оно многослойное в отличие от других стоянок этого микрорайона.

Памятник расположен на западном берегу оз. Карабалыкты (Абзелиловский район Башкирской АССР) на краю четко выраженного мыса (рис. 19). Оконечность мыса представляет собой небольшую возвышенность, сложенную туфовыми породами, максимальная высота ее от современного уровня озера 12—14 м. С трех сторон мыс довольно круто спускается в воду, открывая туфогенные породы, которыми он сложен с четвертой; более пологий склон отделяет мыс от окружающего его с северо-западной и западной сторон болотистой низины. Три небольших всхолмления на возвышенности полуострова образуют две относительно широкие ложбинки, вытянутые в меридиональном направлении по 35—40 м (ширина их 20—25 м). С юга ложбинки имеют относительно пологий выход к воде, с севера круче спускаются к современному болотцу. С запада и с востока (со стороны озера) ложбинки защищены небольшими всхолмлениями, с севера — небольшим болотцем они отделены от другой возвышенности (со стоянкой Карабалыкты VI). Высота ложбинок от современного уровня озера 4—6 и 6—8 м (рис. 19, а). Вершинки возвышенности, между которыми лежат памятники¹, представляют собой неровные выходы скальных пород. Слой четвертичных отложений здесь максимально

¹ Местное население такие небольшие седловинки в середине возвышенности называет «урта-тубе», что в переводе означает «середина вершины».

Рис. 19. Планы (а, б) и профили (в) многослойного поселения Мысовое (Карабалыкты VII)

а — общий план поселения (горизонталы через 2 м)

1 — раскоп 1;

II — раскоп 2

1 — раскопки 1962—1965 гг.;

2 — раскопки 1966 г.;

3 — раскопки 1967 г.;

4 — раскопки 1968 г.;

5 — береговой вал;

6 — план раскопа 1.

Пунктиром обозначены границы жилища № 1.

Цифрами обозначены места скопления орудий и керамики

1 — профили раскопа I

1 — дерн и гумус;

2 — гумусированный суглинок (неолитический слой);

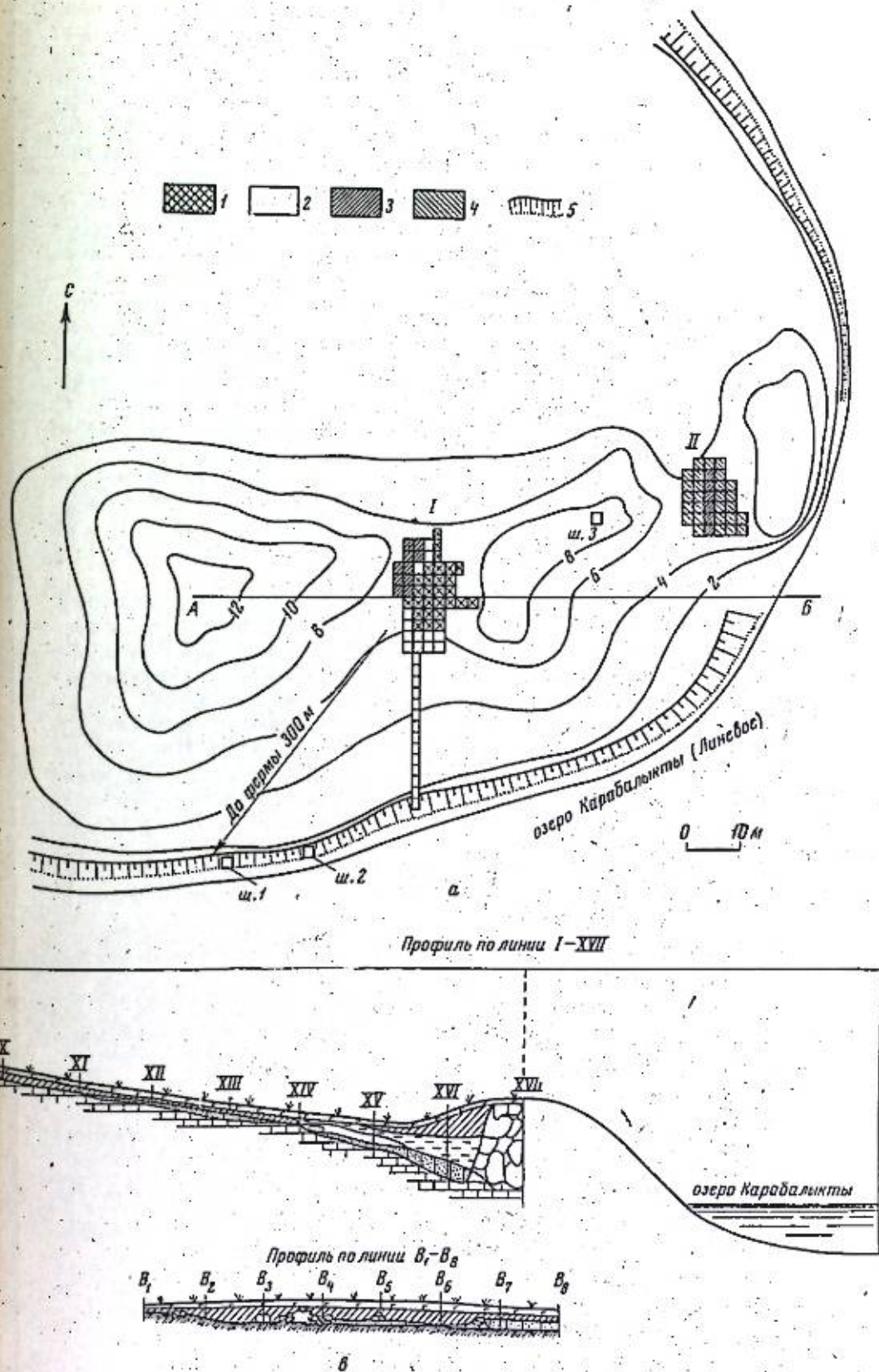
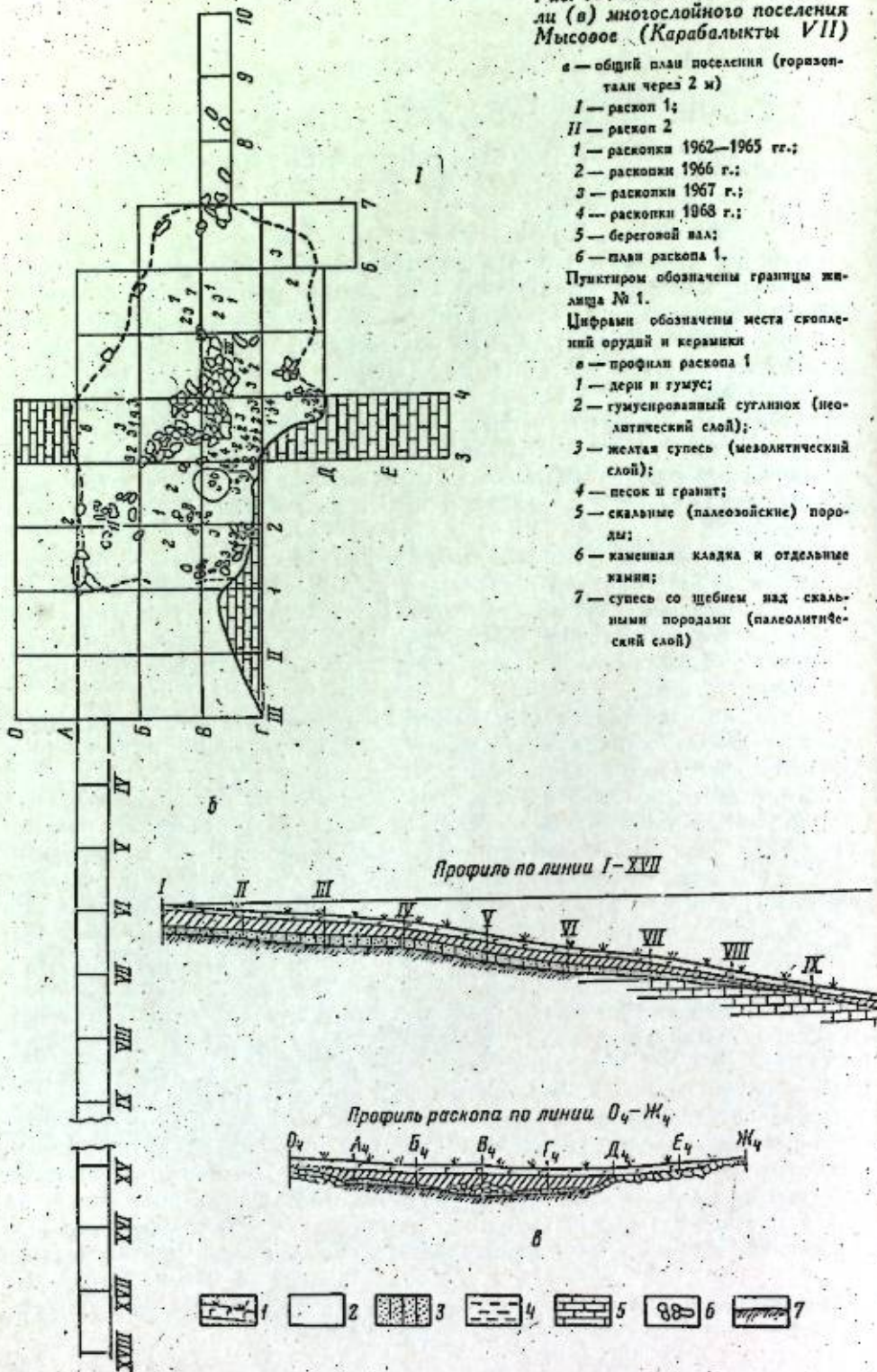
3 — желтая супесь (мезолитический слой);

4 — песок и гранит;

5 — скальные (палеозойские) породы;

6 — каменная кладка и отдельные камни;

7 — супесь со щебнем над скальными породами (палеолитический слой)

10—15 см толщиной. Культурные остатки, как правило, отсутствуют. В ложбинках же накопился более значительный слой суглинка, супеси и гумуса, в которых и располагаются материалы каменного века. Более высокая и удаленная от края мыса ложбинка (рис. 19, I) содержала до 1,5 м четвертичных отложений с культурными остатками эпохи мустье, мезолита, раннего и позднего неолита; ложбинка на краю мыса (раскоп II) сохранила остатки однослойного позднеолитического поселения. Слой четвертичных отложений не превышал здесь 0,4 м (рис. 19, II).

Памятник открыт разведкой автора статьи в 1961 г.² В 1962—1968 гг. здесь было вскрыто в общей сложности 342 кв. м³. Собрано во время раскопок 43 650 находок, из них 42 076 экземпляров изделий из яшмы и кремня и 1325 фрагментов керамики.

Стратиграфически находки распределялись следующим образом: сверху в гумусе и гумусированном суглинке до глубины 0,4—0,9 м последовательно залегают слои позднего и раннего (или развитого) неолита (рис. 19, в, 1, 2). Под ними в тонкой прослойке желтой супеси и светлого суглинка располагались микролитические материалы мезолитического облика. Мезолитический слой прослеживался пятнами преимущественно в центре первой ложбинки и выклинивался к ее краям (рис. 19, в, 3). В нижних горизонтах желтой супеси, местами прямо под мезолитическим слоем, без каких-либо стерильных прослоек залегают материалы мустьерского облика. Глубина их залегания 0,9—1,5 м. Под слоем палеолитического времени лежал щебень — продукт выветривания скальных пород и скальные выходы эффузивных пород.

Материалы палеолитического слоя выделялись прежде всего патиной. Ни мезолитические, ни неолитические изделия из камня патины не имеют. Находок в палеолитическом слое сравнительно немного — всего около 50 экземпляров. Но среди них отсутствуют отходы производства. Все изделия палеолитического типа представлены орудиями четко выраженной формы (рис. 20). Большую их часть составляют остроконечники, скребла и рубила. Аналогичны им довольно широки, начиная с инвентаря Сент-Ашель (слой — белый песок)⁴, типичной индустрии развитого мустье Франции⁵ и сравнительно недавних находок Люмлея на стоянках в Сан Франческо (Сан Ремо), грот Турна (Од)⁶, грот дель Армо⁷, Пьетра Лигуре⁸, пещера дель Фате⁹, стоянок, исследованных Л. Цотцем и Г. Фрейнд в ФРГ¹⁰, и кончая материалами с территории нашей страны, включая известные находки из Кударо¹¹, Луки Врублевецкой¹², Яштуха¹³, Гвард¹⁴,

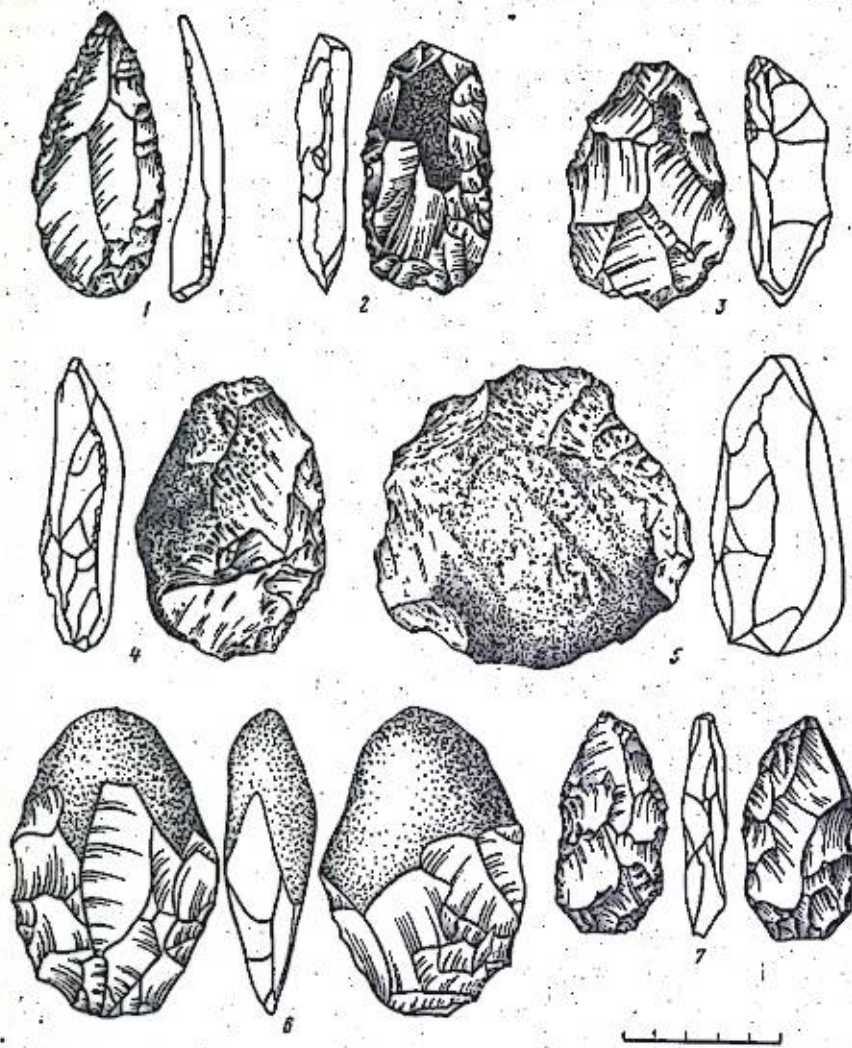

Рис. 20. Мысовос. Изделия из камня палеолитического слоя

Ачигвары¹⁵, Сатани-Дар и Кинк-Кобы и многих других памятников раннего и среднего палеолита.

Обращает на себя внимание присутствие четко выраженных рубил ашельского типа (рис. 20, 5, 6). Одно из них изготовлено на конце овальной гальки (рис. 20, 6). В нижней части орудие сохраняет необработанный участок, образующий массивную пятку. На противоположном конце его — грубое зигзагообразное лезвие, образованное рядом крупных сколов. Близкие по типу орудия известны в шельско-ашельском комплексе Яштуха¹⁶. Однако вряд ли можно в целом отнести комплекс орудий нижнего слоя Мысового к ашелю. Преобладание орудий на пластинах левалуазского типа (рис. 20, 7) свидетельствует, что здесь мы имеем дело с комплексом мустье с ашельской традицией. Казалось бы, наиболее близкий территориально памятник мустьерского типа — грот Тешик-Таш¹⁷ — дол-

² Г. Н. Матюшин. Отчет о работе Зауральского отряда 1961 г. Архив ИА, ф. Р. 1, д. 2301, с. 7.

³ Г. Н. Матюшин. Новые данные по мезолиту, неолиту и энеолиту Южного Урала. АО 1965 г. М., 1966, стр. 53; он же. Исследование памятников каменного века на Южном Урале. АО 1966 г. М., 1967, стр. 107; он же. Южноуральская экспедиция. АО 1968 г. М., 1969, в соавторстве с С. В. Ошибкиной, В. С. Стоколосом и Э. А. Федоровой-Давыдовой.

⁴ М. М. Герасимов. Люди каменного века. М., 1964, стр. 41, табл. 10.

⁵ Там же, стр. 53, табл. 1, 11.

⁶ H. de Lumley, G. Iselti. Le moustérien à denticulés tardif de la station de San Francesco (San Remo) et de la Grotte Tournac (Aude). Cahiers Ligures de Préhistoire et d'Archeologie, 1965.

⁷ Y. Iselti, H. Lumley, S. Mishkovsky. Il giacimento musteriano della gratta del Arma. Bordeghera, 1962, fig. 76, 4; 82, 5.

⁸ C. Iselti, H. Lumley. Osservazione sulla sottrazione paleolitica di Pietro Ligur. Bordeghera, 1962, fig. 41.

⁹ C. Iselti, H. Lumley. L'industria litica della caverna dell Fate. Bordeghera, 1962, fig. 6.

¹⁰ В. П. Любин. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. МИА, № 131, 1965, рис. 15, 5—9.

¹¹ Там же, рис. 16.

¹² П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953, рис. 13—14, 16.

¹³ С. Н. Замятин. Очерки по палеолиту. М.—Л., 1961, табл. V, 4; XVI.

¹⁴ Там же, табл. XXVIII, 1.

¹⁵ Там же, табл. XXXVIII; XXXIX, 1.

¹⁶ Там же, табл. X, 1.

¹⁷ А. П. Окладников. Исследование палеолитической пещеры Тешик-Таш. «Труды Узбекского филиала АН СССР, серия 1, вып. 1940; «Тешик-Таш. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш». «Труды Ин-та антропологии МГУ», 1949.

жен иметь больше всего сходства с нашими материалами. Но в Тешикташе отсутствуют типичные для нижнего слоя Мысового рубила и имеются конические нуклеусы, отсутствующие в Мысовом. Все это заставляет допускать более ранний возраст мустьерского комплекса Мысового.

Установление возраста и культурной принадлежности инвентаря палеолитического слоя Мысового дело будущего. В данной предварительной и очень ограниченной объеме публикации мы только обращаем внимание на своеобразие этого комплекса и его типологическую близость к раннепалеолитическим и мустьерским памятникам Евразии. Любопытно отметить, что подобное же сочетание рубил, скребел и остроконечников встречено в пещере Схул¹⁸, однако это не означает, что мы пытаемся провести какие-то связи с комплексами раннепалеолитических памятников Ближнего Востока.

Инвентарь мезолитического слоя более многочислен. Он представлен резцами, преимущественно на углу сломанной пластинки, трапециями с боковой выемкой асимметричной формы с вытянутым концом, треугольниками, также асимметричными с боковой выемкой вытянутыми сегментами, пластинами со скошенным концом, пластинками с выемками, проколами, прямоугольными вкладышами и другими изделиями из ножевидных пластинок. Среди них двойные скребки, микроскребки и боковые скребки на пластинках (рис. 22, 15-23). Однако в связи с ограниченным размером данной публикации и с тем, что частично материал мезолитического слоя опубликован нами¹⁹, мы позволим себе опустить здесь подробное описание мезолитических материалов.

Подавляющее большинство находок, около 35 тыс., было связано с основным (неолитическим) культурным слоем раскопа 1. Этот культурный слой сосредотачивался в основании гумуса, глубина его залегания 20—90 см. Основная масса культурных остатков слоя концентрировалась в жилище, занимавшем центральную часть ложбинки.

Жилище представляло собой полуземляничное помещение подпрямоугольной формы площадью в 72 кв. м (длина 12 м, ширина 6 м) с выходом, обращенным к озеру, к югу. Западные и восточные стены жилища устроены за счет удаления части скальных выходов (выдолблены в камне). С других сторон стены жилища местами также были укреплены камнем.

В центре жилища — сравнительно мощная кладка камня (длина кладки 4,8—5,5 м, ширина 1,2—2,1 м). Очаг располагается ближе к выходу из жилища. Жилище сравнительно немного (менее 1 м) было углублено в землю. По всей вероятности, значительная часть его представляла собой наземное сооружение из дерева. Снаружи жилища, у самого выхода из него, найдено скопление крупных грузил из массивных галек. Судя по расположению, грузила были остатками большой сети, хранившейся у входа в жилище.

Большая часть материалов жилища, около 70%, представляет всевозможные отходы производства каменных орудий. Отщепов обнаружено в жилище 25 тыс. экземпляров. Более 10% всех находок составляют нуклеусы и сколы с них (3848 экз.). Значительная часть ядрищ — всевозможные первичные заготовки нуклеусов без негативов от скалывания ножевидных пластин или с одним или двумя негативами.

Большая часть изделий из камня концентрируется в скоплениях. Основная масса их расположена в южной половине жилища, у входа, и в центре вокруг каменной кладки. Каждая такая группа находок обычно

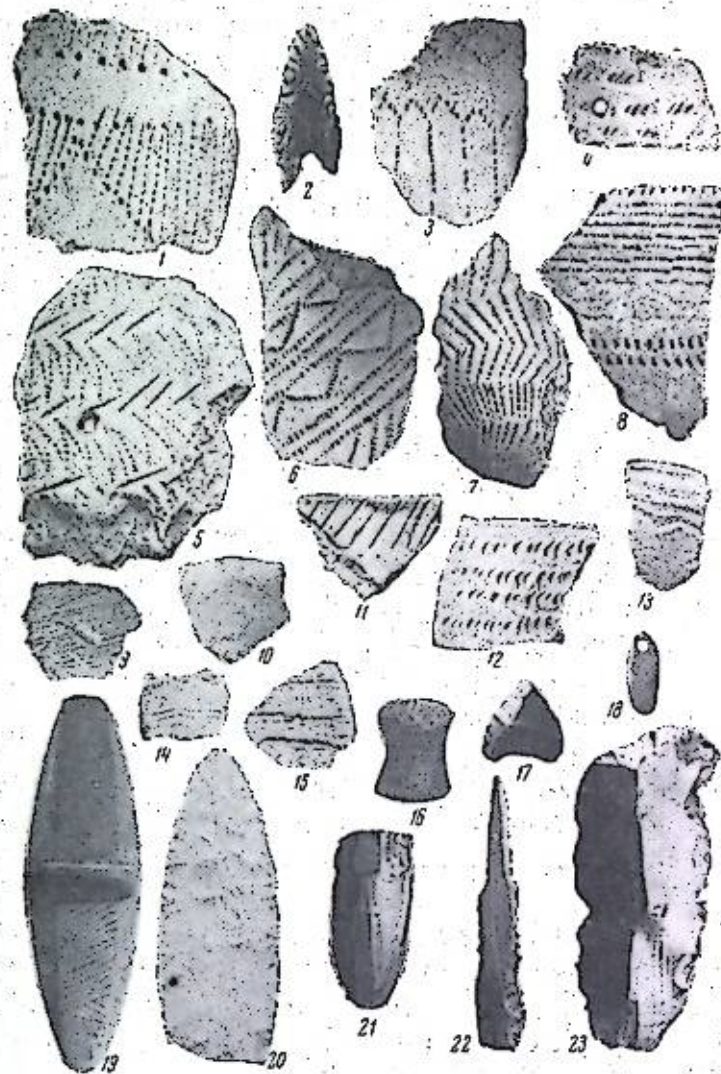

Рис. 21. Мысовое. Керамика и орудия из камня верхних слоев

располагается вокруг одного-двух камней, плоской стороной обращенных вверх. На верхней плоскости камня хорошо заметны следы многочисленных ударов в виде точек, выщерблин и т. п. Видимо, камни, к которым была приурочена основная масса отщепов, заготовок нуклеусов и сколов с них, представляли собой наковальни мастерских.

В северной, наиболее удаленной от входа, части и по краям жилища скопления отщепов и нуклеусов отсутствовали. В составе находок здесь преобладали законченные орудия и фрагменты керамики. Видимо, эта часть жилища имела иное назначение (собственно жилище). В жилище были найдены большое число орудий из камня, керамика и т. п. Значительная их часть — орудия с двусторонней обработкой из кремня и яшмы: наконечники стрел и копий (рис. 21, 20), всевозможные рубящие орудия, скребки (рис. 21, 23, рис. 22, 13—15), сверла (рис. 22, 12), шлифовальники — «утюжки» (рис. 21, 19), подвески (рис. 21, 18) и другие изделия (рис. 22, 1—15). Большая часть орудий — скребки (691 экз.). Они составляют 31,5% общего числа орудий и их заготовок (исключая ножевидные пластины и нуклеусы с их сколами и отщепы).

¹⁸ D. A. Carrod, D. M. A. Bate. The Stone Age of Mount Carmel vol. I. Oxford, 1937; T. D. Mc. Cowp, A. Keith. The Stone Age of Mount Carmel, vol. II. Oxford, 1939.
¹⁹ Г. Н. Матюшин. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита. СА, 1969, № 4, стр. 23—28; он же. О южных связях мезолита Урала. АЭБ, т. III, Уфа, 1968, стр. 15—32.

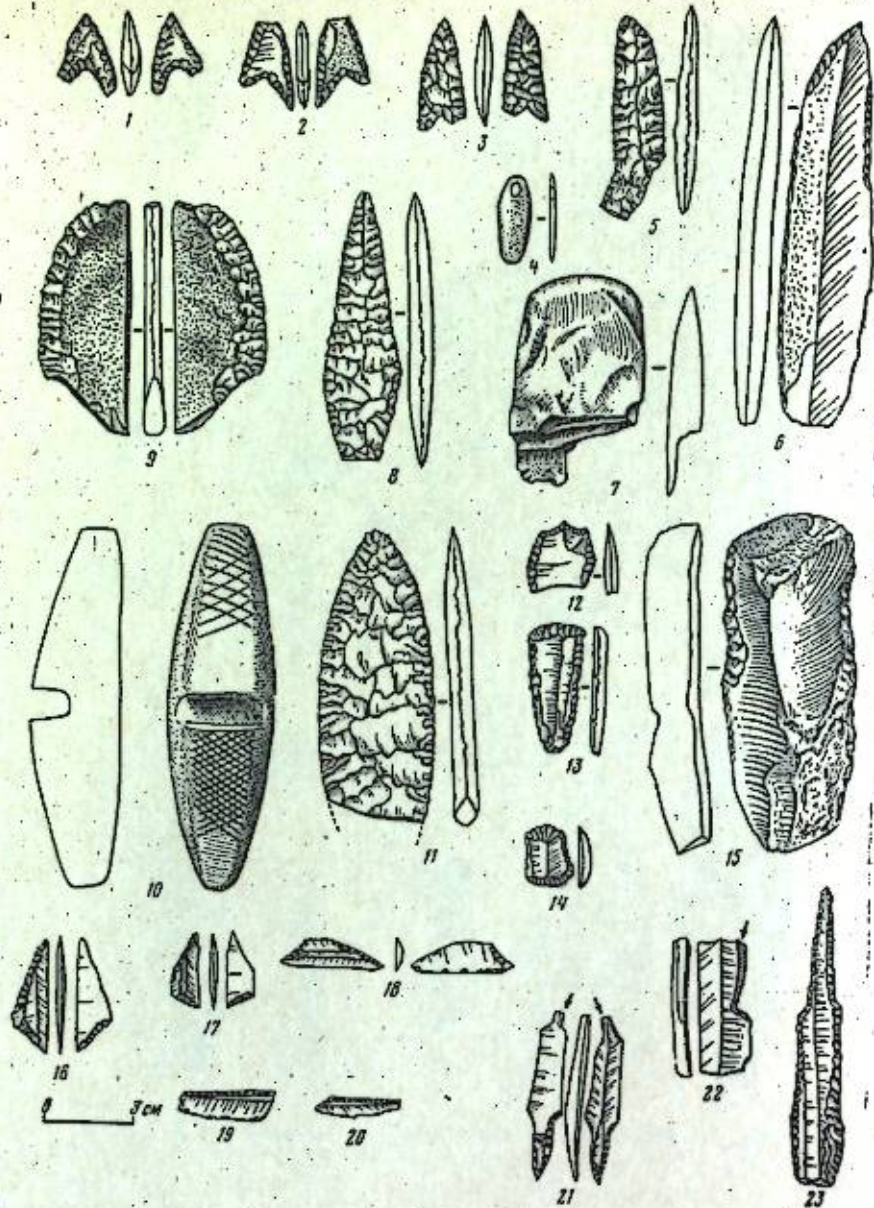

Рис. 22. Изделия из камня мезолитического (16—23) и неолитических (1—15) слоев

Заметную долю инвентаря памятника составляют пластины (14,3% всех изделий из камня) и изделия из них. Всего их 5264. По сравнению с мезолитическим слоем изделий определенной типологической формы на пластинах здесь сравнительно немного, но значительная часть ножевидных пластин (628 экз.) имеют зазубрины и нерегулярную ретушь по лезвиям, свидетельствующую о широком использовании пластинок. Около 200 пластинок имеют более регулярную и выразительную ретушь, приносящую или притупляющую лезвие ножевидной пластинки. Часть из них дополнительно подработана и с конца пластинки. По всей вероятности, данные изделия использовались в качестве вкладышей.

Среди орудий с двусторонней обработкой из отщепов и кусков кремня значительную долю составляют ножи (151 экз.). Большая их часть (102 экз.) — на отщепах. По форме ножи на отщепах можно разделить на ножи удлиненные (50 экз.), ножи с приостренным концом (27 экз.)

и орудия с округлым верхним рабочим концом (25 экз.). 42 ножа изготовлены из плиток кремня и яшмы. Размеры их различны: от 9—10 см в длину при ширине 6—7 см до 4 см в длину при ширине 1,5—2 см. Одно или (реже) оба лезвия обработаны с двух сторон мелкой приостряющей ретушью. Часть ножей изготовлена из сланцевых плиток (7 экз.), а один — из плитки зеленоватого туффита. По форме сланцевые и туффитовые ножи довольно близко напоминают ножи современных очертаний (рис. 22, 6, 9).

Из сланцевых плиток изготовлены и крупные пилы. Один или оба края этих орудий пришлифованы и скошены по диагонали.

Топоры, тесла и другие орудия для обработки дерева в большинстве случаев изготовлены техникой оббивки и ретуши, но имеются и шлифованные орудия (рис. 22, 7)

В целом каменный инвентарь неолитического слоя весьма богат и разнообразен и требует отдельного, более обстоятельного описания.

Все изделия из камня мезолитического и неолитического слоев в отличие от палеолитических не имеют ни патины, ни известковых налетов. Наблюдается отличие и в породах применяемого камня: в палеолите использовался однородный темно-серый кремль, в мезолите и неолите — яшма и цветной кремль.

Керамика неолитического поселения Мысового представлена обломками сосудов двух типов. Одни из них — фрагменты сосудов с примесью талька, орнаментированные прочерченными линиями (рис. 21, 9, 10, 14, 15), расположенными в различных направлениях — либо горизонтально опоясывающие сосуд у венчика в несколько рядов (рис. 21, 9, 14, 15), либо идущие от края венчика наклонно в направлении дна сосуда (рис. 21, 10). Другая часть сосудов орнаментирована оттисками отступающей палочки (рис. 21, 12) или гребенчатого штампа (рис. 21, 5, 7). В тесте этих сосудов отсутствует тальк, но содержится большое количество песка.

Создается впечатление, что две группы керамики отражают две различные культурные традиции. Однако в неолитическом слое найдены остатки сосудов, орнамент которых состоит из оттисков гребенчатого штампа, чередующегося с прочерченными линиями (рис. 21, 8).

Керамика и того и другого типов широко распространена в памятниках Южного и Среднего Зауралья. Она найдена в нижнем неолитическом слое поселения Мурат²⁰, на стоянке Суртанды 6, Карабалыкты ва и на многих других памятниках. Подобную керамику принято относить к раннему неолиту. К сожалению, ни в одном из памятников Южного Урала она не встречается в чистом виде. Как правило, она сопровождается керамикой с гребенчатым орнаментом, которая, по мнению некоторых исследователей, характеризует уже следующий этап неолита Урала.

Мы не располагаем для Южного Урала неоспоримыми данными для выделения памятников с керамикой, орнаментированной прочерченным орнаментом, в особый период. Однако легко заметить, что керамика неолитического слоя поселения Мысового имеет близкое сходство с ранне-неолитической керамикой Козлова мыса, и других памятников раннего неолита Зауралья и Средней Азии²¹. По-видимому, нижне-неолитический слой поселения Мысового можно также отнести к раннему неолиту.

Вторая часть поселения располагалась в 40—50 м северо-восточнее основного жилища. Она занимала ложбинку, расположенную на краю мыса (рис. 19, II). Раскоп площадью в 132 кв. м, заложенный в этой ложбинке, дал значительно меньшее число находок (5250 экз.). Не просле-

²⁰ Г. Н. Матюшин. Стоянка Мурат на озере Уаункуль. СА, 1965, № 1, стр. 135—153.

²¹ В. Н. Чернецов. К вопросу о сложении уральского неолита. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 49, рис. 3.

жено здесь и сколько-нибудь заметных остатков жилищных сооружений, очагов и т. п.

Однако соотношение отдельных групп инвентаря в целом идентично основному жилищу. Подавляющее число находок здесь также представлено всевозможными изделиями из камня. Обломки сосудов составляют чуть более 3% всех находок.

Более 96% (5235 экз.) находок представлено изделиями из яшмы, кремня и других пород камня. В составе их также преобладают отходы производства (отщепов 3451 экз.). Они составляют 60% изделий из камня. Остальные находки представлены ножевидными пластинами и изделиями из них (863 экз.), нуклеусами (71 экз.), всевозможными сколами с них (728 экз.).

Готовые орудия представлены скребками и скреблами (113 экз.), наконечниками стрел, орудиями с двусторонней обработкой (19 экз.) и другими изделиями. Несмотря на общее сходство кремневого инвентаря, керамика раскопа 2 довольно существенно отличается от материалов раскопа 1. Если в раскопе 1 (в неолитическом слое) преобладала керамика с прочерченным орнаментом и лишь незначительную долю ее (верхний слой) составляла керамика, орнаментированная всевозможными геометрическими зонами, то в жилище № 2 преобладала керамика, орнаментированная гусеничным орнаментом (рис. 21, 4), либо сеткой, чередующейся с незаполненными ромбами (рис. 21, 3), либо треугольниками, заполненными оттисками гребенки, ограниченными по краям неглубокими ямками (рис. 21, 1). Встречается здесь и типичная для энеолита керамика, орнаментированная вертикальными и горизонтальными лентами, заполненными оттисками гребенки, чередующаяся с участками неорнаментированного поля. Однако доля этой керамики еще невелика. В целом же господствует керамика, орнаментированная сплошь по всей поверхности оттисками гребенчатого штампа. Таким образом, можно предполагать, что и жилище № 2 не выходит за пределы неолита и относится к его финалу.

Завершая эту предварительную, а потому и крайне неполную характеристику многослойного поселения Мысового, отметим, что на одном и том же мысу сосредоточены четыре относительно долговременных поселения каменного века: раннего (или среднего) палеолита; мезолита; неолита раннего (или развитого); неолита позднего.

Чем же объясняется сосредоточение столь разновременных поселений на одном и том же мысу, в одних и тех седловинках? Видимо, такое расположение памятников обусловлено топографией: ложбинки в центре небольшой возвышенности представляли естественное углубление для устройства жилищ.

Г. Ф. КОРОБКОВА, В. А. РАНОВ

ДРЕВНЕЙШИЕ ЗЕМЛЕКОПНЫЕ ОРУДИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Отсутствие хорошо выраженных землекопных орудий среди огромного числа изделий из камня, полученных из главного (второго) гиссарского горизонта поселения Туткаул, вызывало недоумение уже потому, что конструкция многочисленных очагов предусматривала их углубление в очень плотную почву конуса выноса ущелья Дари-Осие.

Можно предположить, что эти функции могла нести часть галечных орудий — чопперов. Но изучение следов работы на их лезвиях не подтверждает эту мысль, хотя в отдельных случаях, конечно, чопперы могли употребляться и для такой цели.

И только в самом конце раскопок в Туткауле, осенью 1969 г., были найдены две бесспорные мотыги, о функциональном назначении которых говорят следы работы на их лезвиях.

Мотыга 1 (рис. 23, 1) найдена в щебенке, подстилающей отложения второго горизонта Туткаула, на глубине 25 см ниже основания горизонта. Однако можно считать, что мотыга находилась в небольшой западине, образовавшейся в кв. Б-10, о чем свидетельствует и заполнение — темная земля, заметно отличающаяся от светло-желтой окружающей щебенки, содержащей орудия нижележащего горизонта 2-А¹.

Мотыга 2 (рис. 23, 2) происходит из основания второго горизонта в кв. Е-24 траншеи Е в северной части раскопа.

Таким образом, оба орудия можно отнести к основному гиссарскому горизонту поселения Туткаул.

Размеры орудий следующие (в см):

	Длина	Ширина лезвия	Ширина в средней части	Ширина у обуха	Толщина рабочего края	Толщина в средней части	Толщина обуха
Мотыга 1	18,5	9	7,3	3,1	0,3—0,6	2,6	0,7
Мотыга 2	17	10,9	7,2	3,2	0,3—1,2	4	1,5

Вес: мотыги 1 — 530; мотыги 2 — 750 г.

Оба изделия вызывают большой интерес с точки зрения техники изготовления и функционального назначения. Они сделаны из крупных речных галек крупнозернистой зеленокаменной породы (габбродиорит)², расколотых вдоль сильным ударом. Наружная сторона сохраняет естественную галечную поверхность, внутренняя — шероховатая, характерная для сколотой структуры гальки. Мотыги имеют подклиновидную форму, плав-

¹ Схематический разрез и описание стратиграфии Туткаула см. в работе: В. А. Ранов, Г. Ф. Коробкова. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры. СА, 1971, № 2.

² Определение геолога А. И. Месхи.

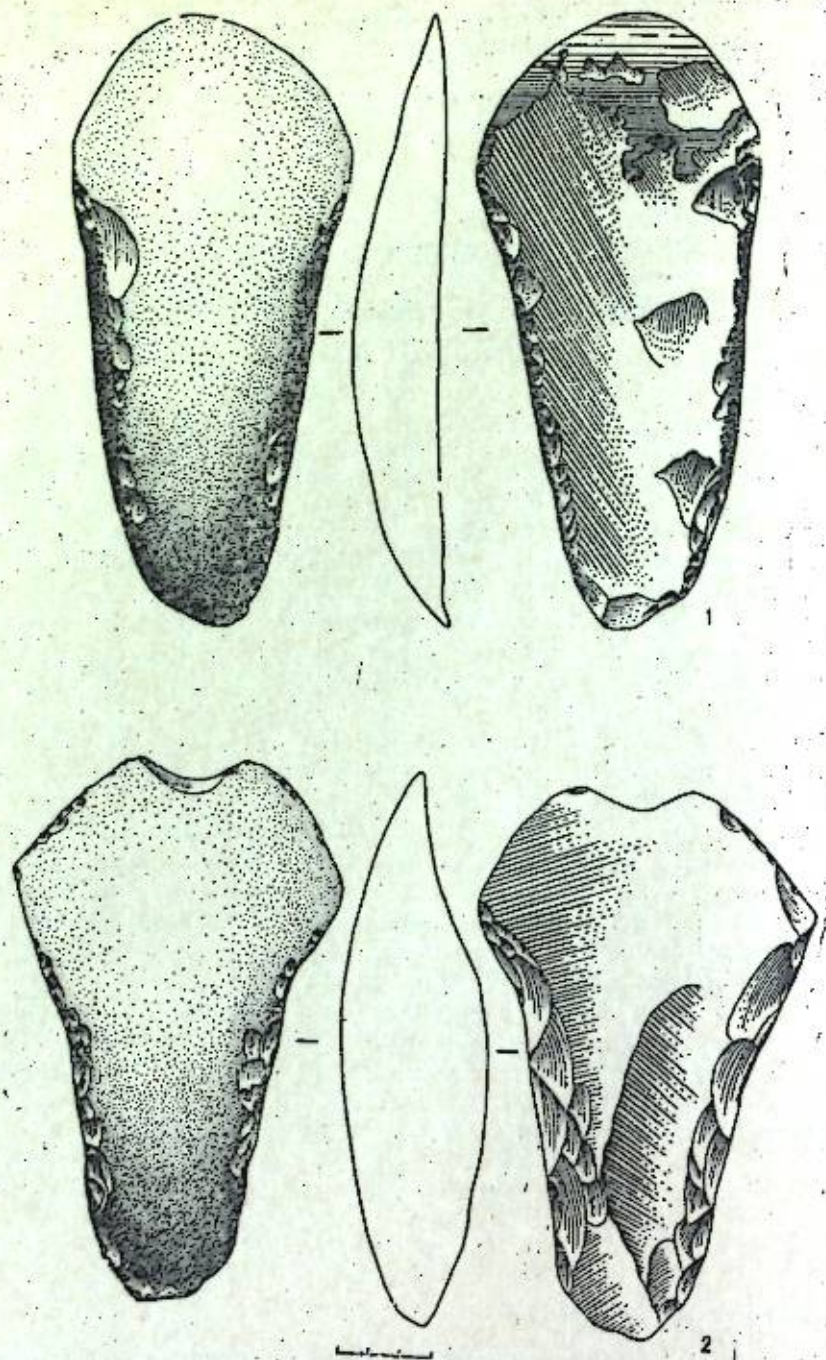

Рис. 23. Каменные мотыги из основания второго горизонта Туткаула

но расширяясь в сторону рабочего лезвия. Орудия выполнены с помощью самой разнохарактерной техники, что свидетельствует о разнообразии приемов, которыми владели гиссарцы Южного Таджикистана.

Мотыга 1. Сделана из гальки удлиненных пропорций. Имеет сегментовидное поперечное сечение и вогнуто-выпуклое, округлое — продольное. Со стороны внутренней поверхности оно пришлифовано. Пришлифовка нанесена узкой небольшой полосой, расположенной по контуру лезвия и слегка заходящей на выступающие участки, прилегающие к рабочему краю.

Центральная часть орудия наиболее выпукла. Боковые стороны, начиная от 2,8 см и почти до самого обушка, имеют следы точечной техники и более грубой оббивки. Оба технических приема применялись для сглаживания острых краев расколотой гальки и подгонки орудия в муфту рукоятки. В результате боковые поверхности мотыги сильно скруглены, выровнены, стертые. Судя по тому, что обушок орудия не затронут обработкой, можно считать, что крепление осуществлялось при помощи муфты коленчатой рукояти.

Рабочее лезвие мотыги слегка асимметрично, заполировано с обеих сторон, кромка сильно затуплена. Блеск приглушенный. На обеих сторонах лезвия, особенно на выпуклой, под микроскопом хорошо видно множество линейных следов. Последние имеют удлиненные очертания и разную глубину, располагаясь строго перпендикулярно к рабочему краю. Одни линии тонки, едва прочерчены, другие похожи на глубокие, широкие борозды, оставшиеся на поверхности орудия от каменных примесей в почвенном слое.

Мотыга 2. Это орудие несколько массивнее первого и сделано из породы светло-зеленого оттенка. Сечение вогнуто-выпуклое у нижнего края и двояковыпуклое — в обушковой части. В продольном сечении мотыга имеет ладьевидную форму.

На лезвии орудия нет никаких следов дополнительной обработки. Боковые же края оббиты короткими крупными поперечными сколами с мягкими очертаниями ребер, снивелированных при помощи точечной техники. В результате интенсивного использования лезвие сильно затуплено, выщерблено с обеих сторон и даже повреждено в древности. Обушок также оббит и затуплен от работы. Линейные следы наблюдаются на обеих сторонах лезвия и имеют тот же самый характер, что и в первом случае.

По технике изготовления и внешнему виду эта мотыга выглядит значительно грубее и примитивнее первой. Тем не менее наблюдается близкое сходство в форме и основных размерах, что свидетельствует об определенной стандартизации этих орудий у древних туткаульцев.

Совокупность приведенных здесь признаков бесспорно свидетельствует о том, что описанные выше орудия выполняли функции землекопного инструмента — мотыги.

К сожалению, мы не можем до полного завершения обработки всей коллекции из Туткаула решить вопрос о том, для чего употреблялись эти орудия, служили ли они для рыхления почвы при обработке полей или их использовали для строительства очагов и жилых сооружений. Видимо, специальные поиски должны привести к увеличению числа подобных изделий, однако заранее можно сказать, что процент их даже с привлечением обломков не будет значительным.

В Таджикистане хорошо выраженная каменная мотыга, еще не опубликованная, найдена в горизонте кайрак-кумской бронзы в Ак-Танге³. В Туркмении мотыги известны только в энеолитической культуре Анау I-A⁴.

Таким образом, мотыги из Туткаула являются древнейшими из известных землекопных орудий Средней Азии, поскольку основание второго горизонта Туткаула датируется самым концом VII тысячелетия до н. э. (8020 ± 170 лет; ЛЕ — 772/472). Что же касается их типологической характеристики, то в отличие от мотыг из Туркмении, которые являются точной, копией мотыг хассунского типа и скорее всего позаимствованы

³ Хранится в Институте истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР, КП 497/1171.
⁴ О. К. Бердыев. Чакмаклы-депе — новый памятник времени Анау I-A. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 33—34; Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, № 158, 1969, стр. 46—48.

ананасами с юга⁵, туткаульские орудия выглядят архаичнее хассунских и появились, по-видимому, в результате конвергентного развития местной индустрии. Следует отметить, что стаднально мотыги из Туткаула — наиболее ранние среди достаточно хорошо выраженных типологически орудий этого типа, поскольку как для докерамического периода Иерихона, так и для известной группы памятников Иракского Курдистана типа Карим-Шахира известны только «грубые мотыги»⁶ или мотыги, функционально неопределенные⁷. Впрочем, и хронологически это примерно так. В самом деле, наиболее ранними сейчас можно считать мотыги из Ирана (фаза Али-Кош). По мнению американских исследователей, завершающие этапы этой фазы, с которыми связаны находки недавно опубликованных мотыг, соответствуют концу VII тысячелетия и, таким образом, синхронны туткаульским⁸. Что же касается хорошо известных мотыг Хассуны и Сналка, то их возраст определяется в 5600—5500 лет до н. э.⁹

Не приходится сомневаться, и об этом уже говорил Р. Брейдвуд, что некоторая часть не полностью зашлифованных топоров, найденных в памятниках стадии, предшествующей первым земледельческим «деревням», могла выполнять задачу рыхления земли¹⁰. Это относится прежде всего к «теслам», прикреплявшимся не вдоль, а поперек рукоятки¹¹. Но в данном случае, повторяем, речь идет об орудиях, чье функциональное назначение подтверждено трасологическим методом¹².

Таким образом, мы видим, что в VIII—VI вв. до н. э. в пределах достаточно широкой зоны Ближнего и Среднего Востока появляются мотыги с каменными наконечниками, которые следует рассматривать в первую очередь именно как землекопные орудия. Возможно, их появление связано с устройством землянок на открытых поселениях, широко распространенных в то время. Остатки такой овальной землянки были обнаружены в Северном Ираке на стоянке Телль Малефаат¹³. Обнаружена землянка и на поселении Туткаул¹⁴. Назначение мотыг было, безусловно, полифункционально, но затем, в оседлоземледельческих комплексах, они приобретают характер специфических земледельческих орудий, как это мы видим в Хассуне и Сналке.

⁵ Там же, стр. 60.

⁶ K. Keegan. Jericho the world's oldest town. «Illustrated London News», N 6133, p. 611—612. В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 80.

⁷ J. Mellart. Earliest Civilisation of the Near East. London, 1965, p. 20.

⁸ F. Hole, K. V. Flannery, J. A. Neerly. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. «Memoirs of the Museum of Anthropology. University of Michigan, New York, 1969, p. 333.

⁹ R. Girshman. Fouilles de Sialk près de Kashan, vol. 1. Paris, 1939, p. 20, tabl. LII, 3; S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna. JNEI, vol. IV, N 4. Chicago, 1945, fig. 19—20; P. Mortensen. Tell. Shimshara. The Hassuna Period. Kobenhavn, 1970, p. 136.

¹⁰ R. J. Braidwood. Near Eastern Prehistory. «Science», vol. 127, N 3312, 1958, p. 1428.

¹¹ См. по этому вопросу литературу, приведенную Б. В. Андриановым: Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969, стр. 61.

¹² На теслах, выделенных типологически на поселении Туткаул, не наблюдается следов работы, которые бы указывали на использование их в качестве мотыг. Все тесла Туткаула связаны с обработкой дерева.

¹³ R. J. Braidwood, B. Howe. Prehistoric investigations in Iragi Kurdistan. SAOC, N 31. Chicago, 1960, p. 27, 28.

¹⁴ Г. Ф. Коробкова, В. А. Ранов. Неолит горных районов Средней Азии (по раскопкам поселения Туткаул). «Проблемы археологии Средней Азии». Л., 1968, стр. 19: они же. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. СА, 1971, № 2.

Ю. С. ГРИШИН

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА НА Р. АРГУНЬ

В 1961 г. в степной зоне Юго-Восточного Забайкалья во время разведочных работ была обнаружена на левом берегу Аргунь древняя стоянка с каменным и керамическим инвентарем. Будучи первым известным археологическим памятником этого рода на Аргуни, она представляет немалый научный интерес. Стоянка располагалась на высоком обрывистом мысу у дер. Дурой, протока Аргуни, охватывала этот мыс полукольцом. Входящих здесь частично осыпавшихся старых окопах с хорошо прослеживаемым в их стенках культурным слоем мощностью приблизительно около 30 см были собраны интересные материалы.

Судя по ним, керамику стоянки составляли довольно однообразные, по-видимому, круглодонные, толстостенные сосуды, представленные фрагментами венчиков и стенок (рис. 24). Их венчики почти прямые, с небольшим наклоном во внутрь и с плоско срезанным краем, также иногда

Рис. 24. Венчик сосуда с отпечатками сетки-плетенки

со скосом внутрь сосуда. Сосуды не орнаментированы, но ряд черепков сохраняет отпечатки нитей и узлов грубой сетки-плетенки (в которой они, по-видимому, лепились), и имеет вследствие этого как бы рябую поверхность. Такая посуда, судя по забайкальским аналогам, относится к неолитической эпохе и, скорее всего, — к ее исаковскому этапу, т. е. к IV тысячелетию до н. э.¹ Видимо, этим временем датируется и рассматриваемая стоянка. Снаружи стенки сосудов покрыты либо белым известковым налетом, либо имеют темную и темно-серую поверхность, а в изломе их глина темная, светло-коричневая, или двуслойная, переходящая от темно-серой снаружи к коричневой внутри. Она содержит большое ко-

¹ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II, МИА, № 18, 1950, стр. 139, 166—170.

личество примесей дробленого камня, причем нередко в виде сравнительно крупных кусочков.

Из каменного инвентаря, который в целом не противоречит указанной датировке, помимо многочисленных отщепов и отколов здесь обнаружены ножевидные пластины (иногда с ретушью на отдельных сторонах или со следами употребления), обломок, по-видимому, призматического нуклеуса, отдельные скребки на отщепах, резцы, проколки и наконечник стрелы на

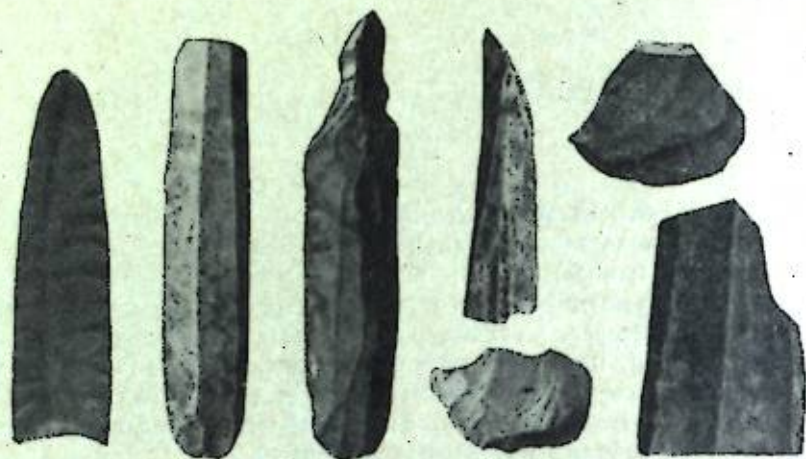

Рис. 25. Каменные изделия

пластине со сломанным острием и вогнутым основанием, хорошо отретушированный вдоль ребер, но только со стороны брюшка (рис. 25). Материалом для изготовления этих изделий служили светлые, светло-серые и темные кремнистые породы, а также светло-зеленые и коричнево-шоколадные яшмовые породы. Судя по ряду сравнительно крупных отколов и отщепов, достигающих до 10 см длины, по крайней мере значительная часть каменного инвентаря стоянки изготовлялась не из галечного материала, а из камня, доставляемого из определенных мест разработок его коренных пород. Если это действительно так, то данное обстоятельство выделяет рассматриваемую стоянку среди других известных неолитических памятников Юго-Восточного Забайкалья, в которых материалом для изготовления каменных изделий, как правило, служили гальки, дающие обычно сравнительно мелкие по размерам изделия, наряду с такими же отщепами и отколами.

Вместе с каменным и керамическим инвентарем на стоянке были собраны обломки речных раковин и сравнительно крупные кости рыб, но не обнаружено ни одной кости животных. Конечно, на основании этого еще небольшого материала было бы преждевременно делать вывод об отсутствии у аргунского неолитического населения рассматриваемого времени столь характерной для других известных неолитических памятников Юго-Восточного Забайкалья охоты (тем более что среди инвентаря стоянки имеется сломанный каменный наконечник стрелы), но все же, по-видимому, основную роль в их хозяйстве играло рыболовство. Пока еще трудно судить и о мере хозяйственных различий между отдельными районами Юго-Восточного Забайкалья (тем более с отличающимися друг от друга природными условиями) в определенные периоды неолита, так как исследовано еще сравнительно небольшое число памятников этой эпохи и не произведена их общая хронологическая периодизация.

В. И. МОШИНСКАЯ

ОБ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ МЕЛКОЙ ПЛАСТИКИ

В отличие от мелкой пластики Северной и Восточной Европы глиняные объемные изображения более восточной области — Урала и Западной Сибири — почти неизвестны в литературе. Только антропоморфные фигурки разбирались более детально, и то лишь в небольших заметках¹.

Основная масса глиняных антропоморфных изображений, известных из Зауралья и Обь-Иртышья, относится уже к железному веку, и только одно, весьма своеобразное, принадлежит, вероятно, к более раннему времени². Это последнее сильно фрагментировано, и для определения его нет достаточных данных. Глиняные объемные изображения, встречающиеся в памятниках I тысячелетия, — мелкие фигурки одетых и обутых людей в сидячей позе — имеют одну особенность, допускающую сделать попытку определить их назначение. Все эти изображения безлики, т. е. лица фигурок не моделированы, а изображены заглаженными кружками, что особенно бросается в глаза по контрасту с тщательной и детальной разделкой поверхности, изображающей одежду и обувь. Следует сказать, что в соответствии с древними представлениями аниматического и анимистического характера создание скульптурного произведения, воссоздающего образ человека или зверя, рассматривалось как создание живого существа, в которое мог вселиться тот или иной дух. Поэтому скульптуры могли оказаться опасными и для тех, кто их создал, и для тех, у кого они находились³. Отсюда схематизм как зооморфных, так и особенно антропоморфных изображений.

Однако безликость антропоморфных фигурок, как показывает этнографический материал, является признаком, характерным лишь для кукол. Этнографы отмечали, что отсутствие у кукол лица было, скорее, вызвано боязнью сделать куклу похожей на дух⁴. Отмеченная особенность дала в свое время основание для определения западносибирских безликих фигурок в качестве игрушек⁵. За последнее десятилетие количество антропоморфных изображений этого типа значительно увеличилось благодаря раскопкам В. Д. Викторовой. Раскапывая могильники железного века в Зауралье, она неоднократно находила подобные фигурки в могилах⁶. К сожалению, В. Д. Викторова до сих пор не издала свой материал.

¹ В. И. Мошинская. Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири. КСИИМК, вып. 75, 1958, стр. 180—184; В. М. Раушенбах. Новая находка на о-ве Березовом. МИА, № 130, 1965, стр. 65—68.

² В. М. Раушенбах. Указ. соч.

³ С. В. Иванов. Скульптура народов севера Западной Сибири. Л., 1970, стр. 282.

⁴ Там же, стр. 17.

⁵ В. И. Мошинская. Указ. соч.

⁶ В. Д. Викторова. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья. Канд. дисс. Рукопись. АИА, л. 2043, стр. 249—251.

это лишает меня возможности разобрать его здесь более детально. Скажу лишь, что сомнения В. Д. Викторовой относительно назначения этих фигурок едва ли имеют под собой почву. Другое дело, что мы плохо знаем, какова была семантика и функции детской куклы. Исследователи сибирской этнографической игрушки отмечают, что семантика, связанная с детской куклой, не была в свое время достаточно изучена и поэтому сейчас трудно установить многообразное назначение кукол. Ясно лишь, что в ряде случаев игрушка использовалась не только для игры. С. В. Иванов приводит интересный пример из этнографии ненцев, когда обычная мягкая кук-

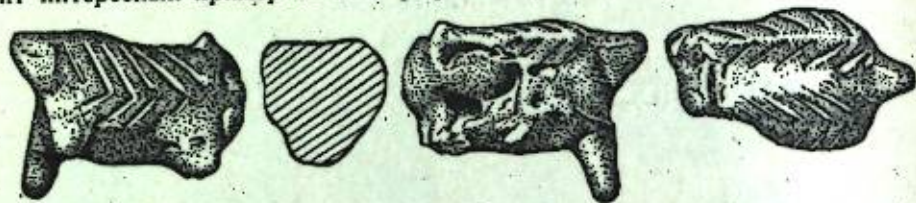

Рис. 26. Глиняная фигурка оленя из Шайтанского городища р. Кети (в трех положениях)

ла без лица (вместо лица вставлена медная монета) была дана ненцем своему взрослому сыну при отправлении его на зимовку. Она должна была охранять его⁷. Видимо, у кукол были многообразные, в том числе и пока не известные нам функции.

Зооморфная мелкая пластика представлена прежде всего небольшой серией вылепленных из глины лошадок, которые имеются в коллекции, собранной на мысу Потчеваш близ Тобольска. Как я писала в свое время, теперь невозможно установить, в каком комплексе были найдены эти вещи и с каким археологическим памятником на мысу Потчеваш они могут быть связаны. Естественно, что нет четких оснований для установления их даты. Можно, однако, быть уверенным, что они не относятся ко времени более раннему, чем I тысячелетие⁸. Все предметы изготовлены очень грубо и весьма схематичны, тем не менее можно безошибочно утверждать, что это изображения лошадей, так как всегда подчеркнута характерная для лошади, в ряде случаев зачесанная на одну сторону грива. Надо отметить также, что ни одна из фигурок не имеет ног. Подчеркивание характерных деталей наряду со схематизмом изображений С. В. Иванов отмечает, как одну из типичных особенностей сибирской этнографической игрушки. Сближение может быть произведено и по линии особенностей в трактовке ног. С. В. Иванов указывает, что ноги у зооморфных игрушек всегда непропорциональны — в некоторых случаях поджаты, а в основном значительно укорочены⁹.

По этому признаку может быть сопоставлена с сибирскими игрушками еще одна зооморфная глиняная фигурка, которая была найдена во время раскопок Шайтанского городища на р. Кети¹⁰. Это небольшое объемное изображение высотой 3 см. Обломаны голова и передние ноги, но хорошо сохранившийся мощный корпус и тщательно моделированный округлый торчащий хвост позволяют узнать в нем северного оленя (рис. 26). Игрушечные олени хорошо известны в этнографии сибирских народов: это едва ли не самая излюбленная игрушка мальчиков у всех народов севера Западной Сибири. Глиняная фигурка из Шайтанского городища происходит из комплекса, который, по мнению его исследователя, может быть

⁷ С. В. Иванов. Указ. соч., стр. 72—73.

⁸ В. И. Мошинская. Городище и курганы. Потчеваш. МИА, № 35, 1953, стр. 210—211, прим. 3.

⁹ С. В. Иванов. Указ. соч., стр. 13.

¹⁰ Раскопки М. Ф. Косарева 1967 г.

датирован временем не позднее начала эпохи раннего железа¹¹. Такая ранняя дата для игрушечного оленя могла бы вызвать известное удивление, если принять во внимание позднюю дату распространения оленеводства на севере Западной Сибири. Но здесь следует вспомнить, что северный олень в этих районах был промысловым зверем с древних времен и роль его в качестве одного из основных промысловых животных в Нижнем Приобье достаточно отчетливо выступает в археологических памятниках раннего железного века. Изображения промысловых животных и орудий лова занимают значительное место среди детских игрушек, главным образом игрушек мальчиков народов севера Западной Сибири¹².

Этнографические сибирские игрушки изготовлены из различных материалов; встречаются среди них и лепные, но они представляют большую редкость. Насколько я себе представляю, они отмечены как будто только лишь у хантов, у которых изредка этнографы видели фигурки оленей, вылепленные из глины или хлебного мякиша¹³. Как можно полагать, основываясь даже на нашем небольшом материале, в древности в Западной Сибири глиняные игрушки были значительно более распространены, чем в современности. Исчезновение их, думается, следует связывать с упадком керамического производства, что было в свою очередь обусловлено распространением среди туземного сибирского населения привозной посуды, вытеснившей местную керамику.

Сравнение археологических материалов с этнографическими показывает значительную древность характерных особенностей сибирской этнографической игрушки и позволяет считать традиционными такие черты, как безликость кукол и коротконогость зооморфных игрушек.

¹¹ М. Ф. Косарев. Отчет об археологических работах за 1967 г. АИА, д. 3510, стр. 6—8.

¹² С. В. Иванов. Указ. соч., стр. 17, 71, 125, 143 и др.

¹³ Там же, стр. 17.

П. Д. СТЕПАНОВ

ВОИНСКИЕ ТРОФЕИ
В ПОГРЕБЕНИЯХ АНДРЕЕВСКОГО КУРГАНА
МОРДОВСКОЙ АССР

Геродот в своей «Истории» дает описание некоторых военных обычаев скифов. По словам Геродота, у них считались военными трофеями скальпы. Скиф привязывает скальп к узде коня, на котором сам ездит, и гордится этим, так как тот, который имеет наибольшее число таких кожаных утиральников, считается самым доблестным воином¹. В другом месте говорится: «...содрав кожу вместе с ногтями с правых рук убитых неприятелей, делают покрывки для колчанов»². Описываются также и другие виды трофеев, в частности чаши из черепов. Но следы подобных действий в археологических памятниках не отмечены.

В некоторых могилах Андреевского кургана, раскопанного в 1963—1964 гг. в Мордовской АССР, были обнаружены вещи, близкие описанию Геродота, т. е. такие, которые вполне можно считать воинскими трофеями³.

Находки в погребениях 25/1 и 37 Андреевского кургана состояли в основном из верхних человеческих челюстей с просверленными для продевания ремешка отверстиями. Вместе с челюстями были и другие находки.

Челюсти вырублены таким образом, что захватывалась и небная кость. Отверстия просверливались в том месте, где имеется вход ветви тройничного нерва. Сверление производилось снаружи и часто захватывало корни соседних зубов (рис. 27).

Челюсти принадлежали, как правило, молодым людям, пол которых, к сожалению, установить нельзя. Возможно, это были воины. Из-за сырой почвы в могиле челюсти сильно пострадали, но некоторые сохранились в целости.

В могилах челюсти лежали в беспорядке и довольно близко друг к другу. Они, вероятно, первоначально явно были нанизаны на ремешки и в обоих погребениях лежали в изголовье умерших на некотором расстоянии от черепа прямо на дне могилы. Следов мешочков или футляров не обнаружено⁴.

Челюсти, по-видимому, были нанизаны на ремешках вместе с другими вещами. Так, в погребении 25/1 вместе с челюстями лежали круглые бронзовые плоские бляхи среднего размера с петельками на обороте, диаметр

¹ См.: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 2, стр. 269.

² Там же.

³ П. Д. Степанов. Андреевский курган. «Труды МНИИЯЛИЭ», вып. XXVII. Саранск, 1964, стр. 209, 211.

⁴ Обе группы трофеев были вырезаны в виде монолитов и разбирались в лабораторных условиях.

блях 43 мм. Судя по расположению челюстей и блях, они чередовались на ремешке. Одна бляха лежала на небной части челюсти, другие — как под челюстями, так и на них (рис. 28).

В погребении 37 с челюстями обнаружены два клыка медведя (рис. 29), которые у основания сточены таким образом, что при соединении получается привеска, по форме напоминающая «сапожки» из бронзы, найденные в погребениях 25/1, 2, 3. Соединялись клыки, вероятно, при помощи ремешка, пропущенного в просверленные в основания отверстия. Здесь же была обнаружена костяная пряжка трапецевидной формы без язычка, но с крючком для пристегивания ремня (рис. 30).

Рис. 27. Человеческая челюсть со сверлинами для подвешивания

Помимо указанных предметов найдены также первые фаланги пальцев человеческой руки, которые лежали свободно, т. е. не были нанизаны на ремешок. Такое положение костей заставляет предполагать, что фаланги были подвешены вместе с кожей, снятой с кисти руки.

Перед нами своеобразные и неповторимые комплексы вещей, которые есть все основания рассматривать как воинские трофеи. Некоторые вещи можно было бы считать амулетами, например клыки медведя, но их форма отличается от распространенных клыков-амулетов с простой сверлиной для подвешивания.

В связи с тем, что описываемые предметы лежали в изголовье умерших, очень трудно определить, как их употребляли: носили на поясе или на конской сбруе? Можно предполагать, что трофеи помещались на видном месте — у седла или на уздечке, тем более что в погребении 37 обнаружена костяная пряжка. В погребении 25/1 к поясу умершего справа была прикреплена группа бронзовых блях вместе с книжалом и ножом.

В обоих захоронениях были погребены всадники, так как в могилах были обнаружены кости коней. Вероятно, кожу коня вместе с черепом и четырьмя ногами распяливали на распорках и в таком виде располагали у стенки могилы. Остатки коней — кости ног в естественном сочленении и черепа — были обнаружены у стенок могил, причем черепа лежали довольно высоко.

Общим для погребений является то, что они находились в грунтовых могилах, костяки лежали на спине и были ориентированы головами на северо-восток, оба захоронения коллективные.

Однако есть и большие различия между этими захоронениями. Погребение 25/1 принадлежало, вероятно, вождю племени и было пышно обставлено: вырыта огромная могила, стены и дно которой обложили деревом. Умерший вождь был положен на помосте в центре могилы. По обе стороны помоста на дне могилы лежали два воина в полном вооружении и в богатой одежде. В ногах вождя находился костяк раба или пленника со связанными за спиной руками, насильственно умерщвленного⁵.

Можно предполагать, что вождь был знаменитым воином, убившим многих врагов, о чем свидетельствуют его трофеи. Между прочим, по одеж-

⁵ П. Д. Степанов. Указ. соч., стр. 210, рис. 4.

Рис. 28. Человеческие челюсти и бронзовые бляхи из погребения 25/1 Андреевского кургана

Рис. 29. Человеческие челюсти, костяная пряжка и клыки медведя из погребения 37 Андреевского кургана

де и вооружению воины, лежавшие по бокам, мало чем отличались от вождя. Вероятно, не всегда богатство вещевого материала свидетельствует об особом социальном положении умершего.

Большой интерес представляет погребение 37. Здесь в грунтовой могиле лежали на спине два костяка, ориентированные к северо-востоку. Костяк, к которому относятся трофейные челюсти и конская шкура у стены, лежал слева. Очевидно, умерший был простым воином. Однако простые воины в могиле 25/2, 3 имели мечи, богатые пояса и т. п., тогда как

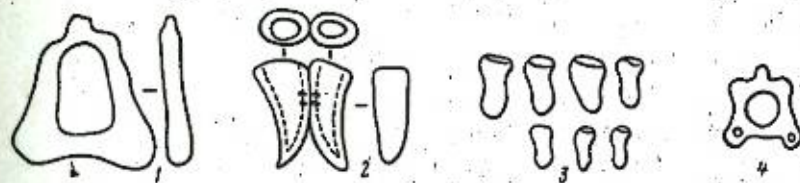

Рис. 30. Трофеи из погребения 37 Андреевского кургана

1 — костяная пряжка; 2 — клыки медведя; 3 — фаланги пальцев человеческой руки; 4 — костяная пряжка из с. Усатово

у этого костяка их не было. Вместе с тем находка воинских трофеев и наличие конской шкуры выделяет это погребение из числа рядовых членов общины. Следует также указать, что рядом с умершим находился другой костяк мужчины, почти без вещей. Возможно, он был также «спутником» умершего, как и в погребении 25. О том, что он не был рабом или пленником, говорит тот же обряд захоронения, что и у «хозяина» могилы.

Условия находки указанных трофеев и сами находки настолько исключительное явление, что все наши попытки объяснить их на основе известных археологических материалов оказались безуспешными. Оставался один Геродот с его описанием обычаев скифских воинов, в частности обычая сдирать с правой руки врага кожу с пальцами. Но Геродот писал о скифских обычаях. Раскопанные нами погребения, вероятно, не скифские.

Для определения даты и племенной принадлежности описываемых погребений следует привлечь остальную их инвентарь.

В своем предварительном сообщении об Андреевском кургане мы дали общую датировку памятнику — I—II вв. н. э.⁶, но более подробное ознакомление с вещами и способами захоронения требует пересмотра этой даты.

При погребении 25/1 прямо за черепом лежала свернутая кольчуга, на которой сохранились остатки пластинчатого шлема. Справа от черепа находился железный втульчатый наконечник копья с листовидным пером⁷. На перо копья был надет футляр из белого сплава конусовидной формы с прорезями на лицевой стороне в виде елочки и тремя прямоугольными вырезами с обратной стороны. С правой стороны футляра находятся два выступа с круглыми отверстиями как бы для подвешивания чего-то, возможно, эмблемы племени (рис. 31).

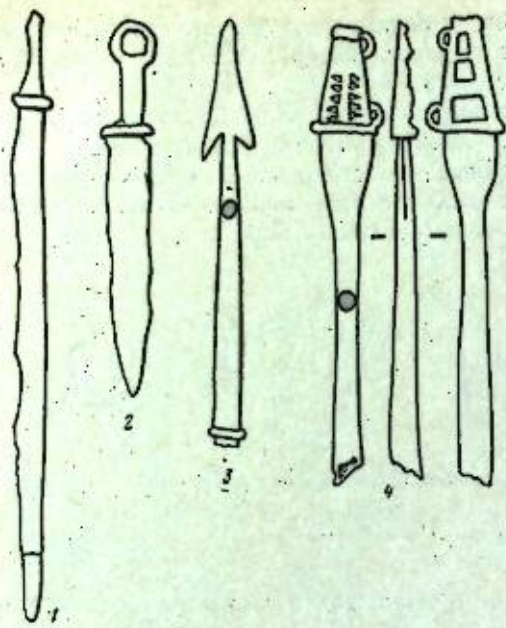
Рядом с копьем лежал дротик с длинной втулкой (длина втулки 0,28 м, диаметр у основания 0,03 м, диаметр у начала пера 0,01 м) с пером и двумя «жальцами».

На шее и груди умершего находилось ожерелье из стеклянных золоченых бусин различной формы, но с преобладанием чечевицеобразных сиреневого цвета. В центре ожерелья была большая бусина бочонкообразной формы из синего стекла с ярко-желтыми полосками и шишечками.

⁶ Там же, стр. 219.

⁷ Длина втулки 23, длина пера 15 см. Диаметр основания втулки 0,26, диаметр у начала пера 0,15, ширина пера 0,45, толщина пера 0,07 см.

Рис. 31. Предметы из погребения 25/1 Андреевского кургана

Справа, между кистью руки и тазом умершего, лежал железный кинжал в деревянных ножнах, окрашенных в вишневый цвет. Кинжал имел прямое перекрестие и кольцевое навершие (длина клинка 0,325 м, ширина 0,05, толщина 0,01, длина рукоятки 0,14 м). Близ рукоятки кинжала лежали зеленые стеклянные бусины и бронзовые обоймочки, вероятно, украшения ножен кинжала.

Рядом с кинжалом находился железный нож, широкий, с горбатой спинкой, с короткой широкой рукояткой.

Справа от таза под кинжалом и на кинжале найдены плоские бронзовые бляхи с петельками на обороте. Две бляхи лежали между бедер на линии конца кинжала. Одна бляха была без петель, а имела отверстие в центре, прикрытое небольшой бляшкой. Все бляхи разного размера с диаметром от 0,028 до 0,072 м. Поблизости от блях лежала бронзовая ворворка изогнутой формы.

Можно думать, что бляхи входили в подвесное украшение пояса и их носили рядом с кинжалом и ножом. К поясу все это прикреплялось при помощи ворворки. На бляхах хорошо заметны отпечатки ткани типа репс. На одной бляхе есть отпечаток узенького ремешка.

В центре над тазом лежала кольцевая бронзовая пряжка с язычком. По обе стороны пряжки — остатки кожаного пояса. Пояс не сохранился, но остались украшения, которые были на него нашиты. Эти украшения, отлитые из бронзы, так называемые «сапожки», прикреплялись к поясу при помощи узенького ремешка, пропущенного в ушки с задней стороны «сапожков». «Сапожки» располагались горизонтально и получался рисунок в виде елочки⁸.

Слева от левого плеча до таза и далее лежал однолезвийный меч с прямой рукояткой длиной 0,745 м. Меч имел прямое брусковидное перекрестие. Ножны были деревянные, окрашенные красной краской, а конец ножен окован наконечником из белого сплава длиной 0,09 м. Слева от конца ножен меча находилась большая плоская бронзовая бляха диаметром 0,08 м, имеющая 4 петельки на обороте.

⁸ П. Д. Степанов. Указ. соч., табл. V, рис. 6—8.

У левой ступни найдены остатки колчана с костяными и железными наконечниками стрел. Железные наконечники стрел были трехперые, черешковые, мелкие, сарматского типа, костяные наконечники — черешковые трехгранные.

Рядом с колчаном лежали железные удила. Псалии были прямые и имели по два отверстия. Таков инвентарь погребения вождя.

Что касается вещевого материала из погребения 37, где также был обнаружен трофей, то он беден: железный наконечник копья, на груди бронзовая проволочная сюлгама, на животе круглая бронзовая пряжка и бронзовые пряжки у обеих ступней.

Анализ сопутствующего трофеям вещевого материала показывает, что эти погребения были более древние, чем обнаруженные в насыпи. О более древнем времени этих могил говорит и стратиграфия их, так как они все были перекрыты могилами впускных погребений. Впускные же погребения датируются фибулами типа «Авцисса» (первая половина I в. н. э.)⁹ и бронзовой чашей италийского происхождения (I в. до н. э.)¹⁰.

На расположенной поблизости от кургана стоянке тех, кто хоронил вождя и других умерших, была найдена верхняя человеческая челюсть с просверленными отверстиями, как в кургане, и клык медведя с таким же сверлением. Сопровождались эти вещи пирамидальными глиняными грузилами городецкой культуры. На этой же площадке был найден горшок с «рогожным» рисунком на поверхности.

⁹ А. К. Амбров. Фибулы юга европейской части СССР. САИ, вып. Д 1—30. М., 1966, табл. 4, рис. 9—16, стр. 93.
¹⁰ В. В. Кропоткин. Римские импортные изделия в Восточной Европе. САИ, вып. Д 1—27. М., 1970, № 807, стр. 93.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА
НА СЕВЕРЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1967 г. нами была проведена разведка археологических памятников Тевризского р-на Омской обл., к северу от с. Тевриз; в ходе работ обследованы три курганных могильника — у деревень Утьма, Кип, Утузы и городище у дер. Петрово.

На северной окраине дер. Утьма, на мысу второй надпойменной террасы Иртыша находится группа из пяти-шести небольших курганов высотой 0,3—0,7 м, насыпи которых задернованы. Не исключено, что ранее курганов здесь было больше и часть из них уничтожена при добыче глины для кирпичного завода. Курган 1 (диаметр 8 м, высота 0,5 м) имел в центре небольшую воронку — след грабительского шурфа. Курган содержал два погребения. Первое из них полностью разрушено грабителями. От него в центральной части насыпи, на глубине 0,3 м остался чашеобразный тонкостенный сосуд, украшенный вдоль венчика пояском «жемчужин» и горизонтальной елочкой из оттисков мелкозубчатого штампа (рис. 32, 1); невдалеке на глубине 0,4 м лежало бронзовое несомкнутое кольцо, возможно браслет, а в разных местах заполнения грабительского шурфа — шесть костяных черешковых наконечников стрел плохой сохранности. Хаотическое расположение костей скелета не позволяет определить позу и ориентировку погребенного.

Второе погребение разрушено лишь частично. От него на глубине 0,6 м сохранились в первоначальном положении кости голени и стопы, которые дают возможность считать, что умерший был уложен на спину, вытянуто, головой на северо-запад. Справа лежал круглодонный горшковидный сосуд, украшенный вдоль венчика пояском «жемчужин», двумя рядами горизонтальной елочкой, выполненными гребенчатым штампом, и расположенными ниже двумя рядами отпечатков уголкового штампа с отходящими от них также штампованными фестонами (рис. 32, 2). В насыпи кургана обнаружены не связанные с погребальным комплексом фрагменты керамики с резным орнаментом и на уровне материка — украшенный насечками и «жемчужинами» сосуд, относящийся к поселению эпохи поздней бронзы, на месте которого сооружены курганы.

Культурная и хронологическая принадлежность погребений определяется аналогиями керамике. Сосуд с фестонами уголкового штампа находит параллели среди керамики из могильников IX—XII вв. Нижнего Приобья — Кинтусово и Барсов Городок¹. Среди инвентаря могильников Барсов Городок и Упа-Пай имеются также подобные бронзовые браслеты в виде несомкнутого кольца². Там же представлены аналогии чашевидно-

Рис. 32. Керамика из курганов

1 — Утьма, курган 1, погребение 1; 2 — Утьма, курган 1, погребение 2; 3 — Утузы, курган 2;
4—7 — Кип, курган 14

му сосуду (рис. 32, 1)³. Это позволяет датировать погребения в пределах IX—XII вв. Судя по сходству форм и размеров насыпи с другими, можно предполагать, что захоронения в остальных курганах относятся к этому же времени.

К востоку — северо-востоку от дер. Кип, вдоль края второй надпойменной террасы Иртыша протянулась группа из 65 небольших курганов. Часть из них распахана и задернована, некоторые поросли кустарником. Большинство насыпей имеют следы грабительских шурфов.

Для ориентировочного определения даты могильника у дер. Кип нами раскопан курган 14 диаметром 10 м, высотой 0,6 м, расположенный у самого края террасы. Насыпь кургана сложена из серой супеси, в центре — красноватой прокаленной. В юго-западной части кургана на глубине 0,25 м обнаружен череп собаки, поблизости от которого находились большие обуглившиеся куски (1,1×0,5 м, 0,7×0,6 м) пропитанной бересты от какого-то изделия или перекрытия жилища. Обуглившаяся береста попадалась также в заполнении грабительского шурфа, разрушившего центральные погребения.

Курган содержал три погребения. Два из них (не исключено, что одно парное) разрушены грабительским прокопом, в котором хаотически лежали кости двух скелетов, часть деревянной долбленной колоды, железное кольцо (рис. 33, 1), части шумящих подвесок (рис. 33, 2, 3) и фрагменты трех разбитых грубых чашевидных круглодонных сосудов с пояском ямочного орнамента и резной елочкой вдоль венчика (рис. 32, 4—7). Беспорядочное расположение костей позволяет лишь условно предполагать юго-западную ориентировку погребенных.

Погребение 3 оказалось непотревоженным. Оно находилось под южной полкой кургана, на границе серого супесчаного слоя погребенной почвы и материкового песка. Останки умершей (судя по инвентарю погребение женское) были целиком покрыты сшитыми кусками обуглившейся бересты, которая сверху имела вид прямоугольника, ориентированного с северо-востока

¹ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. МИА, № 58, 1957, табл. XLIII, 14; Т. J. Arne. Barsoff Gorodok. Stockholm, 1935, Fig. 142.

² Т. J. Arne. Указ. соч., Fig. 113a; В. Н. Чернецов. Указ. соч., табл. XLV, 25

³ Т. J. Arne. Указ. соч., Fig. 82, 105.

Рис. 33. Предметы из кургана 14 у дер. Кип
1—3 — из погребения 1, 2; 4—15 — из погребения 3

на юго-запад, размером $2,4 \times 0,75$ м. Под юго-западным концом берестяного покрытия находился раздавленный обожженный череп, а чуть ниже справа лежали два серебряных височных кольца (рис. 33, 4, 5). Остальные кости скелета не сохранились. В области груди на слое гари помещалась шумящая подвеска с тремя колокольчиками (рис. 33, 6, 6а). Рядом лежали еще две подвески в форме гусиной лапки (рис. 33, 7, 8). В области бедер располагались семь подвесок в виде фигурок глухаря или тетерева (рис. 33, 9—15), отлитые из белой бронзы, по-видимому, в одной форме. Эти фигурки, вероятно, были подвешены к пояску или нашиты на нижнюю часть одежды.

Описанные детали позволяют реконструировать обряд погребения следующим образом. Умершего, одетого в одежду с металлическими украшениями-подвесками, заворачивали в покрывало, сшитое из отдельных крупных кусков бересты, после чего укладывали в яму, выкопанную до уровня материка. Затем берестяное покрытие поджигалось, а когда пламя охватывало его полностью, могила засыпалась землей. При недостатке воздуха береста полностью не сгорала, а только обугливалась. Обгоревшие кости

черепя сохранились, другие кости с течением времени истлели. Обряд погребения, подобный изученному в кургане у дер. Кип, известен по данным этнографии обских угров. При погребении женщин или детей обские ханты укладывали покойника в продолговатую корзину, специально изготовленную из длинных пластов бересты или из бересты, уже бывшей в употреблении для перекрытия амбара или чума⁴. Во многих районах захоронения совершались в колодах из расколотого пополам дерева⁵, аналогично рассмотренному выше погребению. Распространенный у хантов обычай сжигания одежды покойного на костре, мимо которого проносили умершего на кладбище⁶, а также ритуал сожжения в специальном шалашике куклы, изображавшей покойного⁷, могут рассматриваться как пережитки древнего культа огня.

Датировка третьего погребения устанавливается по находке двух трехбусиных височных колец (рис. 33, 4, 5), которые являются предметом болгарского импорта и могут быть датированы XI—XII вв. н. э.⁸ Этой дате соответствуют аналогии шумящей подвеске (рис. 33, 6, 6а), представленные в материале некрополей Нижнего Приобья IX—XIII вв. Ленк-Понк, Книгусово⁹, а также в Вадьягском могильнике на р. Выми, притоке Вычегды¹⁰. На указанных памятниках Нижнего Приобья имеются также аналогии подвескам в виде гусиных лапок¹¹.

Поскольку шумящая подвеска из заполнения грабительского шурфа (рис. 33, 2) напоминает по общей композиции подвеску из погребения 3 (рис. 33, 6), а также имеет аналогии в материале вышеуказанных могильников Нижнего Приобья IX—XIII вв.¹², можно предполагать относительную синхронность этих комплексов. Обломки чашевидных сосудов с лентой ямочного и резного орнамента вдоль венчика (рис. 32, 4—7) находят параллели среди керамики поселений и курганов лесного Прииртышья конца I — начала II тысячелетия н. э.¹³, что подтверждает предложенную датировку. Однако распространять ее на весь могильник у дер. Кип, очевидно, не следует, так как он включает большое число насыпей, значительно варьирующих по величине и, возможно, относящихся к различному времени.

Утузский могильник, насчитывающий 13 небольших курганов, расположен в 2,5 км к северо-западу от дер. Утузы, вблизи тракта Тевриз — Усть-Ишим, на мысу, образованном оврагом и склоном террасы к пойме Иртыша. Насыпи сильно оплыли, поверхность задернована, отчасти покрыта редколесьем. В центре некоторых насыпей заметны воронки, следы старых грабительских раскопок. Два кургана разрыты кладонскаателями. Малая величина насыпей указывает на их относительно позднюю дату, что подтвердилось при раскопках кургана II (диаметр 6 м, высота 0,4 м), расположенного в северной части курганной группы. В середине его — воронка диаметром 1,5 м, глубиной 0,1 м. В центральной части кургана находился слой красноватого, как бы прокаленного суглинка толщиной до 0,2 м, над которым и в котором встречено небольшое коли-

⁴ Г. Старцев. Остяки. М., 1928, стр. 122.

⁵ Там же, стр. 128.

⁶ Там же, стр. 126.

⁷ В. Н. Чернецов. Представления о душе у обских угров. «Труды ИЭ», новая серия, т. 1, 1959, стр. 151.

⁸ Г. А. Хлебникова. Еще одна находка болгарских ювелирных изделий. СА, 1963, № 1, стр. 308.

⁹ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье..., табл. XXVIII, 3, 5; XLI, 8, 12.

¹⁰ Э. А. Савельева. Средневековые могильники на р. Выми. АЭБ, т. II. Уфа, 1964, рис. 2—3.

¹¹ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье..., табл. XXVIII, 13; XLIV, 19.

¹² Там же, табл. XXVIII, 2, 4.

¹³ В. А. Моцильников. Исследование Малотобединских курганов. КСИА, вып. 120, 1969, рис. 36, 1.

чество мелких углей. Этот слой лежал на погребенной почве и, очевидно, перекрывал погребение. В насыпи на слое суглинка находилась нижняя челюсть лошади. В середине слой суглинка был прорезан грабительским прокопом, который почти полностью разрушил погребение. Сохранившиеся в первоначальном положении берцовые и голенистые кости дают основание полагать, что погребенный, ориентированный головой на северо-запад, лежал вытянуто на спине, на 5 см ниже уровня древнего горизонта. У ног его — раздавленный глиняный сосуд, орнаментированный пояском ямок вдоль венчика, а также отпечатками зубчатого и S-видного штампа (рис. 32, 3). Вблизи сосуда находились железные удила с кольчатыми псалями, характерными для VII—VIII вв.¹⁴, которые датируют этим временем рассматриваемый курган. Другие Утузские курганы, вероятно, одновременно раскопанному.

Сравнение материала и обряда погребения курганов у деревень Утьма, Кип и Утузы указывает на их значительное сходство. Характерны небольшие насыпи с погребениями, располагающимися вблизи уровня горизонта или в неглубоких ямах, доходящих до уровня материка. В насыпях — мелкие угольки, кости лошади (Утьма, Утузы). Погребения сопровождаются глиняными сосудами, предметами вооружения, конского снаряжения и украшениями. По характеру погребального обряда и инвентаря описанные курганы сближаются с другими курганами южной части лесной полосы Западной Сибири — Аксеновскими, Эбаргульскими, Малотебенинскими и др.¹⁵, которые относятся к южному, аксеновскому, варианту нижеобской культуры. Последний отличается от северного, китусовского, курганным обрядом погребения, значительной ролью скотоводства в хозяйстве и некоторыми другими особенностями при очевидной близости в формах и орнаментации ведущих типов керамики¹⁶, свидетельствующих об общих основных генетических корнях племен северного и южного вариантов нижеобской культуры.

Распространение курганного обряда погребения у южной группы племен нижеобской культуры объясняется, по-видимому, влиянием племен лесостепи. Не исключено, что в состав населения нижеобской культуры во второй четверти I тысячелетия н. э. вошла какая-то группа населения саргатской культуры, для которой характерен курганный обряд погребения. В процессе ассимиляции этой группы населения продвигавшиеся на юг около середины I тысячелетия н. э. нижеобские племена восприняли ее ритуал погребения под курганами и сохранили его до начала II тысячелетия. Такое смешение, вероятно, благоприятствовало развитию скотоводства у племен южной части прииртышской тайги, значительная роль которого в хозяйстве на материале рассматриваемых курганов документируется находками костей головы лошади и насыпи и удила в погребении.

Находки в кургане у дер. Кип своеобразных птицевидных изображений (рис. 33, 9—15) и шумящих подвесок с неоспоримостью свидетельствуют о существовании в лесном Прииртышье XI—XII вв. своего бронзолитейного производства, утраченного в последующий период. Находки болгарских трехбусиных серебряных височных колец вкуче с болгарской серебряной бусиной с зернью в кургане XI—XIII вв. у дер. Большие Мурлы Большереченского р-на Омской обл.¹⁷ и ранее известными местонахождениями позволяют считать, что ареал серебряных украшений славянского и болгарского производства в домонгольское время ох-

ватывал всю территорию лесного Прииртышья и Нижнего Приобья вплоть до Ямала (р. Сын)¹⁸, заходя даже в лесостепь (Б. Мурлинская находка). При этом на некоторых памятниках импортные славянские и болгарские вещи представлены в нескольких экземплярах¹⁹. Такое широкое распространение предметов славянского и болгарского импорта в Нижнем Обь-Иртышье объясняется не только опосредованными связями племен Приобья, но и непосредственной торговлей русских и, возможно, болгарских купцов с Зауральской Югрой, о походах в которую повествуют русские летописи.

Рассмотренные курганы, по-видимому, хронологически следуют друг за другом. Наиболее поздним представляется курган у дер. Кип, датированный XI—XII вв. Слабо орнаментированная и более грубая керамика, возможно, свидетельствует об упадке керамического производства. Ему предшествует курган у дер. Утьма, датированный скорее всего IX—X вв., поскольку по богатству орнаментации сосуд из этого кургана (рис. 32, 2) напоминает сосуды с богатой орнаментацией Малотебенинского кургана IX—X вв.²⁰ Здесь же представлены бронзовые браслеты с несомкнутыми концами, подобные утьминскому²¹. Наиболее ранним является курган Утузского могильника, датированный удилами VII—VIII вв. Представленный здесь глиняный сосуд с S-видным штампованным орнаментом и примыкающими друг к другу горизонтальными оттисками гребенки несет черты, характерные для потчеварской керамики VI—VIII вв., которая представлена и на Петровском городище.

Петровское городище расположено в 3 км к северо-западу от дер. Петрово Тевризского р-на, в 150 м к северо-востоку от шоссе Тевриз — Усть-Ишим, на мысовидном выступе террасы левого берега Иртыша, возвышающемся над поймой на 10—12 м. Подтреугольная площадка городища размером около 1600 кв. м с napольной части защищена валом длиной 55 м, высотой до 3 м и рвом глубиной до 0,6 м. В середине ров имеет перемышку шириной около 4 м, а вал — соответствующую выемку на месте когда-то бывшего здесь проезда на городище. Конец мыса для укрепления более пологого спуска по стрелке перерезан рвом.

Разведочный раскоп вблизи конца мыса площадью 20 кв. м выявил наличие культурного слоя мощностью до 0,6 м, весьма обильно насыщенного материалом с керамикой, костяными черешковыми наконечниками стрел, глиняным пряслицем, остатками металлургического производства в виде шлака, рюмковидным глиняным тиглем, обломками лячек (рис. 34, 8), костей животных и рыб. Керамику городища характеризуют фрагменты круглодонных горшковидных сосудов (рис. 34, 1—7) с плоско срезаемым венчиком, высокой почти прямой шейкой, переходящей в слегка раздутое тулово (рис. 34, 1—5). Располагающийся по шейке и отчасти плечикам орнамент состоит из полос почти вертикальных или слегка наклонных оттисков гребенчатого или реже — гладкого штампа, разделенных горизонтальными каннелюрами, образованными протягиванием гребенки (рис. 34, 1, 3) или конца палочки (рис. 34, 2). Иногда зоны зубчатого штампа сочетаются с зонами оттисков ромбического (рис. 34, 4, 5) и других фигурных штампов. Независимо от вида орнаментальной композиции вдоль венчика идет поясчок ямок. Чашевидные сосуды не имеют четко выраженного перехода от шейки к плечикам и орнаментированы по сравнению с горшками более бедно оттисками гребенчатого штампа, горизонтальных каннелюр (рис. 34, 6), а иногда только пояском ямок (рис. 34, 7).

¹⁴ А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, рис. 37; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, табл. IX, 8.

¹⁵ В. А. Мозильников. Культура племен лесного Прииртышья IX — начала XIII в. н. э. УЗПГУ, № 191, Пермь, 1968, рис. 5.

¹⁶ Там же, стр. 277.

¹⁷ Раскопки автора 1969 г.

¹⁸ В. Мивинава. Новые поступления с р. Сын (Западная Сибирь). СГЭ, т. XIII. Л., 1958, стр. 58.

¹⁹ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье..., табл. XXX, 1—3, 9—11; XLII, 2, 3.

²⁰ В. А. Мозильников. Исследование Малотебенинских курганов, рис. 36.

²¹ Там же, рис. 36, 2—4.

Рис. 34. Керамика Петровского городища (1—7) и фрагмент льячки (8)

Керамика Петровского городища имеет аналогии в материале городищ лесного и лесостепного Прииртышья и Пришимья VI—VIII вв. н. э. — средневековом комплексе городища Потчеваш²², Мурлинском, Логиновском городищах²³ и других памятниках. На Потчевашском городище встречены рюмковидные тиглы и льячки, подобные найденным на Петровском городище, а также близкого типа костяные наконечники стрел с асимметричными шипами²⁴. Приведенные аналогии позволяют относить Петровское городище к потчевашской культуре, хорошо датированной VI—VIII вв. комплексом материала из Мурлинского городища. Ареал этой культуры пока не достаточно определен. Ориентировочно на севере она включала Нижнее Прииртышье и вряд ли шла дальше устья Иртыша, где соприкасалась с памятниками оронтурского этапа нижнеобской культуры. На северо-западе в ареал этой культуры входят, очевидно, памятники Нижней и Средней Тавды с посудой, напоминающей посуду Потчевашского²⁵ и Логиновского²⁶ городищ. На Туре, в районе Тюмени, некоторые пот-

²² В. И. Мошинская. Городище и курганы Потчеваш. МИА, № 35, 1953, табл. II, 7; IX.

²³ А. С. Чагаева. Мурлинское городище и его датировка. «Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска», т. 2. Томск, 1968, стр. 193; В. Ф. Генинг, В. В. Евдокимов. Логиновское городище. ВАУ, вып. 8, Свердловск, 1969, табл. 56—59.

²⁴ В. И. Мошинская. Городище и курганы Потчеваш, табл. XIV, X, 2.

²⁵ Там же, стр. 218.

²⁶ В. Д. Викторова. Памятники лесного Зауралья в X—XIII вв. н. э. УЗПГУ, № 191. Пермь, 1968, стр. 248.

чевашские черты в виде орнаментации посуды фигурами, штампами и горизонтальными каннелюрами представлены в Перейминском могильнике²⁷, но своеобразие этой керамики, проявляющееся, в частности, в наличии шпуровой орнаментации, не позволяет включать памятники Тюменского района в ареал потчевашской культуры.

На юге потчевашские памятники представлены в лесостепи Прииртышья и Пришимья (городища Сперановка, Большой Лог, комплексы керамики VI—VIII вв., Логиновское городище). Отдельные находки керамики потчевашского типа известны в Павлодарской области²⁸.

На востоке потчевашские племена, по-видимому, распространялись до водораздела Иртыша и Оби, где граничили с древнеселькупскими племенами релкинской культуры. На юго-востоке потчевашская керамика имеется на Средней Оми в материале Преображенского городища²⁹. В очерченном ареале плотность и длительность обитания потчевашского населения была неравномерной. Основной территорией его расселения было тарско-тобольское Прииртышье, где представлены определяющие памятники этой культуры (городища Мурлинское и Потчеваш), характеризующиеся довольно мощным и насыщенным культурным слоем, материал которого демонстрирует своеобразие данной культуры. В VI—VII вв. племена потчевашской культуры продвигаются далеко на юг в опустевшую в эпоху переселения народов лесостепь. Однако в отличие от поселений лесостепи относительно бедны находками, культурный слой тонкий, что указывает на кратковременность обитания здесь пришедших с севера этнических групп, которые в VIII—IX вв. постепенно попадают в сферу тюркской экспансии и ассимилируются тюрками.

²⁷ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье..., табл. XIV, 3.

²⁸ «Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960, табл. IV, 128.

²⁹ Колл. Омского музея. Раскопки В. П. Левашевой.

Т. Н. ТРОИЦКАЯ
ПОЯСА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ
НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ II—IV ВВ. Н. Э.

Население Новосибирского Приобья в первой половине I тысячелетия н. э. имело своеобразные пояса, в состав которых входили железные или бронзовые прямоугольные пластины. Они хорошо прослеживаются в ряде курганов могильников Юрт-Акбалык-8 (раскопки 1963 г.) и в кургане 7 памятника Красный Яр-1 (раскопки 1960 г.), расположенных в Кольванском р-не, на левом берегу р. Уень (левая протока Оби).

Все эти курганы — небольших размеров, могилы углубляются в материк на 10—25 см. Скелеты лежали головами на восток и северо-восток, на спине в вытянутом положении, иногда со слегка согнутыми в коленях ногами. В могильнике Юрт-Акбалык-8, где раскопано 18 рядовых могил, пластины, встреченные в семи погребениях, были железными; в более богатой могиле кургана 7 у Красного Яра — бронзовыми¹. Из этих погребений четыре были мужскими, в четырех других из-за плохой сохранности скелетов пол не определен.

Все пластины найдены в области пояса или таза. Число их различно. В курганах 1, 5 и 11 оно колебалось от 1 до 3 (рис. 35, 1, 3, 6), в кургане 2 встречено более 10 пластинок (рис. 35, 5), в кургане 8 — 16 штук (рис. 35, 8), в кургане 14 — около 20 (рис. 35, 13), в кургане 17 — только 4 (рис. 35, 14), а в кургане 7 Красного Яра — 12 (рис. 36, а—в). Размеры их неодинаковы. Ширина колеблется от 2 до 3 см, длина — от 3 до 5. Пластины могли прикрепляться к ремню продольно (рис. 36) и поперечно (рис. 36, е). В Красном Яру под бляхами сохранились остатки ремня, укрепленные берестой. Видимо, это были широкие твердые пояса, предназначенные для стягивания толстой верхней зимней одежды.

По бронзовым пластинам можно восстановить способ их прикрепления к ремню: пластинки имели по два-три острых шпенька длиной в 2—3 мм, которые и входили в ремень. На ряде железных пластинок (рис. 35, 5, 8, 14) видны следы бронзовых заклепок, вероятно остатков таких же шпеньков. В состав двух поясов помимо прямоугольных пластинок входили овальные прорезные железные бляхи (три и одна) для подвесных ремешков и один железный крючок (рис. 35, 9, 10, 15). Пластины из Красного Яра украшены 2—4 выпуклинами. Пластинка из кургана 5 имеет закругленный край и, видимо, является конечной (рис. 35, 6).

Погребения с пластинчатыми поясами датируются стрелами и пряжками, стягивающими, вероятно, нижнюю одежду. Маленькие пряжки с подвижным шпеньком встречаются в могилах по одной (рис. 35, 11, рис. 36)

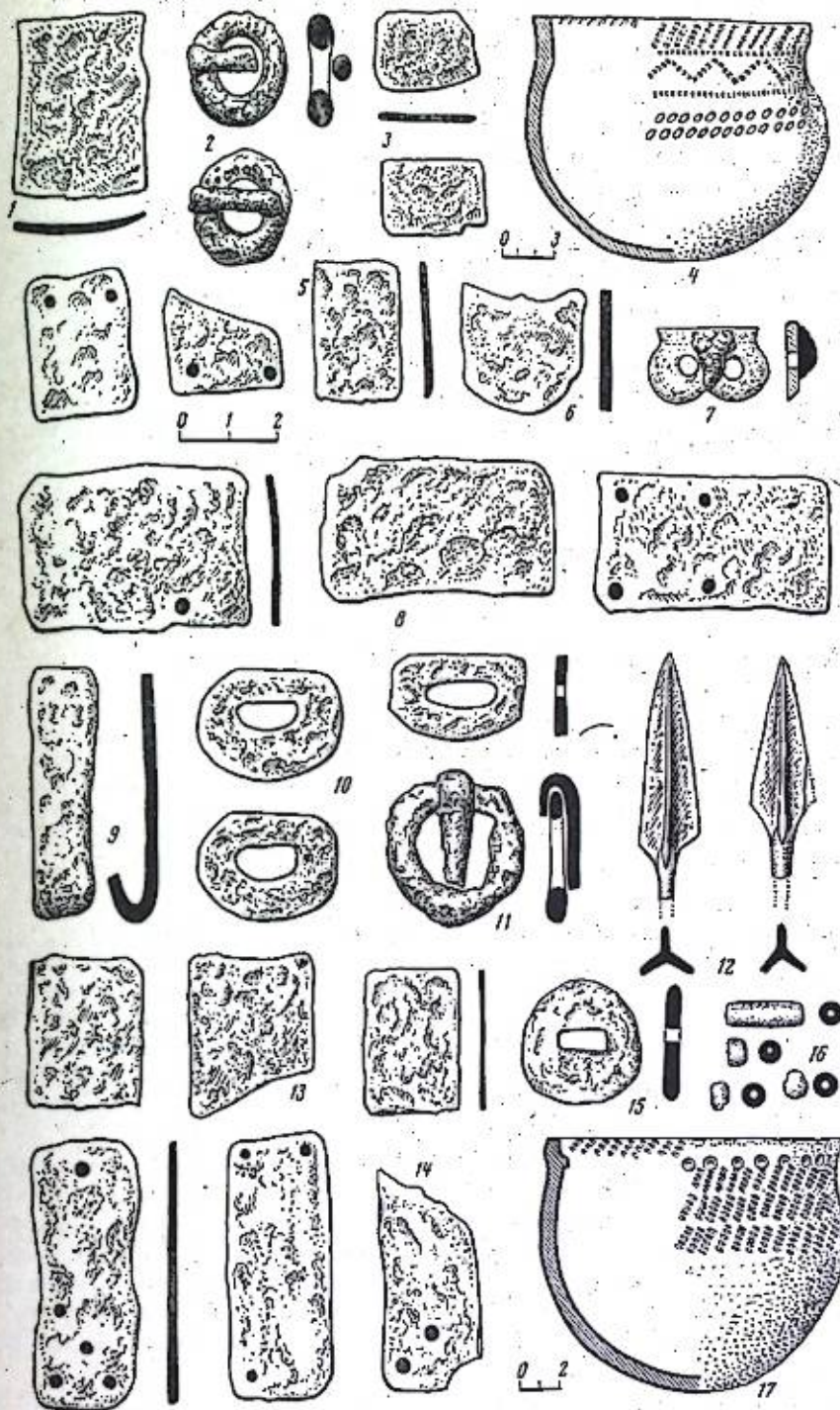

Рис. 35. Находки из курганов могильников Юрт-Акбалык-8

1—2 — курган 1; 3, 4 — курган 5; 5 — курган 2; 6—7 — курган 11; 8—12 — курган 8; 13 — курган 14;
14—17 — курган 17, могила 2; 1—3, 5, 6, 8—15 — железо; 7 — бронза и железо; 4, 17 — керамика;
16 — позолоченное стекло

¹ Т. Н. Троицкая. К вопросу о культе медведя в Приобье. «Изв. СО АН СССР», т. 9, серия обществ. наук, вып. 3. Новосибирск, 1963, стр. 62, рис. 3.

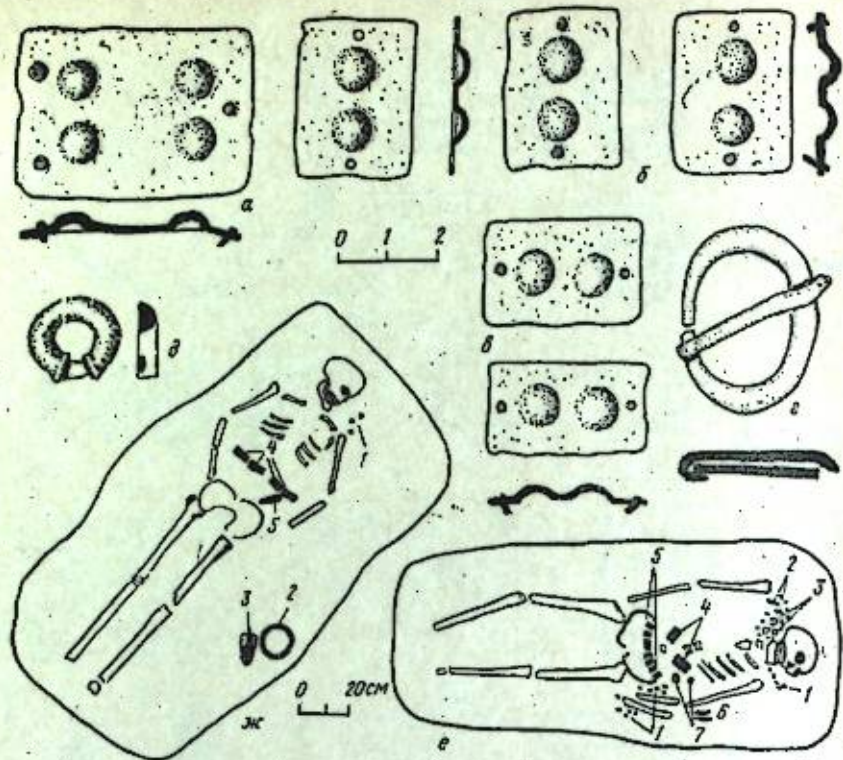

Рис. 36. Красный Яр-1 (бронза)

а, б, в, г, д — курган 7; е — план могил кургана 7 (1 — бронзовые бусы, 2 — бронзовые пронизы, 3 — перстни и серьга бронзовые, 4 — пряжки с изображением медведей, 5 — поясные пластины, 6 — железные изделия); ж — план могил 2 кургана 17: Юрт-Ахбалык-8 (1 — стеклянные позолоченные бусы, 2 — сосуд, 3 — железный топор, 4 — поясные пластины, 5 — железные изделия)

и по две (рис. 35, 2). Подобные пряжки характерны для первых веков н. э. Они известны в единичных могилах Верхнего Приобья, в погребениях II—IV вв. Бирского могильника, в таштыкских могилах того же времени, в Сайгатском могильнике и в более раннем Тулхарском². В Козловском могильнике, датируемом В. Н. Чернецовым IV—V вв., такие пряжки обычно встречались парой³. В комплексах VI в. н. э. позже подобные пряжки встречаются реже.

Маленькая бронзовая В-образная пряжка из кургана II имела несохранившийся железный подвижной шпенок (рис. 35, 7). Ей близки пряжки из Бахмутинского могильника: А. П. Смирнов указывает, что они характерны для IV—V вв. н. э.⁴ В Изыском чаа-гаче III в. н. э. также известны пряжки с изогнутой бронзовой дужкой и железным подвижным шпеньком⁵. Овальная бронзовая пряжка с несомкнутыми концами и хоботовидным шпеньком, без обоймы для прикрепления ремня (рис. 36)

² М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, 1956, табл. XLII, 6; XLV, 28, 29; Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968, табл. 5, 1—9; А. Р. Кыласов. Таштыкская эпоха. М., 1960, стр. 80, рис. 28, 24; В. Е. Стоянов. Сайгатский могильник. ВАУ, вып. 4, Свердловск, 1962, стр. 128, рис. 51, 52; А. М. Манделштам. Кочевники на пути в Индию. МИА, № 136, 1966, табл. XLIV, 3; В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, № 58, 1957, стр. 164, 265, табл. XI, 6, 7.
³ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. МИА, № 58, 1957, табл. VI.
⁴ А. Р. Кыласов. Указ. соч., стр. 38, рис. 9, 2.

аналогична пряжкам из Азелинского могильника (III—IV вв., по В. Ф. Генингу)⁶.

В кургане 8 найдены железные черешковые трехперые наконечники стрел длиной в 4 и 5 см (рис. 35, 12). Аналогии из Ближних Елбац и Таласской долины⁷ датируют их II—IV вв. Не противоречат этой дате и сосуды из курганов 5 и 17 (рис. 35, 17), типично одинцовские и по своей форме, и по орнаментации⁸.

Таким образом, основные аналогии инвентаря разрешают датировать пояса II—IV вв., возможно, что они доходят и до V в. н. э. Подобный пластинчатый пояс найден в могиле одинцовского периода на Верхней Оби⁹.

Все это говорит о том, что население Новосибирского Приобья носило наборные пояса с крупными прямоугольными пластинами и подвесными ремешками, которые в иных случаях продергивались через отверстие в поясе, оправленное полуовальными прорезными бляхами. Появившиеся в Южной и Западной Сибири в IV—VII вв. наборные пояса с фигурными бляшками¹⁰ вытеснили бронзовые и железные пластины.

⁶ В. Ф. Генин. Азелинская культура. ВАУ, вып. 5. Ижевск, 1963, табл. XXIII, 9, 10.
⁷ М. П. Грязнов. Указ. соч., табл. XXXVIII, 14; XLII, 1—3; С. С. Сорокин. О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 12, рис. 2.
⁸ М. П. Грязнов. Указ. соч., табл. X.
⁹ Там же, табл. XXXIX.
¹⁰ А. А. Гаврилова. Могильник Кудымгэ. М.—Л., 1965, табл. XXXI, 22, 24.

И. Т. КРУГЛИКОВА

ГОРОДИЩЕ ЕМШИ-ТЕПЕ
В СЕВЕРНОМ АФГАНИСТАНЕ

Бактрия была основным ядром Кушанской империи. Обосновавшись на ее территории, кушане распространили затем свои владения далеко за ее пределы, подчинив своей власти не только центральные области Средней Азии, но и юго-восточные территории, вплоть до рек Ганга и Нарбады. Ученых давно интересовала роль Греко-Бактрии в формировании культуры кушанской державы, особенно много споров вызывал вопрос о ее роли в формировании гандхарского искусства. Ответить на этот вопрос можно было только с помощью археологических раскопок.

В северной Бактрии (на территории южных областей Узбекистана и Таджикистана) советскими археологами открыто много памятников кушанского времени¹. Среди них есть большие города, городища средних и небольших размеров, сельские поселения², монастыри³ и могильники⁴. Многие из них систематически раскапываются, и полученные материалы подвергаются строгой научной обработке.

Иначе обстоит дело с изучением кушанских памятников левобережной Бактрии. Еще в XIX в. иностранные и русские путешественники обращали внимание на сохранившиеся в Северном Афганистане развалины городов и другие древние сооружения⁵. В начале 20-х годов XX в. французская археологическая делегация в Афганистане начала раскопки столицы Бактрии в г. Балхе⁶. Позднее французские археологи проводили

¹ См. карту расположения памятников кушанского времени в сб.: «История таджикского народа», т. I. М., 1965, стр. 360; литература о раскопках — там же, стр. 540—549; а также: Э. Я. Юркевич. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии. СА, 1965, № 4, стр. 158 сл.; Л. И. Альбаум. Городище Дальверзин-тепе. ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1966, стр. 47 и сл.; Г. А. Пуляченко. Халчаян. Ташкент, 1966; она же. Новое в изучении Дальверзин-тепе. СА, 1971, № 4, стр. 186 сл.; Б. А. Литвинский, Х. Мухитдинов. Античное городище Саксанохур. СА, 1969, № 2, стр. 160 сл.

² Э. Я. Юркевич (указ. соч., стр. 166 и литература по вопросу) выделяет три типа поселений.

³ Б. Я. Ставиский. Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь. М., 1970.

⁴ О публикациях материалов раскопок городищ и могильников кушанского времени см.: Б. Я. Ставиский, Б. И. Вайнберг, Н. Г. Горбунова, Э. А. Новгородова. Советская археология Средней Азии и кушанская проблема «Аннотированная библиография», т. 1—2. М., 1968; М. М. Дьяконов. Работы кафирниганского отряда. МИА, № 15, 1950, стр. 147 сл.; Э. Гулямова. Раскопки на Душанбинском некрополе. «Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Тадж. ССР», вып. 3. Душанбе, 1958, стр. 30 сл.

⁵ Н. И. Городеков. Через Афганистан. Путевые заметки. СПб., 1880; И. Л. Яворский. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг., т. I—II. СПб., 1882—1883; J. Wood. A Journey to the Source of the River Oxus. London, 1872.

⁶ A. Foucher. La Délégation archéologique française en Afghanistan. CRAI, 1927, p. 117; он же. La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila. MDAFA, t. I. Paris, 1942;

небольшие раскопки на других памятниках кушанского времени Северного Афганистана: на городище Шар-и-Бану и на Закер-тепе к северу от г. Таш-Курган⁷, в 1945 г. они заложили разведочные шурфы на Тепе-Нимлик, где ранее была найдена греческая надпись на черепке⁸. Особенно важное значение имеют раскопки Д. Шлюмберже в Сурх-Котале⁹. Американская археологическая экспедиция под руководством Р. Юнга провела небольшие зачистки крепостной стены в г. Балхе¹⁰. Ряд памятников кушанского времени раскапывались в г. Кундузе и его окрестностях¹¹.

Небольшие разведочные маршруты провели английская экспедиция Е. Бужера и Ф. Райта¹², индийская миссия во главе с Р. М. Уиллером¹³ и японская археологическая экспедиция Киотского университета¹⁴. В настоящее время успешно раскапывает греко-бактрийский город Ай-Ханум, расположенный в месте впадения р. Кокчи в Пяндж, французская археологическая делегация в Афганистане во главе с П. Бернаром¹⁵. Однако пока там не обнаружено слоев позднее I в. до н. э.⁶

Археологические разведки на территории левобережной Бактрии проводились на сравнительно небольшом участке обширной территории Северного Афганистана. Датировка многих кушанских памятников, основанная главным образом на подъемном материале, не всегда убедительна. Описания открытых разведками памятников слишком кратки, чтобы можно было составить себе о них полное представление. Раскопки их тоже носили в основном разведочный характер.

Могильников кушанского времени в левобережной Бактрии не исследовали совсем.

Нельзя между тем упускать из виду, что для изучения истории Бактрии необходимо одинаково интенсивное исследование обеих ее частей, расположенных к северу и к югу от р. Пяндж. К тому же, поскольку археологическое изучение столицы Бактрии затруднено из-за многослойных напластований средневекового времени, необходимо обратить особое внимание на памятники, находящиеся поблизости от г. Балха. Учитывая это, Советско-Афганская экспедиция начала свои работы в районе между городами Балхом и Шеберганом. В 1969 и 1970 гг. одновременно с разведочными работами на этой территории экспедиция проводила раскопки кушанского города Емши-тепе, расположенного в 4 км к северо-

D. Schlumberger. La Délégation archéologique à Bactres (1947). MDAFA, t. XV. Paris, 1957, p. 9—13.

⁷ J. Carl. Fouilles dans le site de Shahr-i-Banu et sondages au Zaker-Tépe. MDAFA, t. VIII. Paris, 1959, p. 59.

⁸ J. C. Gardin. Céramiques de Bactres. MDAFA, t. XV, p. 10, 11, 112, 113.

⁹ D. Schlumberger. The Excavation at Surkh Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India. «Proceedings of the British Academy», vol. XLVII. London, 1961, p. 77—95.

¹⁰ R. Young. The South Wall of Balkh-Bactra. AJA, t. 59, N 4, 1955, p. 267.

¹¹ J. Hachin. Fouilles de Kunduz. MDAFA, t. VIII. Paris, 1959, p. 19, 21; S. Mizuno. Durmen Tepe and Lama. Kyoto, 1968, p. 93—108; K. Fischer. Preliminary remarks on archaeological survey in Afghanistan. «Zentralasiatische Studien», Wiesbaden, 1969, p. 349; он же. Gandharan sculpture from Kunduz and environs. «Artibus Asiae», t. 21; он же. Preliminary notes on some ancient remains at Qunduz. «Afghanistan», vol. 16, N 1 Kabul, 1961.

¹² E. Barger. Exploration of Ancient Site in Northern Afghanistan. «Geographical journal», vol. XCIII, N 5, London, 1939, S. 377; E. Barger and Ph. Wright. Excavations in Swat and Explorations in the Oxus Territories of Afghanistan. MASI, N 64. Calcutta, 1941.

¹³ R. E. M. Wheeler. Archaeology in Afghanistan. «Antiquity», vol. XXI.

¹⁴ «Haibak and Kashmir-Smast». Kyoto University, 1962.

¹⁵ P. Bernard, D. Schlumberger. Première campagne de fouilles d'Ai Khanum. CRAI, 1966, p. 127; он же. Ai Khanum on the Oxus: a Hellenistic City in Central Asia. «Albert Reckitt Archaeological Lecture British Academy». London, 1967. См. также ежегодные публикации отчетов в CRAI за 1967—1971 гг.

¹⁶ P. Bernard. La campagne de fouilles de 1970 à Ai Khanum. CRAI, 1971, p. 452.

татков стен, зольников, кирпичных и глинобитных полов. Благодаря тому, что раскоп частично находился на склоне небольшого всхолмления, где напластования более поздних периодов оказались смытыми, удалось углубиться ниже горизонта последнего периода по времени строительного периода и обнаружить еще четыре ниже лежащих строительных горизонта. Таким образом, были открыты остатки пяти строительных периодов.

К верхнему из них относилось помещение 1 (рис. 37). Оно имело форму не совсем правильного прямоугольника. Длина его около 6 м, ширина около 4 м. Стены сохранились в высоту от 0,1 до 0,9 м. Они сложены из сырцовых кирпичей размером $0,38 \times 0,38 \times 0,10$ м. Обе стороны стен были покрыты глиняной обмазкой из смеси глины с соломой. Основания стен лежат на кирпичных стенах предшествующего строительного периода. Толщина стен 1—1,15 м. От среднего помещения 2 сохранилась только одна стена, пристроенная с юга к южной стене помещения 1. Непосредственно под нижними кирпичами этой стены лежала глиняная труба диаметром 0,15 м с одного конца и 0,19 м с другого. Труба лежала перпендикулярно стене, над ее западным концом находился обожженный кирпич, уходящий под стену, но с противоположной стороны стены над трубой кирпича не было. В помещении 1 прослежены два уровня глинобитных полов. В обмазку верхнего пола входила известковая крошка, благодаря чему пол имел беловатый оттенок. Под слоем обмазки верхнего пола в западной части помещения лежал плотный слой строительного завала, а в восточной — зольник.

Второй уровень пола находился на 0,4 м ниже первого (рис. 38). Он относится уже ко второму строительному периоду. Ко времени существования помещений 1 и 2 относится хозяйственная яма конусовидной формы. Диаметр ее по дну 2 м. К горлу яма сужалась, но горловина ее обрушилась. В яме найдены обломки большого гончарного сосуда, светлоангобированного, с малозаметными вертикальными вдавлениями, опоясывающими его тулово. На верхнем полу помещений и в слое над ним — обломки кувшинов и мисок с поверхностью, покрытой белым ангобом, края кубков, обломки бокалов, покрытых красным лощением, обломки сероглиняных мисок с черным покрытием и куски лепных горшков.

Ко второму строительному периоду относятся две стены и кирпичная вымостка, уровень которой соответствует уровню глинобитной обмазки пола второго строительного периода, открытого внутри помещения 1. При расчистке пола и кирпичной вымостки второго строительного горизонта найдены обломки кувшинов с красноангобированной и с белоангобированной поверхностью, части сероглиняных мисок, обломки бокаловидных сосудов из серой глины и из розовой глины с красным ангобом, край сероглиняной тарелки, сосуды баночной формы с белым ангобом, части лепных горшков и т. д.

К третьему строительному горизонту относятся две пахсовые, две кирпичные (сырцовые) кладки и глинобитный пол 3. Кирпичи стен имеют размеры $0,38 \times 0,38 \times 0,1$ м и $0,4 \times 0,4 \times 0,1$ м. Они лежат вперевязку, швы между ними заполнены глиной, толщина швов 0,05 м. Стены были покрыты обмазкой из глины с примесью рубленой соломы. Под 3 лежит на 0,4 м ниже пола второго строительного горизонта. Пол глиняный. Сохранилась его обмазка толщиной до 0,12 м. В пол были вмазаны два хума. Их верхние части отбиты до уровня пола. Диаметр сохранившейся части у одного из них 0,34 м, у другого — 0,42 м. Глубина дна первого хума 0,55 м, глубина второго 0,44 м. При расчистке пола был найден кусок цемьянки — известь с шамотом и толчеными камнями. Из такого типа цемьянки в греческих городах Северного Причерноморья изготовляли давяльные площадки и цистерны виноделен.

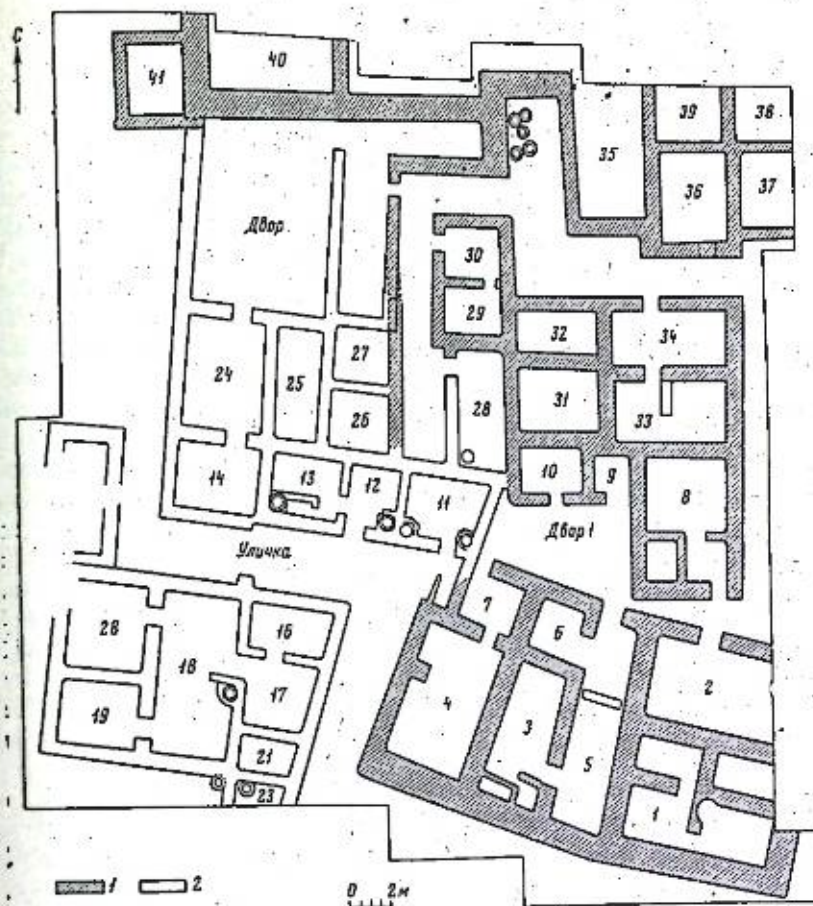

Рис. 39. План раскопа IV на городище Еми-тепе

1 — стена первого и второго строительных горизонтов; 2 — стена третьего строительного горизонта

Рис. 40. Общий вид раскопа IV городище Еми-тепе

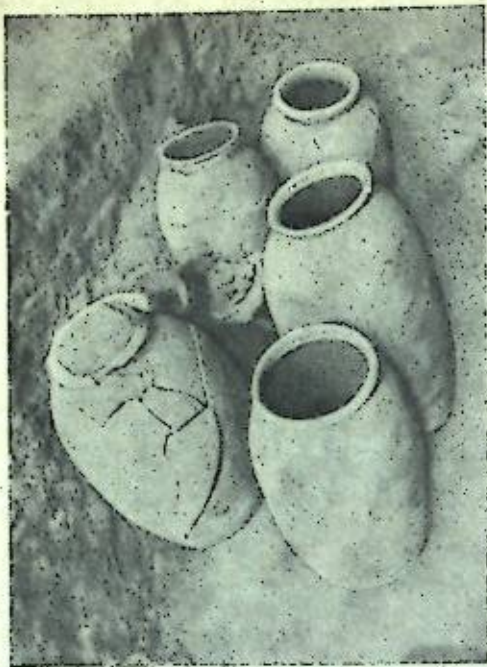

Рис. 41. Хумы

Среди керамики с пола 3 встречены донья больших хумов и хумчей, обломки сероглиняных мисок с черной обмазкой и без нее, обломки розовоглиняных мисок с красным ангобом и без него, обломки белоангобированных и неангобированных кувшинов, край бокала с красным ангобом. В слое глиняной обмазки найдена статуэтка лошади, подобная встреченным в вышележащих слоях. На полу 3 около одной из стен стояли два известняковых и один глиняный «алтарики». Подобные им находили во многих поселениях античного времени на территории Средней Азии¹⁸. С этим слоем связаны и зольники, обнаруженные в юго-восточной части раскопа. На уровне пола и в зольниках найдены обломки бокалов и край сосуда баночной формы с резным орнаментом.

К четвертому, самому нижнему из открытых, строительному горизонту принадлежат пахсовая стена и пол — 4-кирпичная вымостка. Вымостка из одного слоя кирпичей, их размеры: $0,4 \times 0,4 \times 0,1$ м и $0,2 \times 0,2 \times 0,1$ м. Под вымосткой лежит слой зольника. Наибольшая глубина раскопа 1—3,7 м. На этой глубине обнаружены два хума, врытые в землю. Они, по-видимому, относятся уже к пятому строительному горизонту, который не вскрывался. Небольшие участки, на которых обнаружены остатки четвертого и пятого строительных горизонтов, не позволяют с уверенностью определить их дату.

На глубине 3,7 м была найдена сероглиняная мисочка с круглым углублением в центре, какие встречались в Ай-Ханум. Отдельные находки греко-бактрийского времени обнаружены в вышележащих горизонтах. Так, на глубине 1,95 м найден обломок рельефной чаши, напоминающей так называемые мегарские чаши, на глубине 1,4 м — бронзовый трехперый лавролистный наконечник стрелы и терракотовая женская статуэтка античного типа. Рядом с этим раскопом у подножья холма был заложен стратиграфический шурф, показавший, что мощность культурного слоя в этой части городища достигает 8,5 м.

К югу от данного раскопа, на соседней холмовидной возвышенности в 1970 г. был разбит еще один раскоп — IV (рис. 39) общей площадью 1,225 кв. м. Здесь были вскрыты 41 помещение, 3 двора и часть улицы, разделявшей два жилых комплекса. Эти комплексы состоят из отдельных жилых блоков, включающих хозяйственный двор, кладовые, хозяйственные и жилые помещения (рис. 40). Были прослежены два строительных горизонта. При этом во многих случаях стены верх-

¹⁸ М. М. Дьяконов. Археологические работы на нижнем течении рек Кафирнигана (Кобадан) 1950—1951 гг. МИА, № 37, 1953, стр. 284, рис. 20, табл. XII, 63; Г. А. Пугаченкова. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана. «Труды Термезской археологической комплексной экспедиции», т. II. Ташкент, 1945, стр. 78.

него строительного горизонта стояли непосредственно на стенах предшествующего периода. Размеры кирпичей сырцовых стен верхнего строительного периода $0,38 \times 0,38 \times 0,10$ м, тогда как нижний ярус стен сложен из сырцовых кирпичей $0,40(42) \times 0,40(42) \times 0,10$ м. Некоторые из стен сложены из пахсовых блоков. Внутри многих помещений имелись своеобразные очаги, сделанные из хумов, обложенных вертикально стоящими кирпичами. При этом пространство между хумами и кирпичами было заполнено золой.

В одной из кладовых на полу стояли пять больших хумов (рис. 41). Самый большой из них имел высоту 1,2 м и диаметр устья 0,5 м, самый маленький — высоту 0,85 м, диаметр устья 0,35 м. В юго-восточном углу раскопа в помещении 1 была найдена неглубокая яма с многочисленными кусками меди, медными шлаками и угольками. Перед ней — скопление золы с угольками¹⁹. Можно предположить, что здесь жил ремесленник, изготавливавший медные изделия. В других помещениях находили большое число глиняных и алебастровых пряслиц²⁰, часто встречающихся на городищах кушанского времени²¹, много бытовой керамики, среди которой наиболее распространены кувшины, миски, чаши, горшки; встречаются сосуды баночной формы, тарелки, бокалы и др. Большинство керамики изготовлено с помощью гончарного круга, но имеются и лепные сосуды. Гончарные сосуды украшались различными горизонтальными валиками, желобками, волнистыми врезными линиями или процарапанными горизонтальными линиями. Все найденные на раскопе монеты относятся к кушанскому времени. В помещениях верхнего горизонта встречены глиняные статуэтки всадника, быка, собаки и лошади. Имеются обломки сосудов с росписями красной и черной красками²², куски каменных блюдец с резным орнаментом по краю. Среди находок — дно сосуда с рельефным медальоном в центре, имеющим аналогии среди позднеэллинистической и раннеримской керамики. На рельефе погрудное изображение девушки с длинными, спускающимися на плечи волосами и двумя выступами над висками.

К западу от раскопа IV и в 190 м к юго-западу от раскопа I находился раскоп II площадью 50 кв. м. Он был вскрыт на глубину 6,7 м, но до материка дойти не удалось. Строительные остатки верхнего горизонта обнаружены на глубине от 0,7 до 1,4 м. Глинобитные стены второго горизонта лежали на глубине от 2,4 м до 3,2 м. Между этими горизонтами лежит слой зольника и мусора. В нем найдены обломки 7 хумов. Один из хумов с плоским дном, с диаметром тулова 0,5 м был до половины заполнен известью с мелкой галькой. Среди керамики второго строительного горизонта имелись обломки бокаловидных сосудов, розовой и серой глины с черным покрытием и без него, обломки больших мисок с вертикальными бортиками, сероглиняных мисок с черным покрытием и с врезным кругом в центре, край красноглиняной миски с двумя рядами орнамента в виде волны, нанесенной острой палочкой по сырой глине на внутреннюю поверхность бортика.

В волнисто-гумусной прослойке, разделявшей второй и третий строительные горизонты, найдены обломки кубков, бокалов на ножках с перехватом, сероглиняных мисок, мисок розовой глины с профилированными краями и обломки стенок с врезной волной. На глубине 4,85 м найдено устье колодца, стенки которого выложены из сырцовых кирпичей; ширина его 0,6 м, глубина 1,4 м. К колодцу примыкал кирпичный пол.

¹⁹ И. Т. Круликова, В. И. Сарияниди. Указ. соч., стр. 164, рис. 5, 1.

²⁰ Там же, стр. 166, рис. 7, 3—5.

²¹ J. Carl. Sondages au Zaker-Terb. MDAFA, vol. VIII. Paris, 1959, p. 77, tabl. VI; Г. А. Пугаченкова. Халчали, стр. 95, рис. 62.

²² И. Т. Круликова, В. И. Сарияниди. Указ. соч., стр. 167, рис. 8, 1.

Г. А. БРЫКИНА
ГОРОДИЩЕ МАЙДА-ТЕПЕ

В связи со строительством Керкидонского водохранилища экспедиция Института истории АН Киргизской ССР под руководством Д. Ф. Винника, Государственного Эрмитажа и Ферганского краеведческого музея под руководством Н. Г. Горбуновой в течение пяти лет проводилось обследование археологических памятников Керкидонского оазиса.

Работы показали, что район был довольно плотно заселен в древности и что на большей части памятников жизнь прекратилась в середине I тысячелетия н. э. В районе открыты обширные неукрепленные поселения, хорошо укрепленные крепости (Мыкты-курган) и городища, окруженные валами.

На северо-восточной окраине кишлака Керкидон расположено городище и отдельные тепе. Эта группа памятников известна под названием Майда-тепе (мелкие тепе).

Городище имеет форму неправильного четырехугольника площадью 80×90 м, ориентированного углами по странам света. В восточном его углу находится цитадель усеченно-конической формы высотой около 7 м. Южная стена городища почти полностью распахана, восточная и западная стены имеют высоту до 1 м. Лучшей сохранилась северная стена, высота которой 2 м. Раскоп, заложенный на западной стене городища, показал, что она сложена из крупных бесформенных глиняных комков — гувалаков и кирпичей. Стена состоит из двух поясов — внутреннего и внешнего. Первый более поздний. Он сооружен на строительном мусоре, под которым лежит культурный слой. Внешний пояс также подстилает культурный слой. Толщина его не превышает 7—10 см. Городище, видимо, имело одни ворота, находившиеся в его северной стене. В южной части городища около стены — два овальных в плане холма. В западном углу городища поверхность довольно ровная, без всхолмлений.

Центр городища занимал большой четырехугольный в плане холм, ориентированный углами по странам света.

Восточную часть городища прорезала глубокая современная траншея; она, видимо, разрушила часть сооружения, скрываемого описанным холмом. На самом краю траншеи расположен большой холм подковообразной формы. Нам представлялось, что этот холм является восточной стеной здания, скрытого под центральным холмом. Раскопки, проведенные на этом участке в 1965 г., подтвердили это предположение. На северном углу холма открыта кладка из сырцовых кирпичей очень плохой сохранности. От этого холма по направлению к центральному идет стена, сложенная из крупных сырцовых кирпичей.

Раскопки показали, что холм заключал в себе большое здание, значительная часть которого была занята парадными помещениями (рис. 43). В южном углу здания располагался почти квадратный в плане зал площадью около 50 кв. м.

Вход в зал находился в северо-западном углу. Ширина дверного проема — 1,15 м. При зачистке пола в дверном проеме обнаружены деревянные бруски прямоугольного сечения, положенные вдоль северо-западной и северо-восточной стен. Один из них имеет прямоугольный паз. Видимо, оба бруска связаны с конструкцией двери и порога. Справа от двери вдоль всей северо-западной стены тянется суфа шириной 45—50 см, высотой 38—40 см. Около юго-западной стены расположена суфа длиной 4,4 м; ширина ее в южной части 68 см, в западной — 49 см, высота 60 см. Угол и край суфы скруглены.

В юго-восточной стене зала находилась ниша. Ее ширина 3,35 м, глубина — 2,40 м. Около ниши вдоль юго-восточной стены находится прямоугольное возвышение высотой 0,2 м; его длина 3,05, ширина 0,75—0,8 м.

Восточный угол зала занимает суфа; она тянется вдоль юго-западной и юго-восточной стен, образуя угол. В 4 метрах от юго-восточной стены (напротив ниши) находится напольный очаг прямоугольной формы, огражденный глинобитным бортиком, высота которого 0,2 м. Размеры очага $1,15 \times 0,75$ м. Пол и стенки очага сильно прокалены. На полу около очага — следы длительного и интенсивного воздействия огня. К югу от очага — прямоугольное возвышение, заполненное золой и углями. Плоское перекрытие зала поддерживалось четырьмя колоннами, прямоугольные углубления от оснований которых открыты при зачистке пола. В них лежали доски.

В парадный комплекс входили еще две комнаты, расположенные к северо-востоку от центрального зала. Одна из них, небольшая по площади, представляет собой тамбур перед входом в парадный зал. Помимо дверного проема, ведущего в центральный зал, это помещение имеет еще два других, расположенных по одной оси вдоль северо-восточной стены.

Вторая комната соединена с тамбуром широким дверным проемом; расположенным в северном углу. Его ширина 1,90 м. Комната имеет вид удлиненного прямоугольника ($13 \times 4,25$ м), вытянутого с юго-востока на северо-запад. Вдоль юго-западной стены тянется суфа длиной в 12,5 м. На расстоянии 3 м от западного края к суфе сделана пристройка шириной 0,3 м. При этом образовался угол, в котором расположена выкладка с округлым краем. В комнате имеется круглый в плане очаг с открытым устьем. Он огражден глинобитным валиком.

Хозяйственные и жилые помещения располагались вдоль северо-западного края здания. Нами открыто четыре комнаты. Они сравнительно небольшие по площади. Две из них удлиненной прямоугольной формы (№ 2, 8), две другие — почти квадратные (№ 3, 4). Помещение 3 являлось, видимо, кладовой. Здесь при зачистке пола найдено много керамики, среди которой преобладают обломки хумов. В южном углу обнаружен хум, вкопанный в пол. Помещение 4 было явно жилым. Вдоль

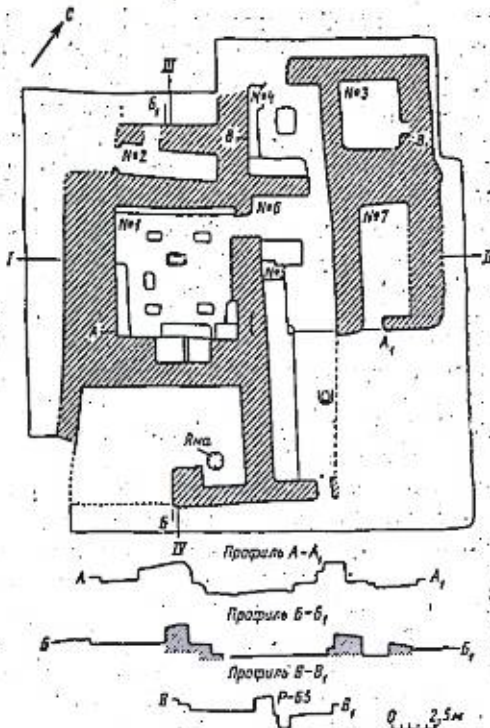

Рис. 43. План раскопа городища Майда-тепе

юго-восточной и юго-западной его стен тянулись суфы из больших сырцовых блоков. В центре комнаты на небольшом возвышении находился прямоугольный очаг, огражденный глинобитным валиком.

Обширное хозяйственное помещение (№ 7) располагалось к северо-востоку от парадного комплекса. Вскрытая площадь равна 28 кв. м (к сожалению, нам не удалось открыть его полностью, так как восточная часть помещения была занята посевами и разрушена арком). Дверной проем (ширина около 1 м) находился в южном углу. Почти в центре участка обнаружены обуглившиеся деревянные балки диаметром до 15—20 см, лежавшие параллельно юго-западной стене и представлявшие собой остатки рухнувшей кровли. Завал, заполнявший этот участок, состоит из очень рыхлой волнистой супеси с большим количеством древесных углей. Этот участок представлял собой, очевидно, часть большого хозяйственного двора, который на одном из этапов жизни здания был превращен в свалку. Этим объясняется обилие находок, происходящих отсюда. На таком сравнительно небольшом по площади участке обнаружена почти половина всей керамики, происходящей из раскопок городища.

За южной стеной зала открыт участок площадью 6,7 × 9,75 м, ограниченный стенами, сложенными цепной кладкой из сырцовых кирпичей размером 40 × 20 × 12 см. Две из них являются продолжением северо-восточной и северо-западной стен центрального зала, а третья — параллельна юго-западной стене. При разборке завалов на этом участке обнаружена глинобитная поверхность, уходящая под один из поясов юго-восточной стены центрального зала. Участок имеет явно конструктивное значение, но назначение его неясно.

Для выяснения датировки здания и всего городища в целом важна его стратиграфия. Раскопками выявлено три периода жизни городища. Первый период не был длительным. Он связан с возведением городских стен и строительством центрального здания. Толщина культурного слоя, подстилавшего здание, равна 10—15 см. Он был выявлен под городской стеной, а также в шурфе, заложенном в помещении 6 центрального здания. В нем обнаружены единичные фрагменты керамики. Второй период характеризует время жизни центрального здания и всего городища.

Третий период связан со временем, когда в центральном здании жизнь прекратилась и здесь велись большие строительные работы. Слои, связанные с ними, обнаружены в центральной и северо-восточной части здания, где открыты забутовки из сырцовых кирпичей, положенных в два или три слоя плашмя и на торец. Нам не удалось обнаружить сооружений, ради которых производились забутовки разрушенных помещений. Очевидно, это произошло в последний период жизни городища.

При подсчетах керамики мы выделяем два слоя: I — верхний слой и забутовки, II — полы помещений. Керамика из свалки (помещение 7) подсчитывалась отдельно. Видимо, этот участок использовался под свалку в оба периода. Но поскольку слой был аморфный и перемешанный, нам не удалось установить его стратиграфию.

По характеру покрытия поверхности посуды выделяют восемь групп керамики (неангобированные, красноангобированные сосуды, покрытые черным ангобом, бордо, буро-коричневым, белым, светло-желтым). Девятую группу составляет керамика, изготовленная из специального огнеупорного теста, называемого котловым (см. табл.).

Помимо перечисленных в таблице предметов при раскопках обнаружены фрагменты сосудов с процарапанным орнаментом. Два из них покрыты черным ангобом, шесть — красноангобированные. Все эти находки происходят из помещения 7. Здесь же найдена часть кружки с широким корпусом, прямо стоящим широким горлом и петлевидной ручкой.

Судя по находкам днищ, значительная часть больших гончарных сосудов из Майда-тепе сформована на круге с подставкой без подсыпки.

Таблица

Характер покрытия	Форма сосудов	Лепные			Гончарные		
		Верхний слой до забутовки	Полы	Свалка	Верхний слой до забутовки	Полы	Свалка
Из котлового теста	Формы неизвестны	58	104	108	—	15	—
	Котлы	—	5	17	—	—	—
	Широкогорлые сосуды	—	—	20	—	—	—
	Корчаги	27	5	7	—	—	—
	Горшки	3	1	—	—	—	—
	Миски	1	—	—	—	—	—
Неангобированные	Сосуды неизвестной формы	56	—	21	146	34	83
	Толстостенные большие сосуды	187	234	120	67	49	26
	Тонкостенные	—	4	—	5	26	1
	Миски	20	7	11	13	1	—
	Хумы	41	10	10	5	21	—
	Тагары	—	2	4	—	1	—
	Жаровни	—	—	—	—	—	1
	Кувшины	8	3	2	—	2	—
	Корчаги	10	8	50	5	2	3
	Горшочки	2	1	2	2	3	—
	Бутылы	—	—	—	—	11	6
	Кубки	—	—	—	1	—	—
Красный ангоб	Сосуды неизвестной формы	4	4	2	78	51	21
	Большие сосуды	—	1	1	40	15	20
	Корчаги	—	—	—	—	12	—
	Кувшины	—	—	—	35	1	11
	Горшочки	—	1	—	19	11	31
	Тонкостенные	—	—	—	—	14	4
	Бутылы	—	—	—	—	—	4
	Миски	8	4	—	41	48	67
	Кубки	—	—	—	—	—	—
Черный	Сосуды неизвестной формы	—	5	—	8	18	12
	Кувшины	—	—	—	10	2	6
	Миски	—	—	—	2	1	—
	Бутылы	—	—	—	—	1	1
	Корчаги	—	—	—	—	2	—
	Горшки	—	—	—	—	1	—
Бордо	Большие сосуды	—	—	—	10	—	5
	Тонкостенные	—	—	—	1	—	2
	Сосуды неизвестной формы	—	—	—	8	—	6
Буро-коричневый	Бутылы	—	—	—	—	3	—
	Небольшие горшочки	—	—	—	1	—	—
Буро-коричневый	Формы неизвестны	—	—	—	4	—	—

Таблица (окончание)

Характер покрытия	Форма сосудов	Лепные			Гончарные		
		Верхний слой до забутовки	Полы	Свалка	Верхний слой до забутовки	Полы	Свалка
Белый ангоб без росписи	Горшочки	—	—	—	2	—	—
	Большие толстостенные сосуды	21	1	7	43	34	50
	Тонкостенные	—	—	—	22	39	11
	Миски	1	—	—	2	2	—
	Корчаги	—	—	—	6	1	—
	Горшки	—	—	—	—	1	3
	Кувшины	—	—	—	—	1	—
	Неизвестные формы	1	—	—	34	36	48
Белый ангоб с росписью	Большие толстостенные сосуды	—	—	—	6	—	5
	Хумчи	—	—	—	5	1	—
	Кувшины	—	—	—	1	—	1
	Неизвестные формы	9	—	—	9	9	5
	Тонкостенные	—	—	—	17	11	6
	Большие толстостенные	—	—	12	50	—	4
	Корчаги	—	—	—	1	—	—
	Неизвестные формы	—	—	—	—	21	5
Миски	2	—	4	—	—	—	
Итого		451	400	398	699	501	501

На некоторых экземплярах на стенках у дна отмечены вертикальные срезы ножом, которые являются характерным признаком того, что сосуды сформованы на круге быстрого вращения с подставкой¹. На шести днищах, принадлежавших большим сосудам, а также на днищах всех мисок ясно видны следы подрезки дна ножом.

На внутренней стороне четырех фрагментов лепных сосудов есть отпечатки грубой ткани; два из них происходят из верхнего слоя, один обнаружен на полу, один — в свалке. Видимо, какая-то часть лепных сосудов (судя по малочисленности находок — очень незначительная) формовалась с использованием матерчатого шаблона.

Нужно сказать, что ассортимент посуды, бывшей в обиходе у населения городища, не очень велик, а соотношение находок в каждой из категорий мало изменяется по горизонтам. Можно только отметить резкое преобладание неангобированной посуды, происходящей из верхнего горизонта, по сравнению с посудой этой же группы из нижнего горизонта.

Наибольшее число находок дал верхний горизонт, а соотношение лепной и гончарной посуды во всех слоях — в пользу гончарной, хотя перевес этот не очень значительный:

	Верхний горизонт	Полы	Свалка
Лепная	454	400	398
Гончарная	699	501	501
Итого	1153	901	899

¹ Использование ферганскими гончарами круга такой конструкции отмечала В. И. Козенкова на основании анализа керамики из Гайрат-тепе (В. И. Козенкова, Гайрат-тепе, СА, 1964, № 3).

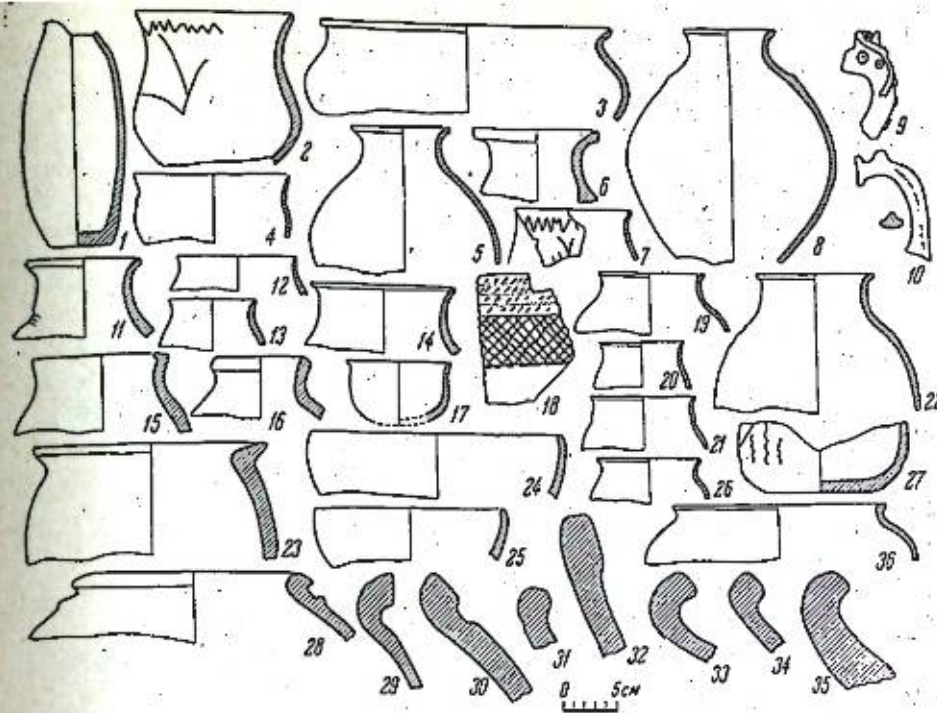

Рис. 44. Керамика из Майда-тепе

Среди лепной посуды во всех случаях преобладают толстостенные большие сосуды из плотного или очень грубого теста с крупными известковыми включениями. Большим сосудам принадлежит значительное место и в гончарной посуде.

Лепную посуду составляют: 1) хумы, имеющие венчики различных очертаний: а) резко отогнутые наружу и имеющие подтреугольное, подчетырёхугольное и овальное сечение (рис. 44, 33—35); б) прямостоящие, прямоугольные в сечении (рис. 44, 32); 2) корчаги с узким прямостоящим горлом, плавно переходящим в тулово грушевидной формы. Венчики корчаг или слегка отогнуты наружу (рис. 44, 11), или же уплощены (рис. 44, 15); 3) большие толстостенные миски полусферической формы, уплощенный край которых слегка загнут во внутрь сосуда (рис. 44, 24, 25). Красноангобированные миски также массивны, а ангоб, покрывающий внешнюю поверхность, нанесен небрежно и имеет коричневатый или бордовый оттенок; 4) узкогорлые кувшины с круглыми в сечении ручками; 5) котлы с шаровидным туловом, невысоким прямостоящим горлом, край которого имеет подтреугольное сечение (рис. 44, 36).

Гончарная неангобированная посуда представлена в основном фрагментированным материалом, не поддающимся отождествлению с какими-либо категориями. Эта группа включает хумы с сильно отогнутыми и не отогнутыми венчиками прямоугольного сечения (рис. 44, 29, 30), горшки, миски, кувшины, сходные по форме с красноангобированными.

Большую часть находок в красноангобированной посуде составляют миски. В верхнем горизонте следующее место по числу находок принадлежит большим толстостенным сосудам и кувшинам. Число находок этих категорий резко сокращается в нижнем горизонте.

Все находки бутылей (высоких, почти цилиндрических сосудов с узким горлом) происходят из нижнего горизонта и со свалки (рис. 44, 1). Кубки представлены пятью экземплярами. По форме ножки и резервуара можно выделить пять типов кубков: 1) кубки с выпукло-

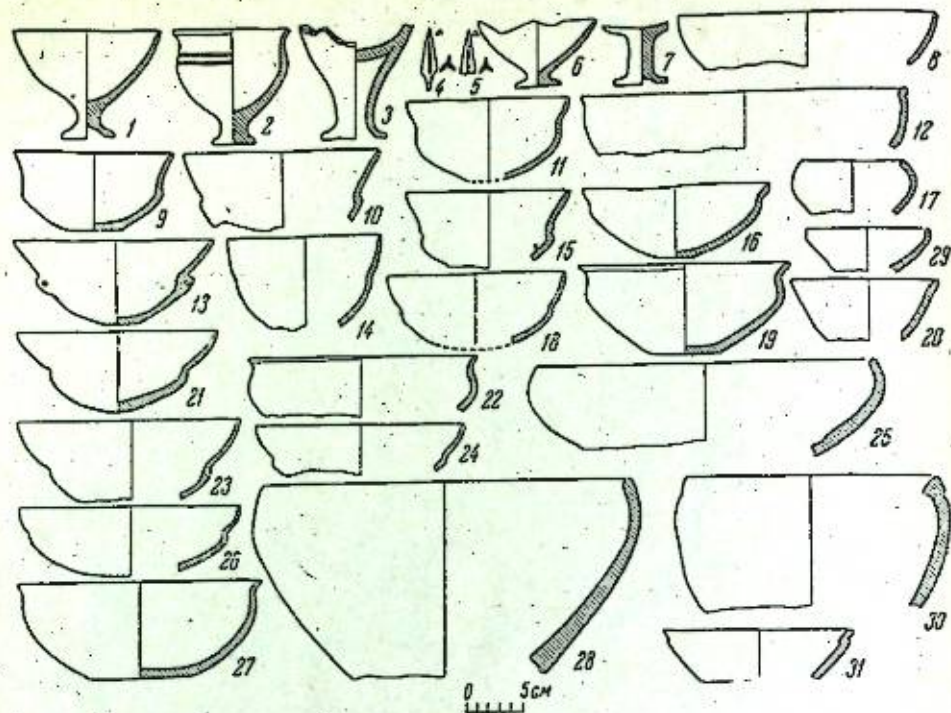

Рис. 45. Керамика и железные наконечники стрел из Майда-тепе

коническим резервуаром и полой конической ножкой (рис. 45, 1); 2) кубки с усеченно-коническим резервуаром и низкой сплошной ножкой (рис. 45, 6); 3) кубки с широким, плоскодонным резервуаром и высокой ножкой, расширяющейся в нижней части и конической в разрезе (рис. 45, 7); 4) кубки со сплошной ножкой, выпукло-коническим туловом, имеющим перегиб в верхней части и слегка отогнутый край (рис. 45, 2); 5) большие кубки на высокой полой ножке, расширяющейся кверху (рис. 45, 3). Кубки 1-го и 3-го типов покрыты светло-желтым ангобом, остальные — красноангобированные. Кубок 1-го типа происходит из верхнего горизонта, он обнаружен на уровне забутовки в северном углу тепе. Остальные кубки найдены в свалке.

Кувшины представлены сосудами с низким и широким горлом, яйцевидным туловом, сильно расширяющимся на середине высоты сосуда (рис. 44, 5, 8, 22). Большая часть кувшинов не имела ручек. Но были отдельные экземпляры кувшинов с ручками. В помещении 7 (в свалке) найдена овальная в сечении ручка с цилиндрическим налепом в верхней части (рис. 44, 10). Другая ручка, найденная на полу в центральном зале, увенчана изображением животного со стоящими ушами (рис. 44, 9). От лба по шее тянется налепной жгутик, имитирующий, видимо, повод; глаза трактованы налепами из жгутов, образующих кружки.

Небольшие тонкостенные горшочки имели невысокое горло, плавно переходящее в шаровидное тулово. Край горла утоньшен или отогнут наружу (рис. 44, 4, 20, 21, 26).

Большие горшки представлены сосудами двух типов: 1-й тип составляют горшки с высоким, слегка округлым туловом баночной формы; венчик уплощенный, в сечении треугольный (рис. 44, 23). 2-й тип — горшки с шаровидным туловом, подтреугольным в сечении венчиком. Под венчиком — налепной валик (рис. 44, 28).

Баночные сосуды представлены двумя типами. 1-й тип — небольшие широкогорлые сосуды. Они имели отогнутый край и тулово с резким

перегибом в нижней части. Диаметр сосуда в наиболее широкой части почти равен диаметру устья. Эта категория керамики представлена одним экземпляром, внешняя поверхность которого покрыта буро-коричневым ангобом, по которому нанесен процарапанный орнамент (рис. 44, 2). На стенках у дна следы грубой подрезки ножом.

2-й тип — большие широкодонные сосуды с вертикальными стенками, украшенными процарапанным орнаментом, в одном случае это вертикальные волнистые линии (рис. 44, 27), в другом — полоса, ограниченная параллельными линиями и заполненная пересекающимися параллельными линиями, опоясывает тулово сосуда (рис. 44, 18).

Миски, как указано выше, составляют наиболее многочисленную категорию керамики из всей красноангобированной посуды.

Выделяются девять их типов:

- I. Миски с сильно расширяющимся кверху усеченно-коническим корпусом и высоким прямостоящим бортиком, имеющим прогиб на середине высоты (рис. 45, 9).
- II. Миски с усеченно-коническим корпусом и расширяющимся кверху бортиком, прямые стенки которого, утоньшены к краю. При переходе от бортика к корпусу — порожек, в одних случаях скругленный (вариант «а», рис. 45, 11) в других — с резким контуром (вариант «б», рис. 45, 10, 15). Один экземпляр этого типа имеет треугольные налепы с отверстиями для продевания шнура (вариант «в», рис. 45, 13).
- III. Миски с перегибом составляют сосуды с полусферическим корпусом и отклоненным наружу бортиком, край которого слегка загнут во внутрь. Общей чертой сосудов этого типа является глубокая бороздка, отделяющая корпус от бортика. Варьируют только степень отклонения и высота бортика (рис. 45, 14, 18, 21, 23, 24, 25).
- IV. Большие тонкостенные миски полусферической формы с утоньшенным краем (рис. 45, 8).
- V. Миски с полусферическим корпусом, небольшим уплощенным дном, невысоким бортиком, отделенным от корпуса глубокой бороздкой (рис. 45, 16).
- VI. Полусферические широкодонные миски с утоньшенным и отогнутым наружу краем (рис. 45, 19, 22, 27).
- VII. Большие миски конической формы с загнутым краем: представлены двумя вариантами — «а» (миски с высоким корпусом; рис. 45, 28) и «б» (миски с невысоким корпусом; рис. 45, 25).
- VIII. Большие шаровидные миски, уплощенный венчик которых загнут во внутрь сосуда (рис. 45, 30).
- IX. Широкодонные миски с почти вертикальными стенками, уплощенный край которых имеет подтреугольное сечение (рис. 45, 12).

Керамика из Майда-тепе обнаруживает сходство с материалами из Ферганы и соседних областей. Особенно большое сходство выявляется при сравнении мисок². Так, миски II типа (варианты «б») помимо Майда-тепе обнаружены на Мыкты-кургане, поселении 5, Чуи-тепе (Керки-дон), в Сым-тепе и Гайрат, причем в последнем они преобладают в верхнем горизонте. Миски, аналогичные сосудам варианта «в» II типа (рис. 45, 13), есть в поселении 5 и Мыкты-кургане. В Гайрат-тепе они обнаружены в слоях первого и второго стратиграфических периодов, причем в первом периоде они преобладают³.

² Большая работа по сравнительному анализу керамики проделана Н. Г. Горбуновой (Н. Г. Горбунова. О датировке Ферганской керамики с красным ангобом. КСИА, вып. 122, 1970, стр. 81 и сл.).
³ В. И. Козенкова. Указ. соч., стр. 230, рис. 5, 2; стр. 232, рис. 6, 1; стр. 233, рис. 7, 10.

В отличие от плоскодонных гайрат-тепинских мисок сосуды из Майда-тепе имеют округлое, слегка уплощенное дно. Поскольку наибольшее число находок происходит с памятников Керкидона, миски IV, VI, VII типов можно считать характерными для этого микрорайона. Миски IV типа обнаружены только на городищах Керкидонского оазиса, причем больше всего — в Майда-тепе. Миски VI типа встречены на всех памятниках Керкидона. Очень немного их в Сым-тепе. Миски VII типа не обнаружены ни на одном из памятников Ферганы, за исключением Майда-тепе. Но зато они сходны с согдийскими чашевидными кубками из слоев V—VI вв. Таги-Барзу⁴ и Пенджикента⁵.

Кубки 1-го и 2-го типов также находят аналогии в материалах из Пенджикента V—VI вв.⁶

Баночные сосуды, аналогичные майда-тепинским (1-й тип), есть в слое первого строительного горизонта Гайрат-тепе⁷ и в кургане 129 Карабулакского могильника⁸.

Ни одна из приведенных категорий керамики не дает бесспорных оснований для абсолютной датировки памятника. Красноангобированная ферганская керамика неоднократно привлекала внимание археологов⁹. Исследователи относят ее к периоду от II в. до н. э. до VI—VII вв. н. э. Они обращали внимание на трудность определения абсолютной датировки из-за отсутствия памятников с четкой и хорошо изученной стратиграфией, дающей основу для относительной хронологии керамики. Осложняет работу и отсутствие полных публикаций курганных комплексов. Первая попытка абсолютной датировки, вполне обоснованная стратиграфическими наблюдениями, была сделана В. И. Козенковой на основании материалов из Гайрат-тепе¹⁰.

Типологический анализ керамики из подбойно-катакомбных захоронений дан Б. А. Литвинским¹¹.

Н. Г. Горбунова, привлекая материал всей Ферганы, видела локальные группы керамики¹², а также наметила шкалу относительной хронологии памятников, давших красноангобированную керамику. По схеме Н. Г. Горбуновой, наиболее ранним оказалось городище Сым-тепе в Фергане, наиболее поздними — Гайрат-тепе, слой II/4, датированный В. И. Ко-

зенковой V—VI вв., и карабулакский замок. Керкидонские поселения хронологически укладываются между ними¹³.

На основании сравнительного материала и анализа других категорий находок (наконечники стрел) Н. Г. Горбунова приходит к выводу, что время бытования красноангобированной керамики с этих памятников можно ограничить II—VI вв. н. э.

Городище Майда-тепе дало хорошо стратиграфически расчлененный материал. Но, как сказано выше, нам не удалось выделить типы керамики, присущие какому-либо определенному периоду. Думаю, что к числу наиболее поздних находок могут быть отнесены кубки 1, 2 и 3-го типов, миски VII типа, кувшины с ручками.

Для датировки этого комплекса чрезвычайно важны два железных наконечника стрел, обнаруженных на полу в центральном зале. Один из них целый; от другого сохранилась лишь верхняя часть пера. Но он, видимо, принадлежал к тому же типу, что и первый. Это трехлопастные, удлиненной формы стрелы с тупоугольным основанием пера и муфточкой-порожком в верхней части черешка. Наконечники подобного типа неоднократно отмечены в находках со среднеазиатских памятников. Один наконечник этого типа был обнаружен в карабулакском могильнике. Ю. Д. Баруздин сравнивал эту находку с подобными стрелами из сарматских комплексов Поволжья и считал возможным датировать наконечники стрел этого типа III—IV вв. н. э.¹⁴ С. С. Сорокин датировал бытование трехлопастных стрел с муфточкой-порожком V—VIII вв. н. э.¹⁵ Б. А. Литвинский, принимая верхнюю дату, предложенную С. С. Сорокиным, считает, что появление наконечников этого типа следует датировать IV в. н. э.¹⁶

Наконечники из Майда-тепе отличаются от сарматских удлиненностью пропорций (у сарматских наконечников более короткое перо и более широкое его основание). Майда-тепинские наконечники, думаю, можно сравнивать не с сарматскими, а с салтовскими и раннетюркскими наконечниками стрел, имеющими также удлиненные пропорции¹⁷. Очевидно, их можно датировать серединой I тысячелетия н. э. — VII в.

Для датировки городища важна стратиграфия находок. Стрелы найдены на полу центрального зала. Они, следовательно, датируют один из последних периодов жизни городища. Все же находки из слоя забутовки могут быть отнесены к более позднему времени. Но время бытования керамики из верхнего слоя, судя по приведенным выше аналогиям, не выходит за рамки того периода, которым датируются стрелы, т. е. серединой I тысячелетия — VII в. н. э. Следовательно, этим временем можно датировать время жизни городища Майда-тепе.

⁴ Г. В. Григорьев. Городище Таги-Барзу. ТОВЭ, т. II, А., 1940, стр. 101, рис. 6, а, д.

⁵ И. Б. Бектович. Керамика Пенджикента. МИА, № 37, 1953, стр. 140, рис. 7; Б. И. Маршак. Отчет о работе на объекте XIII за 1955—1960 гг. МИА, № 124, 1964, стр. 129, рис. 21, 2, 3.

⁶ Б. И. Маршак. Указ. соч., стр. 228, рис. 21, 1; см. также фонды Таджикской экспедиции.

⁷ В. И. Козенкова. Указ. соч., стр. 230, рис. 5, 4.

⁸ Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник. «Изв. АН Киргизской ССР», серия общественных наук, т. III, вып. 3 (история). Фрунзе, 1961, стр. 74, табл. VIII, рис. 8.

⁹ Б. А. Латынин. Вопросы ирригации древней Ферганы. КСИМК, вып. 64, 1954; он же. Вопросы хронологии земледельческих культур древней Ферганы. «Исследования по археологии СССР». Л., 1961; он же. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1939 г. «Археологический сборник Государственного Эрмитажа», № 3, Л., 1961; он же. Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия древней Ферганы. М., 1962; А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. ВДИ, 1949, № 1; он же. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952; Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореф. канд. дисс.; он же. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960; он же. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118, 1962; С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954.

¹⁰ В. И. Козенкова. Указ. соч.

¹¹ Б. А. Литвинский. История и культура Восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья (в свете раскопок памиро-ферганских могильников). Докторская дисс. (архив ИА АН СССР). М., 1969.

¹² Н. Г. Горбунова. О локальных особенностях древней культуры Ферганы. СА, 1970, № 1.

¹³ Н. Г. Горбунова. О датировке ферганской керамики..., стр. 82.

¹⁴ Ю. Д. Баруздин. Указ. соч., стр. 62, рис. 12 нижний ряд, второй слева.

¹⁵ С. С. Сорокин. Боркорбадский могильник. ТГЭ, т. 6, Л., 1961, стр. 154; он же. О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИМК, вып. 64, 1956, рис. 2, 8.

¹⁶ Б. А. Литвинский. Среднеазиатские железные наконечники стрел. СА, 1965, № 2, стр. 85.

¹⁷ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры. МИА, № 62, 1958, стр. 123, рис. 16, 1, 3.

В. И. РАСПОПОВА
ЩИТ С ГОРЫ МУГ

Осенью 1933 г. экспедиция АН СССР во главе с профессором А. А. Фрейманом произвела в Северном Таджикистане раскопки развалин замка на горе Муг у впадения в Зеравшан р. Кум, неподалеку от селения Хайрабад¹. Был найден архив документов: главным образом согдийских и собрана богатая коллекция предметов материальной культуры, в том числе ткани, изделия из дерева и кожи, которые обычно в условиях среднеазиатских городищ не сохраняются. Академик И. Ю. Крачковский, изучивший арабский документ из этого архива, точно датировал его и на основании его анализа воссоздал один из драматических эпизодов истории Согда VIII в.² Архив принадлежал Деваштичу — владетелю княжества Панч со столицей в Пенджикенте, который находится в 60 км к востоку от Самарканда. В 721—722 гг. Деваштич принимал участие в восстании согдийцев против арабов-завоевателей, вынужден был покинуть Пенджикент и вместе с жителями этого города отступить в горы верховий Зеравшана. В долине р. Кум произошло последнее сражение войск Деваштича с преследовавшими его арабами, в котором Деваштич потерпел поражение и вынужден был укрыться в одном из замков. Здесь он попал в плен к арабам и был казнен в 722 или 723 г.

Одной из замечательных находок, сделанных в замке на горе Муг, является деревянный щит, обтянутый пергаментом, с красочным изображением всадника. Благодаря изображению щит привлек к себе внимание ученых. Он много раз публиковался, но главным образом в работах, посвященных согдийской живописи³. Бесспорно, изображение на щите — замечательный памятник согдийского искусства, но следует обратить внимание и на то, что мугский щит — единственный известный науке щит согдийцев VII—VIII вв. Он представляет незаурядный интерес как памятник защитного вооружения. В этом аспекте щит не изучался. Было лишь высказано мнение, что этот щит является парадным⁴. Ниже мы попытаемся доказать, что он был боевым.

Сейчас щит хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа (№ СА 9093). В начале 1958 г. в мастерской реставрации стеновых росписей Государственного Эрмитажа старшим реставратором М. П. Винокуровой были проведены работы по консервации щита. «Отстающий красочный слой и кожа закреплены и уложены на место при помощи воско-смоляной мастики. Дерево укреплено раствором полибутилметакрилата (ПБМА) на ксилоле. Трещины и щели замастикованы с наружной и обратной сторон щита и тонированы»⁵.

Щит был округлой формы, с поперечником 61 см. Сохранилась только средняя его часть шириной 23 см. (рис. 46, 47). Вес сохранившейся части 623 г. Щит несколько выгнут, середина выше концов на 2 см. Он составлен из дощечек шириной около 9 см. Дощечки между собой были склеены и скреплены металлическими клепками, которые проходили насквозь. Толщина щита не везде одинакова: в центре — 1,1 см, а у краев — 0,6 см. По краю шла металлическая оковка шириной не менее 1,1 см, от которой по краю щита в деревянной части сверху имеется выемка глубиной 0,2 см (рис. 48).

С обеих сторон щит оклеен тонким пергаментом. Под пергаментом поверхность деревянной части щита покрыта какой-то мастикой на лѐсовой основе. По границе оковки по пергаменту внешней стороны щита идет узкая красная полоска. Внешняя сторона щита, как об этом уже говорилось, украшена изображением всадника.

Интересна последовательность нанесения живописного изображения. Вначале черным контуром по белому грунту был намечен рисунок. Затем были окрашены в желтый цвет фигура коня и доспех всадника. После этого были покрыты розовым тоном кисти рук, тонким слоем синей краски перекрыты грива и хвост коня и проработаны красным, синим и коричневыми тонами сбруя, меч и налучье. Поверх красочного слоя тонкими красными линиями был нанесен окончательный рисунок, а кисти рук и некоторые другие детали были обведены черным контуром⁶.

В протоколе о реставрации щита отмечено, что «лицевая сторона поверх кожи покрыта гипсовым грунтом ... Сверху живопись была покрыта каким-то сильно потемневшим лаком».

Внутренняя сторона щита также была обклеена орнаментированным пергаментом, но орнамент здесь нанесен без подгрунтовки. Орнамент представляет собой один из вариантов передачи шкуры леопарда в согдийской живописи⁷. Он нанесен черной, коричневой и оранжево-желтой красками (рис. 47).

Видимо, этот орнамент является специфическим для изделий из кожи. Изображения изделий из кожи имеются на стеновых росписях Пенджикента, для которых характерна точная передача деталей одежды, украшений, предметов вооружения и т. д. Такой же орнамент, как на мугском щите, зафиксирован, например, на налучье воина во втором ярусе росписи западной стены помещения 41 объекта VI⁸, на седле лошади, изображенной на северной стене помещения «А» второго этажа объекта XVI. Покрытие седла, изображенное на самом мугском щите, вероятно, было кожаным. Оно украшено сходным орнаментом.

Два крупных сквозных отверстия в середине щита предназначались для заклепок, которыми была прикреплена ручка. Отверстия были сделаны в готовом и уже расписанном щите. Снаружи по краю отверстий

¹ «Согдийский сборник». Л., 1934.

² В. А. Крачковская, И. Ю. Крачковский. Древнейший арабский документ из Средней Азии. «Согдийский сборник», стр. 52—90.

³ А. Ю. Якубовский. Культура и искусство Средней Азии. Путеводитель по выставке. Л., 1940, стр. 25, 27; он же. Живопись древнего Пенджикента по материалам Таджикско-Согдийской археологической экспедиции 1948—1949 гг. «Изв. АН СССР», серия истории и философии, т. VII, 1950, стр. 474—476; он же. Древний Пенджикент. «По следам древних культур». М., 1951, стр. 215—219; М. М. Дьяконов. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии. «Живопись древнего Пенджикента». М., 1954, стр. 92—94, 101, 130—131, табл. V; Б. Я. Ставиский. О двух памятниках согдийского изобразительного искусства. КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 63—64, рис. 12; А. Belenitsky. Central Asia. «Archaeologia mundi». Geneva, 1968, Pl. 110.

⁴ К. Г. Рудо. К вопросу о вооружении Согда VII—VIII вв. «Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР», вып. 1, археология, Сталинабад, 1952, стр. 70; Б. Я. Ставиский. Указ. соч.

⁵ Протокол № В-940 реставрационной комиссии по мастерской реставрации стеновых росписей Государственного Эрмитажа.

⁶ Красочные пигменты здесь, вероятно, те же, что и на стеновых росписях Пенджикента. О них см.: П. И. Костров. Техника живописи и консервации росписей древнего Пенджикента. «Живопись древнего Пенджикента». М., 1954.

⁷ Сравни: В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, табл. III, IV, VII.

⁸ А. Belenitsky. Указ. соч., табл. 137—139, 141.

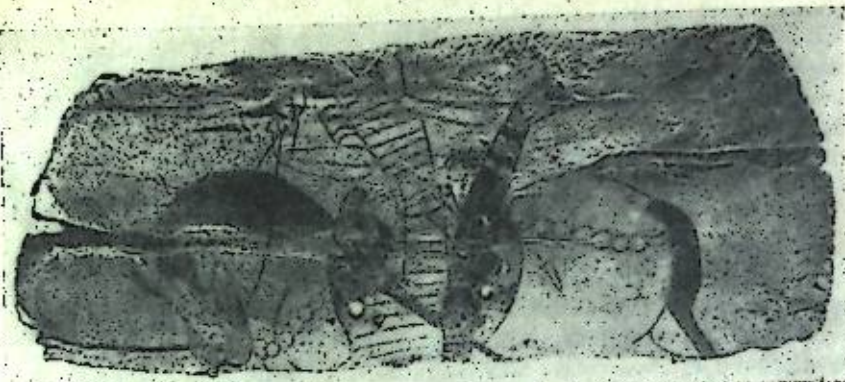

Рис. 46. Щит с горы Муз, наружная сторона

Рис. 47. Щит с горы Муз, внутренняя сторона

остались следы от круглых металлических шляпок, которыми крепилась ручка. С внутренней стороны, как это видно по отверстию, вокруг которого сохранилась кожа, на стержень крепления ручки был надет и плотно пригнан к коже щиток пряжки. Насколько можно судить по отпечатку, пряжка была металлическая, двусоставная, шарнирная (рис. 48, д). К рамке пряжки, видимо, крепилась ременная петля, которую воины перекидывали через плечо, как это видно на многих раннесредневековых изображениях Ирана, Средней Азии, Восточного Туркестана и Сибири.

О ношении щита на петле можно заключить и из текста «Шах-наме». О военачальнике иранцев Тусе говорится: «Прибыл он в лагерь со щитом на шее»⁹.

В ряде мест Фирдоуси говорит о том, что в бою воины прикрывали щитом или голову¹⁰, или плечо¹¹. Отсюда вытекает, что щиты были снабжены ручкой.

О щитах Согда дают представление одновременные мугскому щиту настенные росписи Пенджикента. В северо-западном углу помещения 41 объекта VI изображена схватка двух отрядов тяжеловооруженных всадников¹². Воины наносят своим противникам таранный удар длинным копьём, которое они держат обеими руками. Щит висит на петле, защищая

⁹ T. Masan. The Shah Namen. Calcutta, 1829, p. 585 (здесь и далее перевод А. М. Беленицкого).

¹⁰ Там же, стр. 820.

¹¹ Там же, стр. 499.

¹² А. М. Беленицкий. Древний Пенджикент. СА, 1959, № 1, стр. 209, рис. 18.

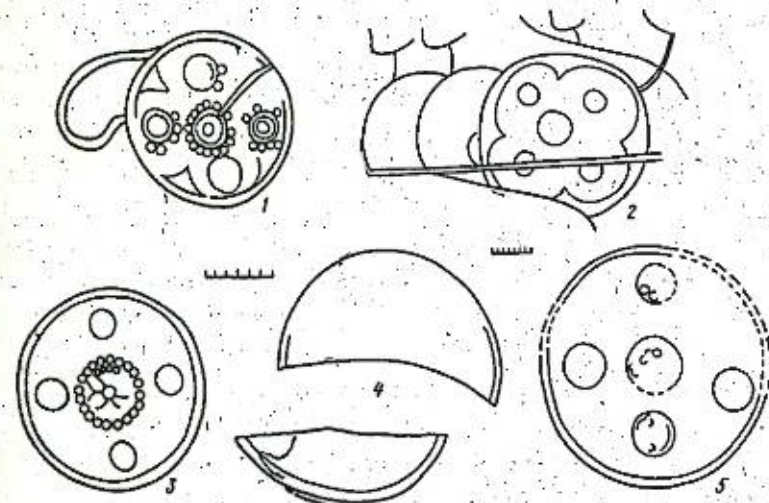
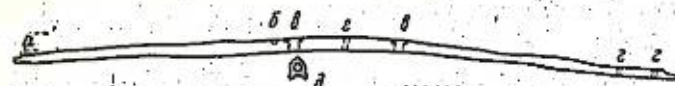

Рис. 48. Щит с горы Муз, разрез

а — красная полоска; б — место попадания стрелы; в — отверстия, в которые крепилась ручка щита; г — места заклепок, соединяющих доски щита; д — отпечаток щитка пряжки.
1—5. Щиты, изображенные на настенных росписях Пенджикента; 1—4 — помещение 41 объекта VI; 5 — помещение 26 объекта VI.

грудь. На земле около поверженного воина лежит щит. В этом же помещении в других сценах изображен деревянный щит, расколотый пополам, а также брошенный на землю щит, разрубленный почти до середины, с черной ременной петлей.

Щиты, изображенные на живописи, так же как и мугский, были деревянными, обтянутыми кожей. Кожа окрашена в красный, белый, черный цвета. На нескольких щитах по краю показана металлическая (желтая) оковка. В двух случаях оковка имеет четыре треугольных выступа, направленных к центру щита. Почти все щиты, изображенные на живописи, по размеру были примерно вдвое меньше мугского¹³. В отличие от него они не были расписаны и имели умбоны. Кроме центрального умбона они были снабжены еще четырьмя дополнительными. Умбоны обычно окаймлены небольшими круглыми бляшками. На некоторых умбонах виден орнамент.

Желтый цвет металлических частей заставляет вспомнить железные позолоченные умбоны щитов позднеаримского времени. Скорее всего, металлические части согдийских щитов также были позолочены.

Для раннего средневековья щиты с эмблемами, подобные мугскому, необычны. В древности римляне имели деревянные щиты, покрытые пергаментом с живописными изображениями. Такой щит был найден в Дуре-Европос¹⁴.

Большой и богато украшенный мугский щит скорее всего принадлежал военачальнику. Эмблема на щите позволяла воинам легко находить в бою своего предводителя. Отсутствие умбона уменьшало его пригодность в рукопашном бою, но давало возможность при том же весе уве-

¹³ Размеры щитов легко устанавливаются по пропорциям фигур воинов, которые изображены в масштабе 1/2.

¹⁴ F. E. Brown. The Painted Shield. The Excavations at Dura-Europos. «Preliminary Report of Sixth Season of Work October 1932 — March 1933». New Haven, 1936, p. 456—466, pl. XXV—XXVA.

личить диаметр, что было важно для защиты от стрел. Окруженный свитой военачальник мог меньше опасаться удара копьем, но в то же время он был основной мишенью для стрелков противника. Задачу защиты от стрел щит выполнял успешно. На поверхности сохранившейся части щита заметны следы от попадания не менее чем десяти стрел¹⁵. Ни одна из них не вошла глубже, чем на 0,5 см, и не попала ближе, чем на 10 см от края щита. Это показывает, что владетель щита обладал быстрой реакцией и успевал принимать серединой щита летевшие в него стрелы.

Мугский щит — единственный сохранившийся до наших дней образец этого вида оружия раннесредневекового Востока. То, что известно по письменным источникам и изображениям, в большей мере напоминает щиты на живописи, чем мугский¹⁶. С изображением отряда всадников со щитами на уже упоминавшейся пенджикентской росписи перекликается описание в «Шах-наме» отряда воинов, выступающих сомкнутым строем со щитами: «Щит со щитом (точно) сотканы, красный и желтый»¹⁷.

Раннее средневековье — эпоха переселения народов — характеризуется распространением на большой территории сходных типов оружия, предметов роскоши и украшений. Поэтому неудивительно сходство формы и конструкции щитов из Согды и из Прибалтики. В Тирском торфянике Лиепайского района на юго-западе Латвии был найден щит IX в. «Круглый щит из еловых досочек с обеих сторон покрыт кожей. Между досочками и кожей проложена спрессованная трава. Диаметр щита 85,5 см, толщина досочек 0,6 см, диаметр отверстия для умбона 11,5 см. Чтобы кожа держалась на деревянном щите, она пришивалась по краям и по середине щита. Щит очень легкий. Непрочность его возмещалась лучшей маневренностью»¹⁸. Там же была обнаружена доска от щита, который, вероятно, еще больше похож на мугский по гнутому профилю и отсутствию умбона.

В VII—VIII вв. щит не был обязательной частью доспеха воина. В большинстве батальных сцен согдийской живописи щитов нет. Это объясняется тем, что развитие тяжелого доспеха способствовало падению роли щита, который делали небольших размеров. Часто от него вообще отказывались. Оборонительное вооружение всадника, изображенного на щите с горы Муг, состоит из одного панциря. Панцирь в виде длинного кафтана ниже колен разделен горизонтальными полосами. Руки от кисти до локтя защищены наручами с продольным шарниром. Как отметил Робинсон, это самое раннее изображение характерных для средневекового восточного доспеха наручей¹⁹.

Полосы панциря, как об этом можно заключить по более детальным изображениям на стенных росписях и находке пластины от панциря в замке на горе Муг, состояли из поставленных в ряд тонких вертикальных пластинок, прошитых кожаными шнурами, т. е. это был ламеллярный доспех. Желтый цвет доспеха, по-видимому, передает позолоту. У воина два пояса. К верхнему, который проходит по талии, горизонтально подвешен кинжал и наклонно на двух тонких ремешках — меч. К нижнему поясу на двух ремнях подвешены налудье с двумя спущенными луками и, видимо, открытый колчан со стрелами, торчащими из него вверх, как оперенье. В левой руке воин держал рукоять булавы или топорика, которые служили не только оружием, но и знаком достоинства военачальника.

¹⁵ Концы стрел были узкие, трехперые. Наконечники стрел такого типа хорошо известны по археологическим материалам Средней Азии VII—VIII вв.

¹⁶ H. Russell Robinson. *Oriental Armour*. London, 1967, p. 25, 44, 82, 155—156.

¹⁷ Т. Масан. Указ. соч., стр. 111.

¹⁸ В. А. Урган. Древние щиты на территории Латвийской ССР, СА, 1961, № 1, стр. 216—224, рис. 6.

¹⁹ H. Russel Robinson. Указ. соч., стр. 26.

В правой руке всадник держал повод, который подходил к нижнему концу S-видного рычага мундштучных удиц. Строгость удиц объясняет напряженное положение головы лошади, несмотря на то что всадник лишь слегка придерживает повод. Голова коня увенчана шлемовидной налобной позолоченной бляхой с навершием в виде красного шара. Такой же шар висит под мордой лошади. В батальных сценах пенджикентской живописи только конь предводителя украшен таким султаном²⁰. Весь комплекс вооружения, представленный на живописи щита, имеет аналогии в археологических находках Средней Азии и Юго-Восточной Европы. В частности, позолоченная шлемовидная налобная бляха была найдена в Салтовском могильнике вместе с круглыми бляшками, которые пришивались к кожаному ремню²¹. По-видимому, такие же бляшки украшали ремни на груди и крупе коня мугского щита.

Документальный характер передачи реалий позволяет предполагать, что изображение на щите дает основания для реконструкции облика согдийского военачальника первой четверти VIII в.

Изображение на щите не менее интересно и для истории искусства. Композиция, особенности иконографии, колорит, характер линии и последовательность стадий работы живописца те же, что и в настенных росписях Пенджикента. Но в то же время мугский щит показывает, что согдийские художники владели не только техникой настенных росписей, но и техникой живописи по пергаменту. Едва ли такая техника была разработана для украшения предметов вооружения, подобных уникальному мугскому щиту. Скорее это могло бы свидетельствовать о существовании в Согде VIII в. книжной миниатюры на пергаменте. Этот вопрос чрезвычайно важен и для проблемы генезиса согдийского монументального искусства. К сожалению, у нас нет прямых свидетельств о существовании такой миниатюры.

Сравнительно хорошая сохранность, несмотря на непрочность материала, и точная датировка мугского щита — не позже 722 г. — делают его одним из важнейших документов истории вооружения и искусства Средней Азии.

²⁰ А. Belenitsky. Указ. соч., табл. 139.

²¹ С. А. Плещева. От кочевий к городам. МИА, № 142, 1967, рис. 46, 14.

III. РЕЦЕНЗИИ

И. Б. БЕНТОВИЧ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ОДЕЖДЫ
ПОЗДНЕСАСАНИДСКОГО ИРАНА

В большой статье об изображении тканей и одежды на рельефах Таки-Бустана, автор ставит своей задачей исследовать эту одежду с точки зрения ее происхождения и длительности бытования; на основе такого анализа делается попытка уточнить датировку самих рельефов¹.

Во вступительном разделе дается краткое описание рельефов (сцена охоты на кабанов и оленей) на стенах грота и излагаются две существующие точки зрения на их датировку — Э. Херцфельда и Р. Гиршмана, относящих рельефы ко времени Хосрова II (590—628 гг.), и К. Эрדмана и Р. Гебля, датирующих рельефы временем Пероза (459—489 гг.). Э. Х. Пек принимает как рабочую гипотезу первую датировку.

Охотничьи рельефы Таки-Бустана имеют особый интерес, так как здесь наряду с изображением царя и придворных мы видим и простых людей — слуг, погонщиков, музыкантов и т. д., что в сасанидском искусстве встречается крайне редко. Автор статьи очень четко группирует и подробно рассматривает одежду всех лиц, представленных на рельефах.

Простую одежду слуг в виде туники до колен из мягкой ткани автор выводит из прототипов парфянского времени, подтверждая это сопоставлением с пальмирскими рельефами (а в Парфию этот костюм, по ее мнению, принесен из греко-римского мира). Много места отводится в статье одежде женщины-арфисток, сопровождающих царя в лодке. Основываясь главным образом на такой детали, как брошенное поверх платья покрывало (оно надевается на левое плечо, оставляя открытым правое плечо и руки), автор делает вывод о том, что женская одежда сасанидского времени в целом испытывала влияние Запада. Одежда арфисток, по ее мнению, ведет свое происхождение из Греции и Рима. Параллели этой одежде имеются в скульптуре Пальмиры, Хатры, на памятниках искусства Гандхары, на раннесасанидских мозаиках Бишапура, на серебряных сасанидских сосудах V—VII вв., что достаточно убедительно говорит о происхождении и широком ее распространении. Шапочки арфисток являются единственными в своем роде головными уборами реальных женщин, а не головным убором божества или царицы. Аналогии им автор находит в памятниках гандхарского искусства и на фресках Восточного Туркестана VI—VII вв.

В конечном итоге Э. Х. Пек приходит к выводу, что в костюме арфисток прослеживается сочетание влияния Запада (покрывало) и Востока (головные уборы) — конкретно Афганистана и Центральной Азии.

Очень подробно исследуется костюм всадников (кафтан) характерного облика: у него сильно укороченный спереди и сзади подол, опускающийся двумя заостренными концами к бокам. Эти кафтаны, хорошо известные и по различным другим памятникам, распространяются в сасанидском Иране только к концу правления династии. Одним из объяснений его распространения является приспособленность к верховой езде. Наличие таких кафтанов на рельефе подтверждает его датировку. Приводя аналогии кафтанам, автор ссылается на изображение чаганианского посла в росписи Афрасиаба, который якобы одет в такой же кафтан. С нашей точки зрения это мнение ошибочно: послы одеты в длинную парадную одежду совершенно иного вида — разрезы по бокам невысоки и смыкаются, а изгиб линии подола очень незначителен.

Происхождение целого ряда частей одежды автор выводит с Востока. Так, характеризуя высокие сапоги, изображенные на рельефах, он говорит о заимствовании их у кочевых племен, осевших в парфянской Иране и Центральной Азии. Пояса со свисающими орнаментальными ремнями считаются происходящими с Алтая и Монголии.

Головные уборы царя и придворных интересны тем, что это не церемониальные короны, а, так же как и у арфисток, — повседневные шапки. Аналогии этим шапкам находятся в Сибири, поэтому автор полагает, что они были заимствованы у кочевых племен.

В качестве прототипа тяжелому застегнутому царскому кафтану из орнаментированной ткани указывается кафтан на скульптурном изображении царя Канишки из Матхура (II в.) и одежда в росписи «пищеры Меченосцев» (VII в.). Мы полагаем, что такая аналогия не имеет оснований, так как меченосцы одеты в кафтаны из легкой узорной материи, которые не являются верхней одеждой.

Неправомерно также сравнение одежды придворных с нераспашными кафтанами на росписях Пенджикента и Афрасиаба. Широкие манжеты и кайма не могут быть определяющим признаком; одежда на росписях Пенджикента и Афрасиаба во многом идентична, но значительно отличается от изображенной на рельефах Таки-Бустана.

В заключительном разделе автор пишет, что вся историческая обстановка во время правления Хосрова II (590—628 гг.) располагала к восприятию внешних влияний, и на охотничьих рельефах Таки-Бустана изображена одежда, появившаяся под влиянием различных иноземных стилей Запада и Востока. Некоторые детали одежды арфисток специфичны только для Таки-Бустана и в других памятниках сасанидского искусства не встречаются.

Подробный анализ изображенной на рельефах одежды и тщательный подбор аналогий и параллелей делают эту работу очень полезной для всех занимающихся историей культуры Ирана и сопредельных стран. Однако стремление видеть в этих параллелях свидетельство влияния не всегда убедительно: трудно себе представить, чтобы в одежде проявлялось так мало местных, традиционных черт. Очень интересной нам кажется мысль автора о возможности при помощи данных одежды уточнить датировку рельефов. Статья Э. Х. Пек является первой частью ее большой работы об изображении тканей и одежды на рельефах Таки-Бустана и о месте, которое занимают рельефы Таки-Бустана в сасанидском искусстве.

¹ E. H. Pech. The representation of costumes in the reliefs of Taq-i-Bustan. «Artibus Asiae», vol. XXXI, 2/3, 1969.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААК	— Акты Археологической комиссии
АИА	— Архив Института археологии АН СССР
АО	— Археологические открытия
АЭБ	— Археология и этнография Башкирии
БКичП	— Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ВДИ	— Вестник древней истории
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана
ИЭ	— Институт этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая
КК ФАН	— Кара-Калпакский филиал Академии наук Узбекской ССР
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МНИИЯЛИЭ	— Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ПСРА	— Полное собрание русских летописей
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГАИМК	— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
СО АН СССР	— Сибирское отделение Академии наук СССР
СЭ	— Советская этнография
ТИИАИ Тадж. ССР	— Труды Института истории АН Таджикской ССР
ТИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР
УЗ ПГУ	— Ученые записки Пермского государственного университета
УЗ ЧНИИ	— Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
АЖА	— American Journal of Archeology
ВСН	— Bulletin of correspondance hellénique

CIG	— Corpus Inscriptionum Graecarum
CRAI	— Académie des Inscriptions et Belles Lettres. Comptes-Rendus. Paris.
JA	— Journal Asiatique
JHS	— Journal of Hellenic Studies
JNES	— Journal of Near East Studies
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society
NC	— Numismatic Chronicle
OGIS	— Orientis Graecis Inscriptiones Selectae
REA	— Revue des Études Anciennes
REG	— Revue des Études Grecques
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua
SAOC	— Studies in Ancient Oriental Civilization. The oriental Institute University of Chicago
MDAFA	— Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan
MASI	— Memoires of the Archeological survey of India.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи

<i>Абрамова З. А., Щелинский В. Е.</i> Типология и функции остроконечных орудий палеолитической стоянки Кокорево I на Енисее	3
<i>Хлобыстин А. П.</i> О древнем заселении Арктики	11
<i>Сарианиди В. И.</i> Восточнохорасанская культура расписной керамики Афганистана	17
<i>Кошелев Г. А.</i> К оценке достоверности античной традиции об эллинистическом градостроительстве на Востоке	23
<i>Дэвлет М. А., Терещин В. С.</i> О связях в искусстве древних тюрок Центральной Азии	30
<i>Краснов Ю. А.</i> О времени возникновения и ранней истории города Чебоксары	33
<i>Овсянников О. В.</i> Дом и усадьба в сибирском городе XVII в.	41
<i>Воронина Р. Ф.</i> Женский головной убор среднепещерной мордвы VIII—XI вв.	47

II. Публикации

<i>Ранов В. А., Юркевич Э. А.</i> Стоянка с кремневым инвентарем в долине р. Пянджа	56
<i>Праслов Н. Д., Настюков Н. З.</i> Новые материалы по каменному веку Западного Чинка Устья	60
<i>Матюшин Г. Н.</i> Многослойное поселение Мысовое на оз. Карабалыкты на Южном Урале	67
<i>Коробкова Г. Ф., Ранов В. А.</i> Древнейшие землекопные орудия Средней Азии	77
<i>Гришин Ю. С.</i> Неолитическая стоянка на р. Аргунь	81
<i>Мошинская В. И.</i> Об одной категории западносибирской мелкой пластики	83
<i>Степанов П. Д.</i> Воинские трофеи в погребениях Андреевского кургана Мордовской АССР	86
<i>Мозильников В. А.</i> Археологическая разведка на севере Омской области	92
<i>Троицкая Т. Н.</i> Пояса из погребений Новосибирского Приобья II—IV вв. н. э.	100
<i>Крушликова И. Т.</i> Кушанское городище Емши-тепе в Северном Афганистане	104
<i>Брыкина Г. А.</i> Городище Майда-тепе	114
<i>Распопова В. И.</i> Цит с горы Муг	124

III. Рецензии

<i>Бентонич И. Б.</i> К вопросу об истории одежды позднесасанидского Ирана	130
Список сокращений	132

Археология Средней Азии, Сибири и Поволжья
КСИА, вып. 136

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Т. Г. Иванова
Художественный редактор Н. П. Власик
Технический редактор В. Д. Прилепская

Сдано в набор 16/X-1972 г.
Подписано к печати 23/II-1973 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,9. Уч.-изд. л. 11,2
Тираж 2000 экз. Т-01248. Бумага № 2. Тип. зак. 1294

Цена 67 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва К-62, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 10